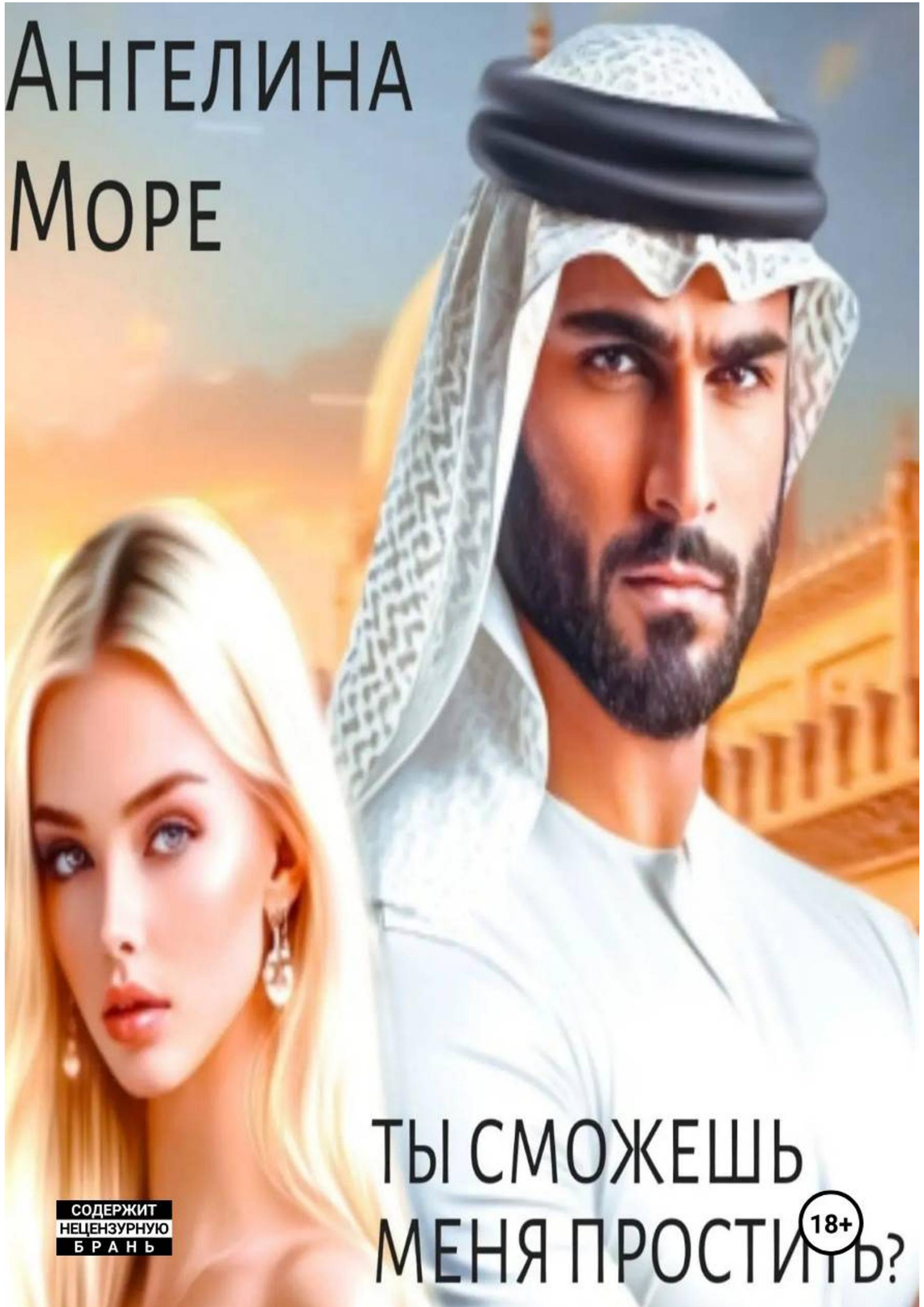

АНГЕЛИНА
МОРЕ

ТЫ СМОЖЕШЬ
МЕНЯ ПРОСТИТЬ?

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ангелина Море

Ты сможешь меня простить?

«Автор»

2025

Море А.

Ты сможешь меня простить? / А. Море — «Автор», 2025

Наша встреча случайна. Никто из нас не думал, что мы встретимся вновь. Только это уже случилось на его территории. Мне предстоит сложный путь, прежде чем я вновь увижу свою семью. Вопрос в том, это буду я или другой человек, который прошёл через ад. От автора: Предупреждение! Сцена насилия. Розовых пони не будет - уснули.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	32
Глава 9	35
Глава	37
Глава 11	41
Глава 12	44
Глава 13	49
Глава	54
Глава	58
Глава 16	62
Глава 17	65
Глава 18	70
Глава 19.	75
Глава 20	78
Глава 21	81
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Ты сможешь меня простить?

Пролог

– Иман, наш секс не безопасен для нежелательной беременности, – говорю, смотря прямо в лицо. Уверена, что он со мной согласен. Иметь ребенка от такой как я, это ... Да они даже меня за человека не считают.

– А кто сказал, что она будет не желательна, Нунна? – слова не сразу понимаю, застываю с раскрытым ртом.

– Что? – продолжает возиться с рукавами рубашки, никуда не спеша.

– У моей жены всегда будет желанная беременность.

– Только я тебе не жена и ... – замолкаю, потому что только сейчас пришло понимание, что он сказал.

– Поэтому поводу завтра состоится ужин, где я тебя представлю...

– Неет ... Нет! – прерываю. Только со второго раза получается произнести твердо и громко. – Я ... Я этого не хочу, ты не сможешь меня заставить, – мужчина срывается с места. Монстр проснулся за какой-то миг. Оказывается возле меня, возвышаясь скалой, приковывая к месту. Злой, как дьявол. Не смогу промолчать, не смогу принять свою судьбу, такую какую подсовывает кукловод. Я должна бороться за свою жизнь, кому кроме меня нужна моя жизнь? Мне и моим родным. Только они сдерживают от необдуманных слов и поступков, но сейчас ...

Его энергетика давит, он молчит, одними чёрными глазами зарождает крупинку страха, но я все сделаю, чтобы не поддаться ей. Отступаю назад, пока не упрусь спиной о стену. Крупинка растёт все больше, потому что эти глаза вернулись. Как в ту ночь. Да, я боюсь повторения той злосчастной ночи!

Боюсь!

– Еще как могу заставить, Нунна, – угрожающий тон. Рука сжимает шею. Дергаюсь, чтобы избавиться от его прикосновений, но реакция обратная. Сильней сдавливают. Глаза расширились от страха, что задушит за неповиновение, что посмела оспорить его решение. Ослабил, но не убрал. – Я тебе даю другой статус, потому что... – резко сбрасываю руку и отталкиваю, что есть силы. Он не ожидал от меня такой прыти, только по этому мне получается добиться дистанции. Глаза опасно сужаются, кулаки сжимаются, но не подходит.

– Статус? О чем ты говоришь? У вас женщина идет приложением к мужчине в ЛЮБОМ СТАТУСЕ, – последние слова почти кричу. – Для меня не приемлемо иметь сто жен и сто любовниц. Уж лучше так, как сейчас. Будешь трахать меня, когда тебе вздумается. А я буду каждый раз выпрашивать у тебя звонка с родителями, – замолкаю, чтобы перевести дыхание. – Боже, как же это дико звучит, – грустно усмехаюсь. Я на грани истерики. Не хочу, чтобы видел меня с обнаженной душой, – Отпусти меня, Иман. У меня семья, у меня д... – во время замолкаю. Как мольба звучат. – Мне не нужен этот статус, я не хочу быть твоей женой. Я тебя не люблю, – говорю тихо, но твердо. Нет сил повышать голос. Без толку это. Не поняла в какой момент полились слезы. Опять преодолевает расстояние, но уже руки по обе стороны от головы.

– Замолчи, Нунна. КУУС ОМММ МАКК! – ударяет кулаком о стену. Убирает мокрую дорожку грубым большим пальцем. От такой внезапной ласки еще страшней стало, но из-за адреналина страх практически не ощущается. – Я тебя не отпущу. Никогда. Запомни это. Ты моя. У тебя нет выбора. Ты станешь моей женой добровольно или насильно, но станешь! Слышишь меня?! – последние слова, как рычание озверевшего зверя. – А на счет любви... Ты полюбишь меня, у тебя будет достаточно для этого времени.

– Ты чудовище. И будешь гореть в аду, – на выдохе, прикрыв глаза. Секунда отдыха. Открываю и смотрю на монстра, который только сегодня показал, что может быть другим человеком. Лучше бы не знала этой стороны.

– Да, я чудовище и, чтобы не обнадёживать тебя... Ты ведь хочешь общаться с родителями? Увидеться с ними? – как же это больно слышать. Уже забыла эту боль в груди. Возвращается. Сдавливает, скручивает.

– Это низко. Даже для тебя, – шепчу.

– Я всегда добиваюсь целей. Поэтому ... Ты станешь моей женой, родишь мне наследника. – Отступает от меня. Смотрим друг на друга. Не опушу. Слезы катятся, но в моих глазах нет щенячьего взгляда. Ненависть. Безысходность. Отчаяние.

– Завтра ужин. Через несколько месяцев будет назначена сама свадьба, – договаривает и направляется к выходу, но возле двери останавливается.

– И только попробуй завтра что-нибудь сотворить. – уходит, громко хлопнув дверью
Ноги подгибаются.

Кричу в голос. Громко. Надрывно, как раненый зверь. Крик отчаяния. Воздуха не хватает в легких. Грудь жжет. Мама, как же мне плохо и больно. Я чувствую физически, как моя грудь превращается в фарш. Кто-то прокручивает мое нутро через мясорубку. Кто-то упивается моей болью, которая хлещет, как вода из фонтана. Мне не хватает воздуха. Пытаюсь сделать вдох... словно рыба на суше. Мне адски больно. Хочется вырезать из груди все, что причиняет боль, словно это доброкачественное новообразование и жить дальше, приняв новые правила игры. Но это... невозможно.

Мама.

Мамочка.

Пожалуйста.

Дай мне сил вытерпеть. Молю!

Как же хочется очутиться рядом с тобой, чтобы почувствовать безопасность. Как в детстве. Только сейчас я уже не ребёнок.

– ААААААА, – в последний раз. Самый долгий, пытаюсь выплеснуть все боль. Всю ненависть, но это чувство въелось в меня. Прижилось. Срослось на химическом уровне. – Как же я тебя сейчас ненавижу, Иман ибн Сахим. Чертов арабский шейх, – поднимаю голову, вытираю соленые дорожки слёз.

Глава 1

Я, Надежда Смирнова, медсестра хирургического отделения. Ещё, буквально, неделю назад у меня было всё: любящая семья, дочь, работа, имя, планы на будущее, а что имею сейчас? Ненавистный мне дворец, статус шлюхи у сына шейха, моя дочь находится в дали от меня, родители, которые не знаю куда пропала их дочь и жива ли она? И это моя история.

Ура, наконец-то, я выхожу на свою любимую работу после двухнедельного больничного. Как же соскучилась по беготне в отделении, по общению, по коллегам. Но этот день перевернёт всю мою жизнь.

Лето. Середина июля. Сегодня прохладно и намечается дождь. Но так как я по жизни оптимист и ищу везде плюсы, не расстраиваюсь. Иду собирать свою любимую дочурку в садик и параллельно сама собираюсь.

– Солнышко, – зову свою кроху, – вставай. Пора в садик собираться.

Смотрю на Еву и не могу понять, куда бежит так время? Ещё вчера была такая маленькая, а сейчас ей уже два года. Мама говорит: «Надь, она копия ты. Такая же была в детстве». Маленький носик, кудрявые светлые волосики, только у меня волосы светлые, густые и прямые. Глаза цветом морской волны. Детская ручка под щёчкой, слушаю мирное сопение, так и хочется наплевать на работу и лечь вод бочок, прижавшись к ней.

– Ни качу, – отвечает эта соня, своим детский сонным голоском.

– Нет, солнышко, так дело не пойдёт. Мы ведь с тобой выздоровели и пора теперь трудиться. Тебе ведь нравится в садике. А что сейчас?

– Ни качу. Я спать качу, – да, так мы точно опоздаем. Беру на руке Еву и отправляюсь в ванную комнату.

Захожу на излюбленное всей семьёй место – кухню, где мы любим собраться большой дружной семьёй за чашечкой чая или вечером за настольной игрой.

Светло-бежевые обои, большая рабочая зона с новым кухонным гарнитуром слева, наш новый стол справа. Мы ведь совсем недавно сделали такой долгожданный ремонт. И мама, которая сейчас стоит за столом и готовит для нас завтрак – омлет и бутерброды с чаем. Подхожу к ней, целую в щёчку и как всегда вдыхаю такой любимый аромат – запах близкого, любимого человека.

– Доброе утро, мам, – смотрю на неё и не могу налюбоваться. Для своих сорока трёх лет мама хорошо выглядит, я бы сказала, что даже и не дашь сорок три года. Русые волосы средней длины, закрепленные заколкой-крабом, морщинки-паутинки вокруг глаз, которые её совершенно не портят. Как же я люблю своё семью, моя семья – моя крепость. Это поддержка, это пример, это любовь.

– Доброе, дочь, – целуя в ответ, отвечает мама. – готова к трудовому дню?

– Конечно, – тут же отвечаю, без промедления. Я люблю свою работу. Получаю удовольствие, когда помогаю больным людям, когда они выписываются с отделения с улыбкой на лице. Это того стоит.

Завтрак проходит как всегда оживленно, каждый делится планами на день и на неделю.

– Ева, а ты что будешь делать сегодня вечером? – я приду только ведь завтра утром после смены.

– Брррр...., би-би. А ещё качу на виу-виу, – и пытается показать ручками. Моя дочь очень любит машины, особенно кататься. Не понимаю от куда такая любовь у неё? Но потом вижу

по глазкам, что загрустила, поняв, что вечером я не смогу её забрать с садика и мы не сможем полепить и порисовать вместе, как это делали каждый вечер.

По дороге в детский садик на меня накатывает какая-то волна тревоги. А в самом садике Ева долго не хотела меня отпускать, закапризничала. Пришлось уговаривать всеми методами, потому что я уже опаздывала на смену. А этого, ой, как не хотелось делать. Идя на работу, ко мне ещё возвращались тревожные мысли, но я старалась прогнать их из головы.

Большое оранжевое пятиэтажное здание. В больнице сделан ремонт, фасад тоже отремонтировали. Главная дорожка, которая ведёт к главному ходу, по бокам цветы, которые имеют такой потрясающий аромат. Зеленая лужайка, лавочки для больных. Старюсь побыстрее дойти и не заглядываться на сие великолепие, потому что я попала под дождь и хотелось бы без спеха принять свою смену.

– Доброе утро, всем, – захожу в сестринскую комнату и улыбаюсь, потому что рада всех видеть, но вижу только Людмилу Степановну.

Обычная средних размеров комната, сделанная в светлых тонах. Большое новое окно на против меня, также наш обеденный столик, за которым мы любим посидеть на обеде, рассказывая смешные истории из жизни или делясь жизненным опытом. Справа кровать, слева холодильник- самый главный атрибут в этой комнате, телевизор и умывальник.

– Ой, доброе ли оно, Наденька? – отвечает Любовь Степановна, медсестра, которую я меняю. Женщина 70 лет, очень напоминает мне мою бабушку по папиной линии. Такая же низенькая, кстати я тоже пошла в неё ростом, полноватенькая, с искрящимися глазами, и милой улыбкой. От этой женщины такая светлая энергетика идёт, что с ней ты вылечишься, просто постояв рядом. – Здесь такое было пока тебя не было. Да и сейчас продолжается, так что будь осторожней и лезь никуда, а то знаю я тебя, – сразу ставит наставления, зная мой характер.

– Любовь Степановна, что случилось? – сразу спрашиваю, видя как появилась паника в глазах и какой-то непонятный для меня страх.

– Да, криминал арабской внешности у нас лежит в отдельной палате. Поначалу с охраной был, сейчас, славу богу, убрали её. А то, больные спрашивают, боятся. А мы-то сами ничего не знаем, делаем, что велят. Не задаём вопросов, – быстро шёпотом тараторит медсестра, явно стараясь изложить всё информацию за короткое время, потому что в любое время коллеги могут зайти или пациенты постучать.

Пока я переодевалась нас «не беспокоили» и я узнала всё что пропустила за время своего отсутствия. Узнала, что привезли «довольно симпатичного мужчину тридцати лет» – так описала пациента Любовь Степановна, с двумя огнестрельными ранениями. Что для меня оказалось странным, так это то, что полиции не было и всех предупредили, сказав держать языки за зубами, если «не хотим проблем на свою голову».

– Ладно, разберёмся, Любовь Степановна.

А про себя думаю, что и в правду многое пропустила. Надеюсь, что мои тревожные мысли никак не связаны с новым пациентом. Но где-то в глубоко внутри опять-это непонятное чувство начинает шевелиться, словно червь. Пытаюсь прогнать ощущение тревоги, непонятно чего приближающегося и настроиться на рабочий лад.

– О, привет, Надь! Как отдохнула? Как дочка? – заходит в комнату как раз под конец своего рассказа Людмилы Степановны моя ровесница коллега – Инна. Высокая девушка модельной внешности. Огненно-рыжие выющиеся волосы, которые сейчас заплетены в косу. Пухлые губы, над верхней есть маленькая родинка. Но как говорится внешность не главное и этот как раз тот случай. Инна завистливый, изворотливый, меркантильный человек, который ради своей выгоды способен на всё. Выражение: «в каждом стаде есть овца» – это про неё.

– Привет, – отвечаю с дежурной улыбкой. – Дочка выздоровела, спасибо, всё хорошо, – специально игнорирую второй вопрос. Какой может быть отдых, когда ребёнок болеет и ты видишь как он страдает. Как вспомню, когда Ева задыхалась ночью по время кашля, аж дрожь

берёт, или, когда температура под сорок и не хочет спадать или, когда ты видишь эти болезненные глазки, бледный вид своего ребенка и только одно желание – взять боль на себя.

– Тебе уже поведали новости о богатеньком в платной палате? Мм.. вот бы с ним в другом месте познакомиться, – видя мой взгляд. – А что? Симпатичный, высокий, богатый, – мечтательно говорит девушка.

Я лишь закатываю глаза и оставляю её реплику без ответа. На этот счёт у меня своё мнение. Не считаю, что главное деньги, да, несомненно они нужны, но это не главное в жизни. Чем больше денег, тем больше потребностей и как показывает практика – неуважительное отношение к людям кто ниже тебя в социальном плане.

– Надь, зайди к главному врачу. Это срочно, – говорит Ира – наша санитарочка. Девушка двадцатипяти лет. Приятной внешности, с каштановыми волосами, которые сейчас спрятаны под медицинскую шапочку. Большие карие глаза, длинные пышные ресницы, которые оставляют тень на румяных щеках.

– Хорошо, сейчас подойду, – говорю перед тем как девушка успевает скрыться за дверью.

Подхожу к кабинету главного врача и стучусь в дверь. «Входите», – слышу из-за двери. Вхожу в кабинет, не решаюсь сесть за стол, так как Николай Александрович с кем-то разговаривает на повышенных тонах.

Большой светлый прямоугольной формы кабинет. С двух сторон шкафы с медицинской документацией, аккуратно заставленные папками на полках. Красивая современная люстра, которая прекрасно выполняет свою функцию. Не то, что было до неё, одно название. Свет тусклый, маленькая, светит только под собой, свет исходил только от окна, если нам ещё повежёт и была солнечная погода. Большой прямоугольный стол, мягкие стулья, три больших окна с вымытыми стёклами. Да, губа не дура, думаю, после этого «арабского шейха» как я его про себя прозвала, не раз у нас будет сделан ремонт в каждом кабинете и палате. Хотя, зная жадность главного врача это навряд ли. Но помечтать ведь не вредно.

– АУУ... Надежда?! Надежда?! – зовёт девушку главврач.

– А... что? Ой, простите, пожалуйста. Вы меня вызывали, Николай Александрович? – быстро тараторю я. Как долго он меня уже зовёт?

Я в этом кабинете в первый раз после ремонта, настолько было поглощена рассмотрением нового дизайна, что даже не слышала о чём идёт разговор. Мужчина средних лет, слегла пухловат, смотрит на меня, сдвинув брови. Двухдневная щетина, очки, которые ему идут и делают его более серьёзным и брутальным. Но вижу по взгляду, что он не доволен и напряжён и сейчас будет разговор не из приятных.

– Да, вызывал, Надя. Присаживайтесь за стол, – говорит мужчина, показывая куда присесть. При этом голос такой грубый, грудной, видно, что ещё не отошёл от разговора по телефону. Молча сажусь за стол. – Я думаю ты уже в курсе, что у нас в отделении необычный пациент, которому нужен тщательный уход. Выполняйте свою работу, не задавайте лишних вопросов, если что-то предложат сразу не отказывайтесь, не любят они, когда им отказывают, – сказал как отрезал Николай Александрович.

А я не успеваю обдумать настолько быстро он отдал «инструкцию», что мне надо делать. Во-первых, я всегда выполняю свою работу и тщательно ухаживаю за любым пациентом, не зависимо есть ли у него деньги или нет. Да, у меня есть жизненные принципы, которые делают из меня. Я не считаю, что медработникам нужно давать «конвертик», чтобы он выполнял СВОЮ работу. Ты сначала вылечи, осуществи должный уход, а потом если выздоровевший посчитает нужным отблагодарить, то другое дело. А то получается больные люди, особенно пожилые люди, платят только за то, чтобы медсестра или доктор выполняли свою работу. Для меня это не приемлемо. А, во-вторых, что значит «сразу не отказывать» и «они не любят, когда

им отказывают». Здесь прям встrepенулась. Я как минимум раздражена словами главврача, а как максимум сильна удивлена.

– Вы же знаете, что я всегда осуществляю должный уход к каждому пациенту. Это было лишнем, Николай Александрович. Если это все, что вы хотели мне сказать, то я пойду. Пора приступать к своим прямым обязанностям, -говорю резко, вставая из-за стола. Задвигаю стул, смотря на мужчину.

– Да это всё, вы можете быть свободны, – говорит мужчина серьёзно, при это поправляет очки. Видно, что недоволен, как я отреагировала на его «инструкцию».

Идя в отделение, у меня после разговора остался неприятный осадок. Но как только захожу в процедурный кабинет сразу окунаюсь в свою стихию.

Глава 2

Сегодня прям какой-то особенный наплыв пациентов. Так много поступивших. Иду с капельницей к нашему «арабскому шейху». Вхожу в палату, качу за собой штатив с солевыми растворами. Ставлю рядом с мужчиной, освобождаю руку от больничной рубашки. Пытаюсь подсоединить систему, но понимаю, что не выйдет, так как катетер забился. Настолько была поглощена своей работой, делая всё на автомате, что даже ни разу не посмотрела на мужчину. Вернувшись в палату с физраствором в руке сразу отметила исполинский рост этого арабского шейха. Видно, что мужчина занимается спортом: широкие плечи, руки накаченные, из-под рубашки видна татуировка в виде гремучей змеи, выпирающие вены, расположенные близко к коже. Тёмно-молочный цвет кожи, ёжик на голове, обросшие щетиной щёки и шея, слегка пухловатые губы. Небольшой шрам над правой бровью.

Ставлю венозный катетер, но как только игла протыкает кожу, в меня тут же схватились мёртвой схваткой и смотрят своими темно-зелёными глазами с такой ненавистью, что у меня мурашки побежали по коже. Не ужели так больно сделала?

– Мужчина, что вы делаете? Отпустите! Вы в больнице, вас ранили, у вас два огнестрельных ранения. Я к вам пришла поставить капельницу, – пытаюсь собраться и сказать твёрдо, но из-за испуга голос дрожит. Арабский шейх только сдвигает брови к переносице и кажется удивлён, что с ним заговорила существо женского пола в такой тоне. Слышала я много историй о жизни тех краёв, о их нравах, о их менталитете. Что женщина там ничего не решает, часто подвергается насилию, неуважению, несправедливости и унижению. Но они там живут с детства, их прививают таким порядкам с пелёнок. Для меня, живущей с рождения в любви, в заботе и, видя какое у родителей взаимоуважение, как они смотрят друг на друга, сложно понять такие отношения к своим жёнам, да и в принципе к женщинам.

– Позови главного, – сказал с акцентом ихриплым после сна голосом пациент.

Подсоединив систему, выхожу из палаты и только сейчас замечаю как сильно у меня трясутся руки. Глядя на запястье, понимаю, что останутся синяки после такой хватки. Так надо успокоится. Давай Надя вдох-выдох, вдох-выдох. Всё хорошо. Иду в конец коридора в кабинет главного врача. Стучусь. Слышу за дверью раздражённое: «Да». Вхожу и сразу с порога говорю.

– Николай Александрович, вас хочет видеть пациент с огнестрельным, – поднимаю глаза и вижу как изменилось лицо мужчины. Губы сжаты в тонкую линию, брови ещё сильнее сдвинуты к переносице, в глазах зарождающаяся тревога.

– Сейчас подойду, можешь идти работать, – говорит резко главный. А я не стала задерживаться и сразу пошла делать обход по палатам, проверяя капельницы.

Идя обратно с штативами в процедурный кабинет, услышала шум в одной из палат. Но я сразу поняла из какой палаты он доносится.

– Ира, убери там все, – сказал Николай Александрович грубым, резким тоном.

А у самой в голове проносится: «поскорее уже доработать эту смену».

До вечера время пролетает быстро и не заметно. Без всяких происшествий. Только под вечер, сидя в сестринской комнате с Ирой, услышала шаги. По ним сразу можно отметить, что идёт уверенный в себе человек.

– Мужчина, вы к кому? – задаю ровным голосом вопрос, подходя чуть ближе.

На меня смотрят чёрные глаза, окидывая масляным взглядом. Стало не по себе от этого. Захотелось как можно скорее уйти подальше и отмыться. Мужчина, одет в костюм тройку. Высокий, хотя с моим-то ростом, все кажутся высокими. Бородатый. Широкоплечий.

– Мне к Иману ибн Сахиму, – говорит с явным акцентом, продолжая меня оценивать, словно товар на ярмарке. Я сразу поняла про кого он говорит, но часы приёма для всех одина-

ковы и я не хочу допустить шума в отделение, который был днём, а что он будет я не сомневаюсь.

– Приходите завтра, в часы приёма. Больному нужен покой, – отвечаю заученную фразу. Вижу как меняется взгляд у мужчины. Злой, что посмела перечить. Пронизывающий до костей, от которого мурашки по коже.

– Не ищи проблем на свою голову и всё будет хорошо, – резко с ненавистью отвечает он, но вторую часть предложение уже более спокойно. И заходит в палату, громко при этом хлопнув дверью. Я понимаю, что лучше не лезть и уйти в сестринскую комнату и не дай бог мне услышать что-то что не для моих ушей не предназначено. Разворачиваюсь и иду в уборную комнату, умыться лицо холодной водой. Хотя бы с лица смыть этот липкий, масляной взгляд.

Проходя по коридору было слышно разговор мужчин, разговаривающих на повышенных тонах. Уже проходя палату, в которой ведётся разговор, можно понять, что мужчины спорят и явно пытаются доказать свою точку зрения. В школе я как-то увлекалась языками, но чаще забрасывала их. Одним из таких языков был арабский. Конечно, я не владею им полностью, но суть могу уловить и ответить односложно. «Оружие готово, для перевозки?», «Асад за всё заплатит», «если здесь не получится перекрыть, то на родине». «он с кем-то из отделения знаком». То, что я услышала явно не предназначалось для моих ушей. побыстрее уже дойти до сестринской, во избежании дальнейших проблем. Но моим планам не суждено было сбыться.

Дверь открылась и из палаты вышел мужчина. Смерил меня долгим тяжёлым взглядом, а у самой билась в голове только одна мысль: «лишь бы не понял, что я услышала, а главное, что я знаю их язык».

Иман

Начал приходить в себя от прикосновений и когда почувствовал неприятное жжение – схватил мертвой хваткой чью-то очень нежную руку. Красивая, а чего стоит только глаза. Голубые, цвета неба, цвета морской волны. Смотрит прямо в глаза. Россия. Здесь другой менталитет. Отвык. Дома, в песках на мужчин вообще не смотрит женщина, не разговаривает с ним. Только после его позволения. За такое сразу же высекли кнутом обнаглевшую.

– Главного позови, – говорю хрипло из-за долгого сна, отпуская руку. Уходит, подсоединив капельницу. Через пару минут приходит главный врач.

– Доброе утро, Иман. Как самочувствие? Всё устраивает? – Лебезит. Ненавижу это. Конечно, такие деньги ему в карман приплыли. Свожу брови и пытаюсь приподняться, потому что устал лежать на спине.

– Нормально всё, готовьте документы на выписку. На завтра, – не намерен пролеживать здесь. И не такие раны были у меня. Вижу, что недоволен и хочет, чтобы здесь подольше задержался.

– Господин, Иман, – как заговорил. Я приподнимаю одну бровь и смотрю прямо в глаза. – Ещё так рано, у вас два огнестрельных, вам нужен покой. Полежите ещё пару дней, хотя бы...

Перебиваю, не дав договорить.

– Я сказал завтра, Доктор, и это не обсуждается, – отрезаю грубо, резко. Пытаюсь ещё выше приподняться на постели, но через пару секунд штатив падает. Откидываюсь на постель обратно, всё-таки ещё сложновато. Смотрю на доктора и тот понимает без слов, уходит, зовя кого-то, чтобы убрали тут.

Асад. Сколько же это имя вызывает во мне эмоций. Непреодолимую жажду убивать. Нестерпимую ярость, и так долго жаждущую мною мести. Как же хочется увидеть его гнилой хладный труп. Так погрузился в свои мысли, что не заметил, что санитарка уже почти всё убрала. Сейчас домывает пол, при этом не забывая покрутить задом. Да, давно у меня не было женщин и чувствую еще пару недель будет не до них. Но дискомфорт приносит, когда член стоит, принося неприятные ощущения в паху.

День проходит быстро, так как я большую часть время провёл во сне. Под вечер приходит Мустофа.

– Привет, брат. Как ты, дорогой? –мы никогда не были близки с ним. И сейчас ощущается в его словах издевательство и некое превосходство.

– Твоими молитвами, брат. Завтра выписывают. Нужно выдвигаться. Оружие ведь готово для перевозки?

– Да, Асад готовится, думает, что ты долго ещё проваляешься здесь.

– Есть информация, но это не точно сейчас. Он с кем-то из отделения знаком, –сказав, что заедет завтра за мной, уходит.

Асад хочет заполучит торговый путь в пустыне. Но это моя земля, а я своё никогда и никому не отдам. Мы должны были встретиться в России с ним, на нейтральной территории. Но он пошёл не тем путём и теперь ни о каких договорённостей и соглашений и речи быть не может.

Через некоторое время заходит медсестра и подсоединяет систему. Девушка явно чем-то взволнована. Глаза бегают. Губы поджаты в тонкую линию. Руки дрожат. И видно, что торопиться. Приятно пахнет, такой сладких аромат. В паху, опять, становится тесно и это чёртово неприятное ощущение.

– Аль кальба(1), – девушка вздрогнула и выскочила за дверь. Но перед выходом, я увидел панику и страх в её глазах.

Надя

Наконец-то, я дома. Не верится, что эта смена закончилась. Сегодня Ева не пойдёт в сад. Проведём день вместе. Я так по ней соскучилась.

Был довольно жаркий день. Я собираюсь встретиться с подругой в кафе. Выбираю легкий голубого цвета сарафан, джинсовку, балетки, делаю неуклюжую кукишку и выхожу на кухню. За кухонным столом сидят все домочадцы. У нас сейчас ранний ужин, но я от него отказалась, так как перекушу в кафе. Целую своё крошку в головку, вдыхая такой родной запах, ничем не передаваемый. Она поворачивает свою кудрявую макушку и смотрит на меня своими небесными глазами, не понимая куда я собралась без неё.

– Мам, я не долго. Думаю, на пару часиков. Еву сама уложу, к этому время уже вернусь, – подходу к родителям, целую щёку обоим, поворачиваюсь и иду в сторону двери.

– Дочь, может не пойдёшь? Не спокойно как-то у меня на сердце, – говорит мама. Смотрю на неё и вижу нескрываемую тревогу, что плещется в глазах. Но что может случиться со мной? Я всего на пару часов.

– Всё будет хорошо, мам, не переживай. Я буду осторожна, – подхожу к маме, обнимаю её и ещё раз прижимаюсь к щеке. Мама обнимает в ответ, целуя лоб. Подхожу к столу и сажусь на корточки напротив дочери.

– Веди себя хорошо. Солнышко. Я скоро буду.

Подхожу к папе, целую в щеку и выхожу из дома, при этом машу рукой перед тем как закрыть за собой дверь.

Весь вечер меня не покидает тревожное чувство. Как будто за мной кто-то наблюдает. И теперь всё чаще ко мне возвращается мысль, почему я не послушала маму? Сидела бы сейчас дома, играла бы с дочкой. Потом как всегда после того как уложу Еву, сидели бы с мамой на кухне за чашечкой зелёного чая и вели разговоры ни о чём. Люблю эти моменты. Мы с мамой очень близки, я надеюсь, что у меня получится выстроить такие отношения с Евой в дальнейшем.

Возвращалась домой как положено. Ещё довольно рано. Холодная ночь будет сегодня. Из-за деревьев виден алый зарождающийся закат. Очень красиво, прям глаз не оторвать. Насыщенно-красный, а над деревьями плавно переходит в фиолетовый. Иду прибавляя шаг, потому

что червь-тревоги начал зарождаться во мне в геометрической прогрессии. Я часто оборачиваюсь, но ничего не вижу опасного. На тротуаре больше никого нет. Оборачиваюсь и ощущаю укол в область шеи, но перед тем как погрузиться в тёмную пучину, поднимаю голову и встречаюсь с чёрными глазами, которые не предвещают ничего хорошего.

1-сука

Глава 3

Часто просыпаюсь, но не могу открыть глаз. Опять темнота. Очень хочется в моменты пробуждения пить, но сил так мало. Только просыпаешься, через несколько секунд опять темнота.

Резкий холод. Пытаюсь податься вперед, но боль от затекших мышц срывает стон боли. Пытаюсь разглядеть обстановку. Ничего не понимаю и не вижу. Белые пятна пляшут перед глазами.

Секунда.

Две.

Три.

Видимо, окатили холодной водой. Закрываю глаза. Открываю, сфокусировать взгляд удаётся с трудом. Рядом кто-то что-то говорит, но понимаю плохо. Ощущая резкую боль в скуле и металлический вкус во рту. Надоело им со мной любезничать. Подносят что-то железное ко рту, понимаю, что предлагают попить. Делаю пару глотков воды и только после этого начинаю постепенно приходить в себя.

Не хватает сделать полный вдох. Воздуха очень мало. Душно.

Смотрю перед собой, вижу мужчин. Рядом со мной ещё несколько девушек.

– Где мы? Зачем мы здесь? – задаю вопросы, получается только шёпотом.

– Да, тихо ты. Или сдохнуть поскорее хочешь? Сиди ниже травы, не привлекай к себе внимания. Они чудовища, – говорит мне девушка на вид старше меня. И явно, которая больше меня соображает.

– Эй, шлюхи, а ну, тихо там. Иначе сейчас найдём применение для ваших ртов, – говорит «чудовище» с акцентом, который стоит ближе всех.

А меня начинает одолевать паника, постепенно своими щупальцами обвивает и сдавливает, лишая кислорода. Вечер, кафе, тротуар, укол и этот взгляд, который пробирается в недры души, оставляя после себя холод. Воспоминания сменяются друг за другом, словно калейдоскоп.

Ева, мама, папа... Как же так? Нет, это не правда. Это не может быть реальностью.

Так успокойся Надя. Не привлекай внимание. Успокойся. Я надеюсь, что близкими не пострадали, а твари, которые меня похитили не знают, что у меня есть ребёнок. Слёзы не смогла сдержать, беззвучно капают на грудь. Почему я не послушала маму? Почему я такая дура? Что теперь будет?

А на улице началось какое-то оживление. Несколько мужчин залезли к нам в фургон и начали вытаскивать на улицу. Кого-то за шею, кого-то за волосы.

– Эй, с этой шармутой аккуратней. Она должна быть целой и невредимой, ну, или просто целой. Идёт в качестве подарка, – сначала не поняла про кого они говорят, но когда меня вздёргнули на ноги, поняла, что речь шла обо мне.

Вытолкав на улицу, начала озиаться по сторонам и увиденное повергает меня в шок. Как такое возможно в двадцать первом веке? Пустыня, повсюду песок. За исключением полуразрушенного здания за спиной, чем-то напоминающего заправку. Дышать ещё труднее. Воздух сухой, горячий, как будто в лёгкие залили раскалённое железо. Поворачиваю голову и встречаюсь с теми глазами, которые смотрели на меня в отделении. Опять этот маслянистый взгляд, после которого хочется отмыться. Одет он по-другому, белая джалабия, сидит на коне, куфия, которая не скрывает лицо. Меня колотит мелкая дрожь. Ещё щека ноет от удара, но не особо обращаю на эту боль внимание. Все мои мысли о доме, о моей крошке, о родителях. Я даже представить не могу, что они думают.

– Глаза опусти. Ты разве не знаешь, что восточные мужчины любят послушание, подчинение. Не смотри в глаза пока тебе не позволят, сука, – говорит с акцентом. Дергает за волосы. Я приподнимаюсь на мысках. Такое ощущение, что он сейчас с меня скальп снимет. Морщусь, ослабевает хватку, но не убирает руки. – Я уверен, что понимаешь нас... всем нутром чую это. Я видел страх в твоих глазах. Ты будешь в качестве подарка. Для моего брата. Имана. Если бы я был падок на славянок оставил бы себе, на временное пользование, а потом отдал бы своим войнам. Ждем и выдвигаемся.

– Не знаю ваш язык, – это вся что я могла вымолвить. Меня сковал ужас.

Он прищуривается и натягивает опять волосы, запрокидывая голову.

– Я не люблю ложь, за ложь у нас языки отрезают. Запомни это, шармута.(1).

За грузовиком разместили несколько палаток. Думаю, мы останемся здесь на ночь. А в голове только одна мысль пульсирует: «нужно бежать». Я не могу попасть в рабство. Но ты Надя уже попала, к сожалению.

Вы когда-нибудь сожалели о чём-то? Вы когда-нибудь хотели повернуть время вспять?

Я, да. Сидя на песке, я до сих пор не могла прийти в себя. Как так произошло? Почему я не послушала маму? Если бы послушала, была ли бы в безопасности? В душе я понимаю, что нет. Меня бы всё равно похитили. Понимание, что это реальность, а не моё воображение или дурной сон- напоминает тупая боль в скуле.

– Пускай отработывают еду, – слышу сквозь пелену, обрывки слов вперемешку с мужским смехом, так как полностью не владею языком.

– Шармуты получают свое, дай только до места добраться. Я оттрахаю ту чёрную. Член колом стоит как только её увидел. Я бы не прочь и сейчас с ней поразвлечься, но хочу оставить на десерт.

– Сука ни чего такая.

Поворачиваю голову в сторону костра и натыкаюсь взглядом на говоривших. Двое мужчин отталкивающей внешности. Широкоплечие, высокие, бородатые. У мужчины слева шрам, который пересекает правый глаз и щёку. Кривые жёлтые зубы, я даже сидя на расстоянии от них чувствую зловонное, гнилое дыхание. Желчь подкатывает за секунду, но я стараюсь её удержать, дыша глубоко и размеренно. У мужчины справа дела с лицом обстоят куда хуже. Пытали, первое, что приходит мне в голову.

– Красивая эта. Такая же шармута, только красивая

Я даже не поняла, почему он не договорил. Все смолкли. Так тихо стало, словно в могиле, хотя минуту назад был гул.

Мурашки по коже поползли. Стало как-то не уютно. Поворачиваю голову и встречаюсь с равнодушным, холодным взглядом зелёных глаз.

–Господин, всё готово.

– Опустите глаза, не смотрите на них, не привлекайте к себе внимание, – слышу голос девушки справа. А я не могу не смотреть, меня как- будто загнипнотизировали. Это страх. Который парализует, затягивает, поработывает, утягивает в самую бездну, окунает в ледяную воду, сдавливая лёгкие.

Так и не смогла отвести взгляд. Ещё долго смотрела туда, даже не поняла, когда он ушёл. Иман

Убью. Хотел усидеть на двух стульях? Выпущу все кишки. Я знал, что он не питает ко мне братских чувств, какие должны быть у братьев, но неужели он такая продажная сука? Воткнул мне нож в спину.

Мустофа тебе повезло, что я сейчас не рядом. Живи пока...

– Пададь. Шакал. Предатель... – и всё из-за наследства. Это ещё не родились наследники. А что будет, когда появятся? Других братьев тоже пытается убить?

Смотрю на своего брата, когда мы стали врагами и главное из-за чего? Одно слово-наследство. Оно губит всех.

Отец изменил завещание. У кого первый родиться наследник, тот и станет следующим шейхом. А до этого я не имел права на него, потому что был рождён от наложницы отца.

В моих владениях были пески-мёртвые земли, которые я завоевал кровью и потом. Знаю каждую песчинку, каждый уазис, каждый камешек, каждый кустарник. Всё моё, а эта паскуда забрал бы часть земель себе после моей смерти.

– ... Прими мой подарок, – прослушал весь монолог Мустофы.

– Приведите её. – вижу, что нервничает, ты не получишь лёгкую смерть, брат. Это я обещаю.

– И что это? – смотря на девушку, приподнял бровь в удивлении.

– Брат, ты что забыл как шлюхи выглядят? Красивая, специально для тебя. Знаю, что ты любишь таких.

Только мне плевать, что он решил мне преподнести. Ничего не изменит его поступка. Конечно, я узнал её. Медсестра в отделение. Таких тысячи...

– Зачем я вам? Отпустите меня, – лепечет, смотря с надеждой. Забавно, что она у неё есть. Девчонка ещё не поняла куда попала. Глаз не отпускает. Да, наши бы такое себе не позволили.

– Тебе, что не говорили? Не поднимай глаза и не смей, сука, разговаривать с нами, пока тебе не позволят.

Плачет. Никогда мне не было дело да женских слёз. Точнее я их не замечал, когда только любовницы начинали пускать слезу, разворачивался и уходил. Я получил, что хотел. А тут, что-то не то. Не могу даже отвернуться. Просто смотрю на то, как прозрачные капли стекают вниз и пропадают в песках, оставляя лишь мокрый след. Жаль? Нет, мне не жаль. Завораживает эта картина, что даже не могу отвести взгляд.

– Иман, она понимает наш язык, – удивлён. Столько было русских шлюх, знаю, что даётся сложно выучить язык.

Решил проверить, так это или нет. Ненавижу ложь, жестоко наказываю за неё.

– Ту шлюху подставную допросили. Мало ей не показалось. Пришлось её разговорить слегка. Она подыхала долго. Обслужила сначала моих войнов. Живучая оказалась. Десять плетей и отрезание языка. За ложь, – поворачиваю голову и встречаюсь с небесным взглядом. И что я там вижу? СТРАХ. Теперь я понимаю, что она понимает наш язык. Значит, лжёт и прикидывается овечкой. Но нет, надо преподать урок будущей подстилке.

1 – шлюха

Глава 4

Надя

– Ту шлюху ... допросили. Мало ей не показалось. Пришлось её разговорить слегка. Она подыхала долго. Обслужила ... войнов. Живучая ... плетей и отрезание языка. За ложь, – поворачивает голову и смотрит на меня. Понимаю, что понял. Мне не жить. Я не хочу. К горлу подступает паника. Начинаю озиаться по сторонам, ища выход.

Уже толком не вижу из-за слёз. Всё плывёт.

Резко схватили и повалили на пол.

– Я же говорил, что за ложь у нас отрезают языки, – говорит это чудовище.

– Пожалуйста, не надо. Я не владею полностью вашим языком. Я не все слова разбираю. Пожалуйста... – получаю удар по щеке. По той же. Настолько сильный удар, что голова поворачивается в другую сторону, а рот наполняется кровью.

– Заткнись, сука. Ты ещё не поняла, что не имеешь права голоса, пока хозяин тебе не позволит ...

– Мустофа, отойди, – слышу или показалось голос второго чудовища, но через пару секунд сволочь отходит от меня. – В следующий раз отрежу язык, – смотрю в зелёные глаза и понимаю, что правда отрежет. Он способен на всё. В глазах нет жалости, нет сочувствия, нет сострадания. Там моя смерть.

Господи, куда я попала? Неужели такое ещё существует, в ниши дни-цивилизации?

– Выйдем, – слышу сквозь шум в ушах после удара по щеке и спустя несколько секунд понимаю, что в палатке осталась одна.

Вытираю кровь с подбородка. Козёл, сильно ударил. Будет гематома.

Как же холодно, зуб на зуб не попадает. Я понимаю, что это не из-за холода. Это из-за страха. Удушающегося, поработавшего страха. Солёные дорожки даже не думали останавливаться. Что теперь будет? Как моя крошка? Я даже представить не могу как мои родители и что они чувствуют. Только, когда у вас есть собственные дети можно понять фразу: «будут свои дети – поймёшь».

Я облокотилась на столб, который стоит посередине палатки и начала осматриваться.

Сижу напротив выхода. Слева от меня спальное место. Всё завалено подушками, пледами. Справа небольшой импровизированный столик и место для костра рядом с ним. Я настолько была измотана событиями своей жизни, которые изменяется с невероятной скоростью, что не поняла в какой момент меня сморил сон.

Резко просыпаюсь от того, что на меня выливают воду. Откашливаюсь и не могу понять, что происходит. Смотрю перед собой и вижу ноги. Подняв голову, встречаюсь с тёмно-зелёными глазами.

– У тебя что со всем нет чувства самосохранения? Ты разве не поняла, что ты не имеешь права поднимать глаза на хозяина, пока тот тебе не разрешит?

– Можно было нормально разбудить, – бурчу себе под нос. И только после того как сказала, поняла, что мои слова были услышаны. Глаза стали чёрные, брови свёл, губы поджал и смотрит на меня, как будто хочет расчленил. Вздёргивает резко на ноги и хватает за шею. Другой рукой обманчиво- нежно гладит то место, где образовалась гематома.

– За такие слова давно бы уже получила плетью. Но сейчас у меня на тебя другие планы, – говорит обманчиво-спокойно. Голос заволаживающий. Я и не думала, что голос у чудовища может так звучать.

– Зачем я вам? Отпустите меня, – лепечу, стараюсь, чтобы голос звучал твёрдо и меня можно было понять. Сжимает руку на моей шеи чуть сильнее и приближает своё лицо к моему.

– Ты ещё не поняла, куда попала? Ты в пустыне, Нунна(1). Здесь другие законы и правила. Обращайся ко мне «мой господин». И ответ на твой вопрос- никогда, – последнее слово произносит чётко, уверенно и громче. Отходит от меня на несколько шагов.

ЧТО? Не могу до конца осмыслить сказанное. Смотрю на него ошарашенными глазами.

Ноги, совсем, не держать и я медленно оседаю на мягкий ворс..

Как никогда? Единственное, что я услышала из того, что он сказал. В голове как заклинило.

Никогда...

Никогда...

Никогда...

Так, Надя, успокойся. Если впадёшь в панику, не сможешь здраво мыслить. Соберись.

Меня похитили. Перевезли через границу пока я была без сознания. Единственное куда они меня могут отпустить – это в руки смерти. Теперь я это отчётливо понимаю.

Ничего вокруг не замечаю и только, когда меня ставят на ноги, смотрю в ярко-зелёные глаза.

– Стой!– встряхивает меня, словно тряпчатую куклу. Голос звучит так, как будто отдаёт приказы. – На, – протягивает пару кусочков мяса, но в нескольких сантиметрах от меня – падают на коричневый ковёр, оставляя жирные следы, – ешь и выдвигаемся, – специально так сделал.

Перевожу взгляд на мясо, пахнет вкусно. В желудке засосало, понимаю, что в последний раз ела только в кафе. Но осознание, что он так сделал, приводит меня в бешенство. Я не животное, чтобы есть с пола. Я – человек. Как бы я не хотела есть, не стану унижаться и не позволю унижать себя.

Вдох-выдох, Надя. Вдох-выдох.

Поднимаю глаза на чудовище. Лицо ничего не выражает, словно он поступил как и должен был. Для него люди что ли животные? Нет, Надя, для него люди как я – грязь под ногтями, а от животных будет хоть какая-нибудь польза. Смотрит на меня своей не читающей миной и ждёт от меня дальнейших действий.

Понимаю, что надо прикусить язык, но слова вылетают быстрее, чем я успеваю их обдумать.

– Сам ешь. Я не животное тебе. Я человек, гордость у меня ещё есть, – выплёвываю слова со злобой и ненавистью, глядя в глаза.

– И всё же ты дура, – сокращает между нами расстояния и дёргает в сторону столба, расположенного посередине шатра. Я не понимаю, что происходит и что он хочет сделать. Перевязывает мне запястья, приковывая меня. Обходит за спину и разрывает на мне сарафан голыми руками.

– Пожалуйста, не надо, – кручу я, но понимаю, что поздно. Что он задумал- осуществит и ничто и никто мне не поможет. Сделает мне больно, здесь только так – всё познаётся с ней. Они привыкшие, но не я.

– Аа...– ощущая резкое жжение на спине, понимая, что он меня решил наказать хлыстом. Сжимаю зубы так сильно, что скулы начали болеть. Ты не услышишь и звука как мне больно. Один. Открываю рот в немом крики. Боль. Жгучая. Нетерпимая. Слезы текут.

Два. Вздрагиваю от боли и крик боли вырывается. Пытаюсь прижаться к столбу, чтобы хлыст не долетел до цели.

– Хватит, – очень тихо, молю. Сил нет.

Иман ибн Сахим ты пожалеешь об этом. Как только представиться возможность, я всажу в твоё чёрное, холодное сердце нож по самую рукоять. И прокручу, что есть силы. Смотря прямо в глаза. И плевать, что потом точно меня убьют.

Три.

Кричу в голос.

Больно. Как же это больно и унижительно. За что? За то, что не привыкла к такому обращению? За то, что защищаю себя и не позволяю унижить себя? За что? Плачу беззвучно, не услышишь их. Потом ничего не чувствую, дал передышку? Или ещё меня что-то ждёт.

– Подними голову и открой глаза, – говорит грудным, напряженным, но в тоже время охрипшем голосом. Дышит часто, полной грудью, обдавая меня своим тёплым мятным дыханием. А я даже не поняла в каком момент зажмурилась и прижалась щекой к столбу, склоняя голову книзу. Видимо, так легче было терпеть боль. Делаю, что велит и вижу насколько близко ко мне стоит. Колотит мелкая дрожь. Я боюсь его, особенно когда он так близко. Смотрю на него снизу вверх, глаз не отвожу с его лица. Чёрные длинные ресницы, пухловатые губы, ровная загорелая кожа, только шрам украшает правую бровь. Не могу понять, как такой красивый мужчина может быть внутри чудовищем? Почему нет и грамма человечности в нём? Неужели здесь все такие: холодные, бесчеловечные, жестокие, озлобленные люди. Кто мне поможет, когда я сбегу, если все такие? Слёзы даже и не думали прекращать идти. Спину жжёт, так сильно жжёт, что я морщусь и выпрямляя её, ощущаю как что-то течёт на спине. Кровь. Ты будешь гореть в ад, Иман ибн Сахим. Уверена, что я- ни первая кто так страдает и далеко не последняя, к сожалению.

Долго смотрит на меня, внимательно вглядываясь в глаза, а потом обдаёт своим мятным дыханием.

– Глупая, Нунна. Нет у тебя дороги назад. Учи наши законы, – Развязывает мне руки, при этом взгляд не отводит. – Будь послушной, покорись. Ты разве не слышала о здешних краях, что делают с женщинами за непослушание? У тебя только одна задача. Ублажать меня, – продолжает он ровным тоном. А я понимаю, что не просто так оставил меня в своём шатре, что он возьмёт своё. Возьмёт свой подарок. Возьмёт меня. Молюсь, чтобы я успела сбежать до того как предъявит свои права на меня.

– Будь покорной, Нунна, и ты не узнаешь, что такое настоящая боль.

Как же я хочу вцепиться в твою глотку, чудовище. Я хочу к семье, я хочу обнять своё солнышко, я хочу обнять своих родителей. Я никогда тебе не покорюсь. Тебя будут варить черти в своём глубоком, чёрном котле, земля круглая. Каждому возродиться.

– Никогда, слышишь? Никогда добровольно не лягу к тебе в койку, никогда я тебе не покорюсь, – говорю твёрдо, чуть повысив голос, стирая мокрые дорожки с лица. Смотрю прямо в глаза этому чудовищу. Между нами идёт война взглядом, никто не хочет уступать. У него такой тяжёлый взгляд, как будто на плечи целый мир ложиться и ты понимаешь, что не выдержишь этого. Чернота поглощает, что даже радужки не видно, мне кажется, я даже увидела на дне демонов. Отвожу взгляд, но краем глаза замечаю как уголок рта слегка дёрнулся. Нет, это даже не подобие улыбки. Это усмешка. Злая усмешка.

Не сказав больше ни слова, молча уходит.

1-малышка

Глава 5

Иман

– Выйдем,– говорю Мустофе.

Снимаю куфию, небрежно кидая на верёвку, которая крепится к шатру сверху. Надвигаюсь к брату, медленно ступая по раскалённому песку, доставая нож из пазухи. Подбрасываю несколько раз в воздухе, смотрю, не отрываясь, на брата. Стоит, смотрит прямо в глаза, не отступает как делают большинство, хотя знает, что я не оставлю его предательство.

– Думал, что какая-то шлюха всё прикроет? Думал, что шлюха способна прикрыть твоё предательство? – повышаю голос. Вдох. Выдох. – Нет, брат, такое не прощают, но её я оставлю себе. Запомни, скажу только один раз. Если ещё раз ступишь на мои земли, если ещё раз позаришься на мои земли, если ещё раз полезешь туда, куда не следует, – замолкаю, делая длительную паузу и смотрю в чёрные глаза. Отцовские глаза. – Выпущу кишки и придушу ими. После смерти твоей все узнают о предательстве. Кишка тонка самому убить меня? – вгоняю лезвие ножа в бочину. – А это подарок от меня, что оставил тебя в живых. Убирайся с моей земли.

Вздрыгнул Мустофа, надеюсь, выживет. Хотя таких продажных не жалко, даже если это брат. Лицо не читаемо, но глаза... Глаза изменились. Вот, истина где. Там одна ненависть плавится, сжигая всё живое в этом теле.

– Ты пожалеешь ещё,– брызжет слюной. Разворачивается, придерживая бок рукой. Запрыгивает на коня и не обернувшись, галопом отдаляется от лагеря.

– Иман, брат, чует моё сердце будет беда из-за этой шармуты. Зачем тебе она? У тебя ведь есть жена, которая тебя ждёт. Давай её в пустыне выкинем?– говорит мой названный брат.

– Камаль, говорю только один раз. Не лезь в мою жизнь. Понял меня? Сейчас ты возле меня, а что будет если ... Надеюсь мы поняли друг друга, -говорю твёрдо, сжав кулаки. Специально не договариваю, потому что каждый из нас знает, что будет. Никто не может оспаривать мои решения, даже мой названный брат. Камаль кивает, склонив голову, и молча уходит.

Да, я понимаю, что было бы легче, если оставили и не таскали её за собой. Но нет, она мой подарок. Мне давно подарков не дарили, а если быть честным, то никогда, за исключением игрушек в детском возрасте. Но этот период быстро прошёл. После смерти мамы закончилось моё детство. Дальше сам выгрызал себе место под солнцем и забирал кровью и потом то, что считал нужным для себя.

А сейчас ... другое.

Нунна. Как только приблизился в первый раз и посмотрел с высоты своего роста, другого имени не придумал. А когда вдохнул её запах, сладкий аромат цветов, почувствовал, как член наливается кровью. Захотел её. Захотел услышать, как звучат её стоны, когда буду вбиваться в неё сзади, как будет выгибать поясницу и сама насаживаться на меня. Никогда не заикливался на одной женщине. Заикливался на сексе, на разрядке, но не на них. Было всё равно, а тут такие мысли. В ней нет ничего особенного. Сжимаю кулаки, до появления белых костяшек.

Никогда не брал женщин силой, да, наказывал, но не насиловал. Хотя своим войнам не запрещаю этого делать. Мужчины могут покрывать женщин на проигравшей им земле, распространяя своё семя. Они сами шли ко мне. Сами добровольно ложились в мою постель. Но здесь «никогда, слышишь? Никогда добровольно не лягу к тебе в койку», прокручиваю из раза в раз её слова.

Вспоминаю как разорвал её сарафан на спине, как увидел её нежную бархатную кожу и захотелось прикоснуться. Разозлясь ещё сильнее на свои мысли, отдёргиваю руку и отхожу на

пару метров. Никто не посмеет так со мной разговаривать, тем более какая-то шлюха, доставшая мне в качестве подарка.

Хлыст соприкасается с кожей и я слышу «а..», её стон. Понимаю, что не от наслаждения, а от боли, но член дёргается в паху как она это произносит. А я вздрогнул. По ощущениям, словно ток прошёл по всему телу. Терпит, не умоляет прекратить. Останавливаюсь, когда вижу как стекает струйка крови по её коже.

Хочется подойти и слезать струйку. Зверь рвется, хочет вкусить наслаждение. А то, что это будет именно наслаждение мы оба понимаем.

Даю совет. И понимаю, что с Нунной будет не так. Она не отступит. Хочет меня препарировать. Видимо, я первый кто причиняет ей боль и последний, потому что никто больше к ней не прикоснётся кроме меня.

Её реплики только сильнее разжигают азарт. И она будет дурой, если не поймёт это раньше.

Уже все палатки собрали, готовят моего коня. Перевожу взгляд на свою палатку, вспоминая Нунну. Маленькая, с округлыми бёдрами, с бархатной кожей, от которой пахнет цветами. От одного воспоминания, член опять встаёт. «Куусооммак»(1)– произношу вслух.

Занимает большую часть мыслей в моей голове. А есть ведь не решённая проблема. Асад. Из-за этой твари, паскуды казнили мою мать.

У отца было три жены и гарем наложниц. Такой же холодный, чёрствый, лишенный эмоций как и я, но до определённого времени. А точнее до определённой девушки. Она попала обманом к нему. «Непокорная, строптивая, гордая, непроступная»– как-то раз охарактеризовал мою мать, когда я у него спросил. Это был единственный раз, когда он открылся мне, а после запретив больше спрашивать о ней.

Когда-то отец и Асад (он младше отца на 10 лет) были товарищами, у которых были общие интересы в бизнесе. Было празднество и на нём Асад увидел мою мать. Зацепила она его, просил отца продать её. После этого случая- отношения их дали трещину. «То что наше-нашем и умрёт»– эту фразу с детства прививают мужчинам моего народа. Через несколько лет он выкрал её, я уже был рождён. Женщина опять прошла через все круги ада: издевательство, насилие, избиение, унижение. Это была месть, что не пошла с ним добровольно, когда была возможность, тогда на празднестве. Но он быстро потерял интерес и вернул обратно к отцу. Поломанную, ненавидящую всех вокруг. Отец не мог спустить с рук, то что он сделал. Это удар по чести, по достоинству, его самолюбию. Его наложницу украли, которая родила ему сына. Он никогда не показывал чувств к ней, но вскоре после её смерти, где шейх сам же перерезал шею моей матери, в излюбленном ею саду была высочена её статуя, окутанная синими розами. По этой статуе все поняли, что он любил женщину, которая родила меня. И с тех пор началась война между ними. А сейчас эта сука ещё и позарилась на мои земли. Ему выгодно будет их поиметь, потому что прибыльный торговый путь будет открыт для него. Не получит. Вырву глотку и вставлю обратно. Выпущу кишки тебе за мать, а потом обмотаю ими же.

Надя

Моя спина пылает. Жгучая боль. Больно пошевелиться. Больно даже сделать полноценный вдох.

После его ухода, долго не могла отдышаться. Глотала маленькие порции воздуха, пытаюсь унять слёзы унижения и страдания. Ублажать? Никогда от меня этого не получит. Я не шлюха тебе. «Надя, а что ты хотела?»– говорю вслух, размышляя с собой. Для них женщины – это приложение к мужчине. Украшение. Не более. А ты, Надя, для них что ни на есть шлюха. Хотя чем я заслужила такое отношение к себе? Что не их веры? Что не выгляжу как их женщины?

Как же болит спина. Даже теперь не опереться о столб. И заживать будут долго из-за жары. Главное, чтобы не загноилась. Останутся шрамы, ужасные, уродливые шрамы как напоминание, о том кто я для них. Для него. «Подарок».

Таким как я остаётся только выживать. Дай мне силы, Господи, и терпения.

– Переодевайся и выходи, – вздрогнув от неожиданности, смотрю на «своего господина». Прожигает своим тяжёлым взглядом. Не могу к нему так обращаться, если я это сделаю, ненавижу себя. Начну становиться такой-какой он хочет меня видеть. А я не такая. Мы разные. Там, где я живу мужчины и женщины на равных. Такой жестокости нет.

Отмечаю, что уже сам переоделся. Белая джалабия, которая ему идёт. Мне кажется, надев он мешок из-под картошки смотрелось бы тоже хорошо, с таким- то телом. Куфия, которая закрывает половины лица.

Смотрю на протянутую одежду, потом на него. Взгляд прожигающий до костей. Столько похоти в глазах я ещё не видела у мужчин.

Делаю пару шагов, сокращая между нами расстояния. Беру одежду и слышу его спокойный баритон.

– Нунна, только от твоего поведения зависит как ты будешь жить в дальнейшем. В роскоши или в персональном аду.

– Меня зову... – резко меня перебивает, хватая за щёки и надавливает до лёгкой ошутимой боли.

– Мне плевать как тебя зовут. Тебя будут звать как я скажу. Ты будешь делать, что я скажу. Поняла меня? – за какие-то доли секунды изменился взгляд и голос. Взгляд колющий, пробирающий в самую душу. Даже зрачка не видно, всё чёрным стало. Смотрю и не могу отвести взгляд.

А голос грубый, громкий, не терпящий отказов.

– Поняла, – мне здесь не выжить. Я не смогу. Я не могу покориться, я не могу ему отдаться. Если это случится, я себе этого не прощу. Кем тогда я стану, если приму свою участь? Шлюхой, рабыней. Нет, я должна попытаться сбежать. Не могу так просто отказаться от прошлого. Я хочу к своему ребёнку, вдохнуть такой сладкий запах, зарыться пальцами в шёлковисто-кудрявые волосики. От этого представления наворачиваются слёзы. Солнышко, прости меня. Я буду стараться, всё вытерплю. Хочу к маме, чтобы обняла меня, закутала в кокон тепла, любви и безопасности, к папе, который скажет: «всё будет хорошо, мы справимся, мы рядом».

Убирает свою руку от меня, но, видимо, передумывает и пальцами ласкает щеку. От бесконечных слёз, щека прохладная, а его пальцы такие горячие, словно меня приласкали языки пламени. Из-за этого контраста побежали мурашки по телу.

Приближается вплотную. Мне приходится запрокидывать голову, чтобы увидеть его глаза. По сравнению с ним я – дюймовочка.

– Я терпеливый, Нунна. Я всегда получаю своё, – говорит спокойно, проникая своими ярко-зелёными глазами в самое нутро и уходит.

Переодеваюсь быстро. На мне белая джалабия, головной убор и удобные сандалии, которые закрывают ноги до щиколотки.

Выхожу из шатра и резко закрываю ладонью глаза, настолько ярко слепит солнце. Постепенно открываю и вижу такую картину: войны на конях, человек пятнадцать, скачут некоторые, в попытках присмирить коня, слышу реплики, но не всё могу разобрать ещё. Думаю, такими темпами быстро освою их язык.

Барханы. Если бы не ситуация, в которую я попала, можно было бы насладиться великолепием, но ... Очень красиво. Переливающий песок на солнце, бесконечный горизонт в дали. Пока смотрела в даль, не заметила как ко мне прискакал конь. Чёрный. Поднимаю с взгляд со

стройных, длинных конечностей выше и встречаюсь с чёрной бездной. Как я поняла «чёрная бездна», когда чудовище в гневе или недовольно.

- Покорись мне и поедешь с комфортом,— говорит спокойно.
- Нет,— отвечаю резко и отхожу на шаг назад.
- Надеюсь, ты будешь поспевать за нами.

Глава 6

Надя

– Надеюсь, ты будешь успевать за нами.

Слезает с коня, сократив между нами расстояние, резко тянет к коню. Я понимаю, что он хочет сделать. Молча терплю его грубые движения. Привязывает меня замысловатым узлом, делая это быстро и уверенно, как будто занимался этим всё жизнь. Решил меня купить ком-фортом? Я не продаюсь. Знаю, что делаю только хуже себе, я не могу переступить через себя. Наверное, умная бы воспользовалась шансом. Тяжело дыша, смотрела ему в глаза и в первые в жизни понимала, что смогу убить. Ненавижу тебя. Я желаю тебе самой чудовищной смерти.

Запрыгнув на коня, сразу начинает идти, но для меня, привязанной на привязи, означает лёгкий бег. А в голове проносится «выживу ли я после этого?»

Этот путь длился бесконечно. Я потеряла счёт времени сколько мы уже в дороге. Сначала было ещё нормально идти, не считая изнуряющей жары и сильной жажды воды. Но самое интересное началось дальше...

Мелкие песчинки попадали в сандале, содрав с задней стороны кожу до мяса. Начала прихрамывать, хоть это и не особо помогло, потому что жуткие раны только увеличивались. По спине течёт пот, попадая в царапины, оставленные кнутом, начинает жечь. Эту дорогу я никогда не забуду. Эти бесчувственные взгляды, в которых нет ни капли жалости. Там только плавится жестокость, ненависть, жажда крови. Замедлила свой ход, ноги уже не передвигаются, мышцы так задеревенели, словно канаты натянуты. Но как только я отставала, веревка сильно натягивалась, оставляя большие красные борозды, которые в дальнейшем натрут кожу так, что будет шрамы с двух сторон как от оков. Из-за ветра несколько прядей выбрались из головного убора. Шла с опущенной головой из последних сил, постоянно пощипывая себя, потому что начала уже видеть мушки перед глазами. Бежала пока могла бежать, пока перед тем как отключиться почувствовала невесомость. «Я парю? Наконец-таки, это закончилось» произошло у меня в голове, а затем ощутила твёрдую поверхность, к которой меня облокотили.

– Какая же ты упрямая, девчонка. Тебе же хуже будет, – еле слышу, ощущение как будто я под толщей воды.

– Не пойму, что ты в ней нашёл.

– Сам не пойму.

На этом моменте я провалилась в беспамятство.

Выныривая из темноты я постепенно, несколько раз проваливаясь обратно в тёмную пучину, где я не испытывала боли, а как будто была в безопасном коконе, из которого не хотела выбираться. Безопасно. Какой глубокий смысл в этом слове, особенно в моей ситуации, но как говорится всему приходит конец.

Приоткрываю глаза, жмурись. Как же светло. Попытка номер два. Я нахожусь в какой-то комнате, лежу на животе на тахте. Обнажённая, но в нижнем белье и укрытая белой простыней, и на этом спасибо. Обвожу взглядом, славу Богу, одна. Ни хочу никого видеть, особенно чудовище. Это комната чуть больше кухни в хрущёвке. На двух стенах висят узорчатые ковры-половики. Помню, в детстве у бабушки в деревне тоже такие были на стенах, только ткань была плотной, нежели, чем здесь. И прежде чем уснуть, я разглядывала узоры и каждый раз забывая на каком из них остановилась, приходилось каждый раз начинать всё заново.

Засмотревшись на стену, где висит ковёр, который мне напомнил прошлое, я резко закрываю глаза и отвожу взгляд на другую стену, где висят полки. На них стоят цветы и растения в горшочках. Видимо, это от них исходит такой чудный аромат. Слева находится рабо-

чий стол, как я поняла, на котором в специальной подставке находятся чашки, рядом ряд тряпочных мешочков. Что-то мне подсказывает, что это комната травницы или лекаря местного, не думаю, что в пустыне есть медпункт. В углу возле входа стоит ведро. И на это вся мебель закончена.

Надо как-то перевернуться, хотя понимаю, что это будет через боль. Подношу руки к голове в желании приподняться на локтях и замечаю перевязки на запястьях. Я оказалась тогда права, думая, что верёвки сильно натрут кожу. Превозмогая боль, опираюсь на руки и сажусь на колени. Как же больно. Так больно, что её ощущаю на кончиках ресницах. Боже... Как будто мышцы скручиваются и натягиваются одновременно, при чём вместе с этим в кожу впиваются раскалённые иглы.

Думаю, у меня температура, кожа так горит, словно ко мне прикасаются огненные языки пламени. Тело в напряжении. Стараюсь дышать медленно, частыми маленькими вдохами, чтобы меньше напрягаться. Боюсь сделать ещё движения, поэтому сижу не подвижно, словно зависла. Я боюсь эту боль ещё раз почувствовать. Ощувив на себе, что могут со мной сделать ещё в случае неповиновения, хотя, мне кажется, что я ещё малыми жертвами отделалась, начинаю понимать, что если буду придерживаться такого поведения как сейчас- меня точно не пощадят. Я должна выжить, должна попытаться, я так соскучилась по своей крошке, как она там без меня? Как родители? Должна ради них.

Понимаю, что на спине какая повязка чем-то смоченная, что-то тёплой струйкой стекает к пояснице. Пока не заживёт спина, естественно спать на ней не получится. Смотрю на свои ступни, которые также перемотанные каким-то раствором и даже боюсь представить какой ужас я увижу, когда буду перебинтовывать.

Думаю, как же мне сесть поудобнее, при этом совершив минимум движений и не вставая на ноги. Надо на вдохе облокотится плечом о стену, чтобы хотя бы слегка ушло это напряжение в теле. Делаю как задумала и вздыхаю облегченно, но солёную предательскую дорожку не могу остановить. Даже не поняла в какой момент потекли слёзы. Как же больно, очень больно. Облокачиваюсь головой о стену и закрываю глаза, слёзы до сих пор идут, беззвучно капая, а я, закусив сильно нижнюю губу, чтобы не разрыдаться в голос, обнимаю себя за плечи, прикрываю глаза.

– Уже проснулась? Хорошо, как раз нужно наложить новые повязки и поесть. Тебе силы ещё пригодятся, – будит голос. Охрипый, сиплый, скрипучий, словно гвоздями по стеклу кто-то водит, оставляя витиеватые узоры. Даже не поняла в каком момент уснула, так погрузившись в воспоминания о родных, о доме. Как может быстро перевернуться жизнь. До сих пор тешу себя надеждами, что это сон, очень страшный сон. Какая ирония, Надежда думает о надеждах.

Открываю глаза, после сна, не знаю какого короткого или длинного, потому что на улице ещё светит солнце, ещё толком не видно из-за пелены, пытаюсь рассмотреть говорившего. Протерев глаза, встречаюсь с холодными, я бы даже сказала стеклянными глазами, которые смотрят на меня, сканируя всё тело. У двери женщина пожилого возраста, сгорбившаяся под старость прожитых лет.

– Как себя чувствуешь? Хотя можешь не отвечать по глазам вижу, – женщина сокращает между нами расстояния, смотрю на неё и понимаю, что она слепая, а стеклянность в глазах, которую я заметила ранее, говорит о катаракте. Не вижу смысла что-то отвечать, потому что считаю вопрос глупым.

– Глупые вы- русские. Вы бы могли наших мужчин ставить на колени. Но вам мешает это сделать гордость. И к чему она в итоге приводит? – сказав это, травница идёт к рабочему столу и что-то там делает, мне не видно, так как стоит спиной ко мне.

– Помогите мне, – смотрю на неё умоляюще. Не могу уже, хочу домой. Может есть здесь ЛЮДИ, которые помогут мне выбраться из этого ужаса?

– Так тебя ко мне принесли как раз для того, чтобы помогла, – не поможет. Кто я такая, чтобы из-за меня рисковать?

– Помогите попасть домой, – не могу сдержать слёзы. Сколько их ещё у меня? Мне кажется я выплакала всё. – Пожалуйста, – шепчу, даже не знаю услышала она мольбу в голосе или нет.

– Нет дороги назад у тебя. Забудь прошлую жизнь. Смирись и живи дальше, – она такая же как они все. Как? Как такое можно говорить человеку, у которого было всё? Смотрю на неё с полными глазами слёз и чувствую как зарождается неконтролируемая злость.

– У вас перед глазами творят такие бесчинства и вы так спокойно об этом говорите. Забыть? Смириться? – говорю не скрывая своей злости, всю напряженность накопленных дней, делая попытки приподняться, но только выходит то, что я опираюсь о тахту руками.

– Не трать зря силы и учись прикусывать язык, – не обратив внимание на мою тираду, говорит спокойно своим скрипучим голосом, при этом всё также, стоя ко мне спиной. – Скоро придёт твой Господин, не будем терять зря время, вижу, что ты глупа как и многие, которые были до тебя. В первый раз Господин сам приносит кого-то ко мне на руках, – она что издается надо мной? Как меня должны были принести, если я не могла стоять даже? На меня взглянешь и можно сделать выводы, как будто я побывала на каторге. Я что должна ему сказать спасибо и при это не забыть поклонится, зато что позволил разделить с ним седло коня, но при этом велел вычеркнуть прошлую жизнь, покориться и смирится с новой? Господи, помоги не сойти с ума... Понимаю, что нет смысла отвечать, она не поймёт меня и не поможет. Делаю глубокий вдох и задерживаю дыхание. Медленно выдыхаю и вытираю слёзы. Не увидите моих слёз больше.

– Старуха Зарма знает о чём говорит. Прояви женскую хитрость, да и с таким телом как у тебя... И он положит мир к твоим ногам. Такого ибн Сахима я не видела никогда. Вижу твой немой вопрос: как я могу видеть? Я вижу то, что вы не видите, это моё проклятье или дар. По-разному считают. Ложись, я всё подготовила, – поворачивается ко мне и я замечаю в её руках новые перевязки. Сжимаю зубы и преодолеваю боль ложусь обратно на живот. – Даже по твоим ранам на спине, я делаю выводы, что он тебя пощадил, – от этих слов мне плакать хочется. Её слова звучат так легко и непринужденно, словно она говорит о растениях, что собирает себе в мешочки.

Раны на спине дают о себе знать жгучим жжением и дискомфортом. Хорошо, что повязки на спине были обильно смочены, они не успели прилипнуть и было не так больно их снимать.

– Спина заживёт через две-три недели, – да, я знаю, что от таких ран иногда дольше заживает, чем от пулевых ранений. А учитывая то, что <<господин>>меня пощадил, я ещё легко отделалась. Сажусь обратно на ягодицы.

– Запястье и стопы будешь перевязывать три раза в день. Спину я тебе буду приходить перевязывать или твой господин.

Шрамы как от оков будут, как будто правда на каторге была. Смотрю на них и ничего не чувствую, пустота внутри. Не ужели не осталось сил? Так быстро иссякли что ли? Или это защитный механизм от стресса.

– Спасибо, – говорю безэмоционально, не подняв головы, всё также рассматривая уже только стопы. Здесь дела обстоят куда хуже, чем с запястьями. Глубокие раны, которые только-только покрылись лёгкой корочкой-струпом. Славу Богу, что ничего нет на самой подошве. Сжимаю кулаки и подавшись вперёд, резко встаю.

– А, ну, быстро ложись обратно. Тебе сейчас нужно сил набираться, – помогает лечь обратно. Только теперь уже на спину. Боль терпимая, если что перевернусь на бок. Оставив поднос с едой на столе, который стоит рядом с тахтой, травница уходит, наградив меня сожалением взглядом.

Перекусив сладкой лепёшкой и запив её чаем, быстро проваливаюсь в глубокий сон. Но перед этим проносится мысль, что без помощи трав старушки не обошлось.

Глава 7

Иман

– Жить будет девчонка. Нельзя с ней так, коже очень нежная. Надо постараться, чтобы гнойников не было....

– Да, постарайся. Иначе на кой чёрт тебе голова и руки, если не можешь делать свою работу.

– А кто ж тебе будет латать войнов твоих? – скрипучий смех.

– И почему ты до сих пор с языком ходишь? Не боишься, что отрежу? – знаю, что не боится. За это её и уважаю. Всегда говорит правду.

– Не отрежешь ... Потому что ненавидишь, когда перед тобой лебезят и лгут.

– Хорошо меня знаешь? – приподнимаю бровь, но при этом никак больше не выражаю эмоции.

– Да, – отвечает коротко и смотрит прямо на меня своими проклятыми глазами. Хочет увидеть что-то. Хмыкает и разворачивается, перед этим склонив голову. Знает, что не убью её, других бы давно казнил. Но не её, верная она. А верность в наше время очень дорого стоит.

– И даже ничего не спросишь? – стоит ко мне спиной, но голову в бок повернула.

– Нет. Всё равно не поверишь. Погибель в ней твоя. Она сейчас спит, после моего чая. Проснётся не раньше завтрашнего утра, – поворачивает голову и уходит.

Старуха Зарма хорошо его знает. Как только взглянула в детстве в его в глаза, поняла, что будет жестокий правитель и лидер. Что многие будут склонять перед ним головы. Много крови он прольёт в пустыне. Много крови прольёт, выгрызая свою территорию.

Не поверил, что девчонка станет погибелью его. В ней его слабость. Хоть он ещё не признался себе, но глаза и действия выдают. Главное, чтобы к себе прислушался в нужный момент и посадил кровожадного зверя на цепи.

– Лазутчиков засекли, – подходя, сказал, Камаль. – В несколько километров. Что-то затевается. Думал, будет засада по дороге сюда.

– А она и будет. Возьми пять человек и разведай местность. Надо подготовиться. Они могут напасть в любой момент, – знаю, что будет заварушка, главное от деревни подальше. К вечеру придут ещё люди. С таким количеством как сейчас мы не справимся. – Командуй, Камаль.

Всё также стою возле хижины старухи Зармы. Такое дикое желание одолевает зайти туда. К ней. Старая ведь, поэтому ушла. Хотя знаю, что она только в своей хижине и торчит всегда. Думает, что поддамся искушению. Не приняли её местные в деревне. Некоторые ненавидят, некоторые боятся, обходят стороной. Если бы не мой приказ о неприкосновенности, сжили бы старую давно. А следом одолевает злость. Сживаю кулаки, никогда не терял головы из-за шлюхи. Поскорей бы её трахнуть, может легче станет и не буду постоянно думать о ней. Член стоит колом. Я предвкушаю как она будет стонать подо мной. Как только заживёт спина потребую своё. Я не намерен больше терпеть. Даже разрядка с местной шлюхой не помогла. Но ничего. Как там в России говорят: «запретный плод сладок»? Дааа, по-другому и не скажешь.

Надя

Проснулась я от лучика света. Да, мне определённо лучше. Теперь я точно уверена, что без рук травницы не обошлось.

Прошло уже полторы недели, как я живу у неё. Повязки мне меняет только она, чему я очень рада. Всё это время я чудовище не видела, но иногда создавалась стойкое ощущение,

что он совсем рядом. Я его не видела... Но его энергетика, я уверена, что она была его. Я просыпалась от неё. Словно он будил меня взглядом.

Почему я так уверена?

Потому что у меня волосы на теле встали дыбом, когда я чувствовала присутствие человека за стенкой или за окном. Холодный пот выступал на спине. И всё, что мне оставалось это лежать с открытыми глазами, до тер пор пока не уйдёт незримое присутствие другого человека.

Надо же, этой ночью не ворочилась, как уснула в одном положении так и проснулась. Тело занемело так, что в икрах проходит лёгкая судорога. Надо срочно вставать. Приподнимаюсь и замечаю таз, стоящей рядом с тумбой. А на самой тумбе новый перевязочный материал. Закончив с утрешними мероприятиями и обработав раны, принялась ждать Зарму, чтобы та помогла мне со спиной. Одежду мне не дали, поэтому что я пытаюсь обмотаться простынёй. Но как только делаю первые шаги, цепляюсь за край и простыня соскальзывает, но я успеваю схватить в последний момент на уровне бедер. «Успела» говорю себе, подняв голову и встречаюсь с чёрными впадинами. Взгляд такой колючий, острый, голодный. Столько похоти в нём. Понимаю, что если захочет взять у меня не хватит сил противостоять. Знаю точно, что не дамся, до последнего буду биться. Поднимаю резко простыню на себя, чтобы прикрыть грудь.

– Вижу лучше тебе уже, раз встаёшь самостоятельно, – говорит спокойно, расслабленно. Идёт на меня не спеша, с грацией хищника. Он и есть хищник, который увидел свою жертву и ждёт момента, чтобы сделать решающий смертоносный бросок. Я понимаю, что эта расслабленность мнимая, стоит мне сделать резкое движение и произойдёт неизбежное. Молчу, он уже подошёл в плотную. Вижу, как дёргается кадык верх-вниз.

– Молчишь. Я надеюсь это только по тому, что ты усвоила урок, – подносит свою руку в моей щеке и хочет прикоснуться, а я отшатываюсь чуть назад, словно от пощёчины. Из-за страха. Я боюсь, что он может мне ещё боль причинить. Этот монстр может только так.

– Не усвоила, значит.

Что я наделала? Сердце стучит так, как будто я пробежала стометровку. Выдох, поднимаю взгляд и смотрю прямо в дьявольские глаза. Не понравилось, как отреагировала. А как можно после того, что он сделал спокойно выносить его прикосновения? Не хочу, чтобы ко мне прикасался. Мне противно даже находится в одном помещении с ним. Но кто я такая, чтобы учитывались мои желаний? Опускаю глаза, лишь бы не смотреть в глаза-смерти. Кулаки сжаты сильно, что даже костяшки начинают белеть. Ощущение, что вены на руках сейчас просто лопнут от напряжения.

– Не прикасайся ко мне, – говорю не так громко, но уверенно. Не знаешь что ли, что его это разозлит, Надя?

Господи, какой же он высокий. Мне приходится задирать голову так сильно, что мышцы на шеи натягиваются, причиняя лёгкую боль.

– Нунна... – специально растягивает прозвище. – А что же ты будешь делать, когда я буду тебя трахать? Не отвечай, мне плевать. Потому что как только заживёт спина, я возьму тебя, как степную кобылу и буду трахать до изнеможения... Хотя знаешь, я могу и сейчас тебя взять. И правда, что я тяну? – выгибает одну бровь и при этом говорит медленно, словно уже меня трахает.

Мне нужно что-нибудь придумать, чтобы этого не произошло.

– Добровольно уже никто не даёт?– лучше бы молчала. Хватает резко за руку и вздёргивает к себе так, что на доли секунды припечатываюсь к телу. Рефлекторно делаю вдох и вдыхаю аромат «своего господина». Musk и раскаленный песок.

– Хороший ход, но провальный, Нунна. Я всё равно тебя возьму. Когда захочу, где захочу и как захочу, – шепчет мне в губы, обладая меня мятным дыханием, а я всё продолжаю смотреть в его чёрные глаза. Они меня пленили. Заворожили. И в следующий момент происходит то, что я никак не ожила от этого монстра.

Он набрасывается на мои губы.

И целует меня сначала с напором, говоря этим, что поработает меня, с нажимом, всасывает то верхнюю губу, то нижнюю. Смакует их. Его губы слегка пухловатые и очень горячие, как раскалённый песок, который оставляет невидимые ожоги. А потом целует медленно, словно хочет растянуть удовольствие. Словно хочет испить меня, мелкими глотками, как путник, который долгое время был в дороге. Обводит языком поочерёдно губы, пытается протиснуться в рот, но я так крепко их сжимаю, что от напряжения начинают болеть скулы. Стою и крепко цепляюсь за край простыни, чтобы в ту же секунду оттолкнуть Имана ибн Сахима. Но куда там мне- дюймовочке тягаться с медведем? Мои сопротивления только будоражат его, ещё сильнее возбуждают. Одной рукой он обхватывает мою талию, словно клешнями. Обжигает своим теплом. Больно сжимает, а следующую секунду аккуратно гладит, я бы сказала нежно. Нежно? Он разве так умеет? Точно будут синяки. Ему что мало тех, что есть сейчас? А другой рукой фиксирует голову на затылке, обездвижив меня этим и натягивает сильнее волосы, чтобы запрокинула голову ещё сильнее. И ещё сильнее припечатывает меня к себе. Он не прикасается к болезненным участкам, словно чувствует, где болит.

От него исходит такой жар, что можно обжечься или вовсе сгореть, оседая мелким пеплом у его ног. Мне в живот упирается его эрекция. Делает поступательные движения. Я понимаю, что он держится из последних сил. Но мы не в той ситуации, чтобы я начала отвечать на поцелуй. Я ничего не забыла: как меня украли, как он поступил со мной, как решил самого главного на свете- семьи. Я ничего этого не забыла и никогда не забуду. И поэтому решаюсь ещё на один поступок, который может мне стоить жизни, как максимум, а как минимум испытать ещё раз обжигающие касания кнута.

Глава 8

Расслабляю мышцы лица, губы слегка разжимаю. Чудовище не ожидал от меня такой скорой капитуляции и на долю секунды остановился, явно удивившись, но следом набрасывается на меня с новой волной желания, с новой волной похоти, которая извергается каждой порой его тела. Но в следующий момент, я так сильно кусаю верхнюю его губу, что сразу чувствую привкус крови. Дааа, видимо, сильно прикусила, но чувство жалости я не испытываю. И следом я просто лечу навзничь на тахту, которая была за моей спиной.

– Ах.., – болезненный стон срывается с губ. Приземляюсь прямо на свою многострадальную спину, но удаётся зацепиться руками, чтобы не прокатится на ней и ещё хуже не сделать.

– Сука, – слышу голос. Злость. Предвкушение вперемишку с похотью.

«Надя, что ты наделала? Разбудила дикого зверя, который в эту минуту хочет твоей смерти, но перед твоей кончиной осуществит все свои потаённые желания».

Пытаюсь сфокусировать взгляд. Поднимаю глаза на чудовище, и вижу как пылают его глаза жадной расправы. Вижу его ухмылку, а если точнее сказать, то звериный оскал, за которым видно ровные зубы с заострёнными слегка клыками. Наблюдаю как подходит медленно, как будто крадёт. Я понимаю, что в любую минуту может напасть.

Моё тело соображает быстрее, чем мозг, поэтому быстро перебираюсь на другую сторону тахты так, что стоим теперь напротив друг друга. Конечно, это его не остановит, но хотя бы что-то.

Даже не обращаю внимание на саднящие ощущение в спине, чувствую как что-то тёплое течёт по спине. Да, видимо корочку всё-таки содрала.

Перевожу взгляд на постель и вижу пятна крови, а ещё лежит моя хоть какая-то защита-простыня. И теперь до меня доходит, что все эти секунды я была голой по пояс перед ним и теперь понимаю, почему он остановился и пристально смотрит на меня своим плотоядным взглядом. Прикрываюсь ладошками. Благо моя грудь не такая большая, первого размера и я могу полностью закрыть её. Фиксирует каждое моё действие, как фотоаппарат, а глаза его полыхают. Мне даже кажется, что я вижу в них языки пламени, которые могут спалить за доли секунды. Это потом я пойму, что это от солнца отражаются лучики, но сейчас очень стало страшно. Как будто сам дьявол спустился с преисподней и хочет забрать твою душу за все грехи.

Дышу тяжело, смотрю прямо на дьявола и жду его действий, хотя сама пытаюсь замереть на месте. А он всё продолжает смотреть на мою грудь. Слышно за окном разговор жителей деревне, но даже он не перебивает шумное дыхание и частые вдохи «господина». Его грудная клетка так подымается как будто он только что переплыл целый океан и сейчас пытается восстановить дыхание. Спускается вниз, прожигая каждую клеточку моего тела, останавливается на моих бедрах. Сейчас на мне надето обычное хлопковое нижнее бельё, вижу как движется его кадык. А меня начинает бить мелкая дрожь. Нет, это не возбуждение. Я сама пока не могу понять, но это точно не оно.

Смотрю то на простыню, то на шейха и думаю как бы успеть её прихватить, прежде чем он достигнет меня?

– Да, будет весело. Но надеюсь ты не сломаешься. Останешься такой же дерзкой, несгибаемой, своевольной. – говорит он хриплым от возбуждения голосом. Идёт на меня теперь уверенно, не желая больше церемониться.

Чёрт, выхода нет, но и бездействовать я не могу.

Снимает с себя джалабию, кидая её в дальний угол. На лице всё тот же звериный оскал, но теперь мне становится по-настоящему страшно. Если он возьмёт силой, я не смогу оправиться,

я не буду после этого прежней. Если буду сопротивляться, будет только хуже. Замкнутый круг. Мне не победить этого гладиатора, со стальными бугрящимися мышцами, которые перекатываются под кожей, словно расплавленное железо. Татуировка, что увидела ещё в палате ему к лицу. Змея. Она его олицетворяет. Его тотем.

Усмехается, видит мой страх, мою безысходность, мою беспомощность. Знает, что мне никто не поможет. Подносит руки к верёвке от белых свободных штанов и начинает медленно развязывает, при этом не сводя с меня своего плотоядного взгляда. Прямо в глаза. Прямо в душу.

Тук-Тук. Тук-Тук. Тук-Тук. С каждой секундой быстрее. Сердце бьётся так часто, что мне, кажется, что оно может остановиться от такой скорости. Сжимаю крепко простыню, как утопающий за спасательный круг, что аж костяшки белеет.

Штаны падают к ногам, открывая вид на голого шейха. Сглатываю слюну и ком в горле, но это не помогает. Он меня не только раздавит, своим весом, но и порвёт своим членом. Крупный член, с синими обвитыми венами, с большой светло-багровой головкой. Чёрная поросль волос с завитками. Я хоть и рожавшая уже, но при данных обстоятельствах он навредит мне без подготовки. А глядя на его ухмылку, понимаю, что никто со мной церемонится не будет.

Идёт на меня, обходя лежанку. А я автоматически делаю шаг назад и ещё один, а затем опираюсь о рабочий стол травницы. От страха начинаю дышать через раз. Зажмуриваю глаза с такой силой, что перед глазами начали мушки летать.

– Открой глаза, Нунна, – говорит спокойным голос, но шумное глубокое дыхание выдаёт его возбуждение. Стоит близко, что ощущается жар от его тела и запах мускуса вперемешку с раскалённым песком.

Подходит ещё ближе, что теперь он прикасается головкой члена о мой живот. Рефлекторно, втягиваю его, чтобы не соприкоснуться с ним, но когда выдыхаю, задеваю. Он горячий настолько, что, кажется, оставляет ожоги на моей коже и такой бархатно-мягкий.

– Повторяю в последний раз, Нунна. Не усугубляй и так плачевное для себя положение, – слышится раздражение в его голосе и скрытая угроза, хотя какая она скрытая. ПРЯМАЯ, что ни на есть угроза. На этот раз делаю, что он велел.

– Я тебя предупреждал ведь, Нунна. А за то, что ты сделала, я могу не только вырезать твой язык, но и... – специально недоговаривает. Хочет, чтобы сама додумала.

Стою всё также, опираясь руками о стол и смотрю прямо в чёрные глаза шейха. Сердце стучит как автоматная очередь. Язык прилип к нёбу, даже пошевелить им не могу от страха. В глазах скапливается влага, но я себе пообещала, что эти нелюди больше не увидят моих слёз, поэтому кусаю внутреннюю сторону щёки.

– Но я этого не сделаю, и за это ты меня отблаговоришь, – слова произносит медленно, как будто уже делает то, что представил. – Переворачивайся и ложись на стол, расставляя широки свои ноги, – слышу последнее слово и ещё сильнее цепляюсь за стол.

Ну, не могу я повиноваться.

Не могу я унижаться так.

НЕ МОГУ!

Злость, ненависть. Вот, что приходит на смену страху. Смотрю на него злобно, готовая бросится на него в любую минуту. Понял по взгляду моему. Что не сделаю. Вижу теперь как глаза снова вспыхивают недобрым, а наглая ухмылка означает, что он в предвкушении.

Ощуаю на своих плечах железную хватку и в следующую секунду из моих лёгких выходит весь воздух от того как быстро он развернул меня спиной к себе. Надавливают на шею, чтобы я легла на стол грудью. А я вместо этого опираюсь о стол ещё сильнее. И моя единственная защита – простыня падает к ногам, оставляя меня в одном нижнем белье. Но кому я пытаюсь сопротивляться? Ему наоборот это доставляет удовольствие. Это явно ощущается, когда прижимается ко мне плотнее и в мою правую ягодицу упирается его ствол. Хорошо, что

я в трусиках, хотя кого обманываю, его это не остановит, их можно легко сдвинуть в сторону. Господи, помоги мне, пожалуйста.

После не долгих потуг сопротивлений, ощущаю холодную поверхность стола со своей грудью. Ощущаю, как его рука движется по моей спине и останавливается на кромке трусиков.

Почему он медлит? Зачем так издевается надо мной?

– Пожалуйста, не надо, – на грани слышимости говорю я. Нет, злость и ненависть ещё плещутся во мне, но теперь вперемешку со страхом, который с каждой секундой занимает главенствующую позицию. Если он займёт вверх, если поработит меня, то начну умолять его не делать этого, начну просить прощения, начну унижаться перед ним. Это прямой путь к потере себя, не могу этого допустить, хочу остаться собой, когда вернусь домой. Да, именно когда, потому что у меня ещё теплится надежда, что выберусь из этого ада.

Поэтому полностью расслабляюсь. Я же смогу вытерпеть? Смогу переживу?

Все эти секунды пока я принимала решение, его горячие пальцы плавно перемещаются на мою поясницу, обжигая своим жаром.

Мои действия его удивили и даже прекратил поглаживания, а в следующую секунду чувствую резкий захват на своих бёдрах.

Глава 9

Иман

Предательством аж искрит в воздухе, оседая на языке горьковатым послевкусием. Я уверен, что крыса у меня в лагере. Кто-то сдаёт мои передвижения, кто-то сдаёт количество моих людей. Аллах будет милостив, если он сдохнет не от моих рук, потому что быструю смерть я ему не обещаю. А то что сдохнет лишь вопрос времени.

Надеваю джалабию и иду в сторону хижины старой. Дикое желание почувствовать кожей свой подарок, свою вещь – Нунну. Прикоснуться к нежной бархатистой коже. Как представляю начинают покалывать кончики пальцев. Мне даже не помогла шляха, которую я трахал все эти ночи. И позы выбирал такие, чтобы не видеть лица, а представлять Нунну. Как только появлялась в мыслях, прикрывал глаза. Только так смог кончать.

И сейчас... стоит подумать о её нежной коже член встал так, как будто никого не трахал несколько лет. Я не был уверен в своей выдержке, поэтому и не приходил к ней. Загружал себя. Сдерживал. Держал зверя на привязи. Понимал, что не смогу сдержаться, если увижу, если вдохну запах её кожи. Это выше меня. Она что-то делает со мной. Я не понимаю что происходит. Эта бесконтрольная жажда сводит меня. Готов только за лишенный контроль её наказать. Жёстко. Чтобы кричала на моём члене. А от боли или наслаждения меня уже не волнует.

Нужно как можно быстрее её трахнуть, может тогда спадёт это наваждение. Может это проклятье, а она ведьма, которая меня прокляла? Но почему-то хочется, чтобы она сама захотела, особенно после её слов, что никогда не ляжет со мной. Именно послених возникло стойкое желание, чтобы добровольно скакала на моём члене, чтобы добровольно просила добавки. Уверен, что после того как трахну, потеряю к ней интерес.

Как только её увидел потерял себя. Разве такое бывает?

Сознание ушло, остался лишь голый инстинкт обладания.

Безумная жажда до нежной кожи. До умопомрачительного запаха, который сводит с ума.

У нас был диалог. Он проходит сквозь меня, но её реплики будят монстра, который на краю сознания.

Он жаждет её.

Срываюсь и клейму поцелуем. Нет, вгрызаюсь. Сухие. Сочный. Пухлые.

Не могу остановиться.

Её вкус проникает в кровоток. Уже сейчас отравляет меня. А я позволяю яду проникать внутрь и отравливать меня. Это безумие.

Переворачиваю.

Широкие бедра. Сжимаю.

В ней что-то меняется. Тут она сопротивлялась, а тут она расслабилась, смирившись с действительностью.

Резко хватаю за бедра и прижимаюсь членом к её отверстию. Цепляюсь за тряпку ирываю одним рывком бельё, отбрасываю его в сторону.

Теперь нет преграды, приподняв за бедра, член сразу же пристраивается в нужное место, но я не хочу насиловать её. Хочу, чтобы она потекла на меня. Надавливаю головкой на вход и следом на клитор. Делаю несколько поступательных движений, как замещаю влажность. Потекла всё-таки, сучка. Женское тело всегда предаёт. Молчит. Нет, хочу услышать стоны, хочу услышать как будет просить ещё её оттрахать.

– Ты девственница?– спрашиваю, не хочу, чтобы упала в обморок от боли, потому что люблю жёсткий секс.

Молчит несколько секунд, но для меня как будто прошли часы, прежде чем я услышал ответ.

– Нет, – слышу её отстранённый голос, но её ответ во мне что-то где-то пробудил. Не могу понять, что я испытываю.

Настолько увлёкся, что не услышал шум, доносившейся с улицы и беготню, что на улице.

Да, девчонка явно пробралась глубже, чем я думал. И азартностью здесь и не пахнет уже.

– Господин, нападение, – вижу Рамиля, который в полной боевой готовности стоит за порогом, слегка приоткрыв дверь, не посмев пройти внутрь и через секунду и след простыл как будто его здесь и не было.

– Куусоооммаак(1), – ударяю со всей силы кулаком о стол.

Аль кальба(2). Хватаю девчонку за руку и переворачиваю. Впиваюсь в мокрые глаза. Член пульсирует, подёргиваясь от напряжения.

– Твой Бог милостив к тебе, но не надолго. Воспользуйся советом и за время моего отсутствия приготовься, потому что как только я вернусь – я тебя буду трахать.

Отхожу от неё, надев штаны, иду к выходу, но перед дверью останавливаюсь, повернув голову набок произношу:

– Зарма тебе проводить ко мне, – ухажу, громко хлопнув дверью.

1- Ругательство на арабском

2- сука

Глава

Глава 10

Иман

– Их больше в два раза, в двух километрах от нас. Наш лазутчик мёртв скорее всего или в плену, поэтому не смог предупредить, – подходя ко мне, говорит Камаль.

– Для меня кто в плену всё равно, что мёртв.

Сейчас мне это нападение только на руку. Нужно сбросить напряжение, куда-то делать всё эту чёртову энергию, которая выплёскивается, как лава из жерла вулкана.

Приближаемся к врагам, а в воздухе уже витает запах крови, запах смерти. Предвкушая вкус победы, бью сильнее коня в бок, чтобы мчался галопом.

Как только оказываемся от этой гнили на вытянутую руку сразу слышатся крики боли. Кровь окрашивает пески в красный цвет, становится плохо видно из-за столба пыли.

– Камаль, прикрой спину. Нужно взять главного и допросить, – повернув голову на бок, кричу другу и несусь в сторону суки, которая пытается сбежать. Но на меня нападают сразу несколько человек и Камаль понимает, что делать, отправляясь за беглецом.

Слышится звон ножей, шум пуль, но я до сих пор не могу унять свою жажду смерти, жажду боли врагов, несмотря на то, что уже весь в крови.

Да, это то что мне было нужно, ощутить этот прилив силы от пролитых кровью падалей. Они даже не люди.

Вытаскиваю нож из бока суки, которая визжит, как свинья на бойне. Слушаю как мучится и просит пощады, но мне мало, хочу больше криков услышать, хочу больше пролить их крови, и я это сделаю. Беру нож в другую руку, прикладываю к шеи и медленно провожу по ней, наблюдая как захлёбывается в собственно красной жиже, которая льётся из раны.

– Взяли, брат. Только нужно его подлатать, а то не доживёт.

Через некоторое время шум от выстрелов прекращается, но где-то слышится крики о помощи и стоны боли.

– Сколько потерь?

– Десять и пятнадцать раненных, четыре из которых в тяжелом состоянии. Нужно сразу к Ибрагиму. Я дал ему приказ приготовить всё до нашего отбытия.

– Собрать оружия, своих берём и выдвигаемся, – отдаю приказ, вытирая кровь с лица. Перевожу взгляд на то место, где свербит. Да, даже не почувствовал, когда получил клинок в плечо. Но клинка нет, только лезвие осталось. Вытаскиваю, прижимая оторвавшую ткань от джалабии. Глубокая, видимо, раз кровь так хлыщет.

Когда мы возвращались обратно в деревню уже солнце садилось. У меня было время понять пока мы были в пути, что мне не помогли эти убийства, во мне всё также плещется неконтролируемая жажда похоти по этой девчонки, никуда она не ушла, а только прибавилась и пока я её не попробую – не успокоюсь.

А ещё я понял, что не хочу её принуждать. А как она потекла на мой член, когда он тёрся о её складки. Да, не могу дожидаться, когда буду её трахать. Но я хочу, чтобы она сама меня захотела. Сама хотела мой член и просила.

По прибытии в деревню отдал приказ разместить раненных, а для убитых подготовить всё к вечеру. Слышу плач женщин, чьи мужья, сыновья и родственники были ранее убиты. Прохожу мимо, они сами знали куда идут и на что. У каждого человека есть свой путь и только он решает по какому ему идти. Они выбрали путь убийств, тем более воюют в долине смерти.

– Идёшь к ней? Брат, я видел с каким ты рвением бился, как убивал и с какой жестокостью. Не ужели из-за неё? – мне не нравится его интерес к ней. Сжимаю кулаки, поворачиваюсь лицом к нему и смотрю прямо в глаза, не пытаюсь скрыть злость.

– Камаль, мне не нравятся твои вопросы. Что я делаю и куда иду – тебя не должно касаться. Если я посчитаю нужным известить тебя о своих планах – я это сделаю, – разворачиваюсь, считая, что разговор закончен и иду куда планировал.

– Тебя жена больше не привлекает? Увлечён был только до свадьбы? Она ждёт звонка или хотя бы сообщения каждый день, – не даю договорить монолог, резко развернувшись оказываюсь в достаточной близко, чтобы сбить с ног и нанести удар кулаком в челюсть и ещё один в область печени.

– Когда у тебя такой интерес проснулся к моей жене, Камаль?

– Нет, его, брат. Эта шлю... – видит мой взгляд и останавливается на полуслове, но потом продолжает. – Ты изменился с появлением этой девчонки. Это всё, что я хотел тебе сказать.

– Смотри, а то подумаю, что ты влюблён в мою жену и приревную, отрезав твою голову, – поднявшись, ухожу. – Камаль, и это было последнее предупреждение. Не суй свой нос в чужую жизнь. Лучше проводи эту ночь со шлюхой, на которую ты смотрел так как будто уже сто лет никого не трахал. Сними напряжение.

На доли секунды мне показалось, что в его глазах вспыхнула злость, но через доли секунды всё ушло, как будто и не было этого огонька.

Да, он прав. Я был увлечён Закирой, но после брачной ночи интерес пропал. Ушёл сразу же после того как трахнул её, оставив на тёток. Мог несколькими месяцами не появляться в городе. А если и появлялся сразу же уходил к шлюхам после выполненного супружеского долга. Закира помешана на детях. Столько денег спускает на гадалок, ведуней и экстрасенсов. Но мне на это плевать, у меня нет гонки за наследство.

Я всё также грязный, весь в крови, кровь в ране остановилась, но всё равно кровоточит при движении рукой. Девчонка зашьёт, она ведь медсестра. Проверим её желудок на прочность. Она должна привыкнуть к этому. Уже точно решил для себя, что она будет повсюду со мной.

Приоткрываю дверь, захожу внутрь и оглядываюсь, пытаюсь найти Нунну. Не сразу её замечаю, так как из-за перегородки её даже и не видно. Да, совсем мелкая.

– Залатаешь меня, надеюсь шить умеешь, – говорю спокойно. Никак не реагирует, всё также смотрит вперёд перед собой, только спустя каких-то долгих секунд поворачивает голову и впивается в меня ненавидящим взглядом. Думала, что не вернусь. Поднимается со стула и смотрит, окидывая с головы до ног.

И молчит, как же бесит. Хочу услышать её голос. Да, я понял, что мне нравится её голос.

Ставлю стул посреди комнаты, так чтобы лампа светила на меня и была максимально хорошая видимость.

– Всё найдёшь на стеллаже, – и опять молчание. Всё делает молча. Подходит ко мне, но не доходя спотыкается о джалабию. Выставив руку, хватаю её за предплечье и сажу на своё колено, хочу почувствовать её цветочный запах и тепло.

– Обезболивающим обколоть? – спрашивает, осматривая своим внимательным взглядом рану. Теперь перед собой я вижу профессионального мед работника. – Где я могу обмыть руки?

– У входа таз с водой, там обмой руки, – пропускаю вопрос о обезболивающем. Пустыня – это не город, здесь нет операционных столов, нет капельниц. Здесь выживает сильнейший. И всё обезболивающе есть только у Ибрагима. Использует только в крайних случаях.

Придерживая края от верхней одежды, идёт мыть руки. Но перед этим черпает воду в кружку. Слежу за каждым её движением. Как профессионально моет, хотя зачем, если это только вода? Даже спирта нет. Вижу эти пальца, изящные, не длинные. Сразу представил, как она обхватит ими мой член. Чёрт.

Идёт обратно вместе с кружкой, ставит рядом с собой. Берёт иглу и просовывает нитку, движения отточены, я бы сказал делает на автомате. Промыв рану водой из кружки, берёт края кожи начинает просовывать иглу. Но как только она прикоснулась ко мне, член опять даёт о себе знать, дёрнувшись, как будто не иглу, а я членом пробираюсь в тугую шелку. Делает всё стоя, чутка наклонившись. Хочу, чтобы была максимально ближе. Перехватываю её руки и сажаю её снова на колени. Распущенные длинные волосы перебрасываю на спину, чтобы открыть доступ к её лицу и шеи. Хочу видеть её каждую эмоцию, которые появляются за считанные секунды. Она очень эмоциональная, сразу видно, что у неё на уме и какие эмоции её одолевают. Хочу видеть её молочную кожу и пульсирующую венку на ней.

– Я не хочу причинять тебе боли, – говорю, смотря в её глаза, но она настолько сосредоточенно шьёт меня, что даже не замечает моего пристального взгляда. Свободной рукой провожу по спине и слышу, как изменилось её дыхание, как дёрнулась рука с иглой и потом как задержала дыхание на долгие десятки секунд.

– Тогда отпустите меня, здесь одна боль, у меня семья, которая любит меня и уходит с ума от незнания, что со мной произошло, – говорит тихо, остановившись от занятия, впивается в меня своими бездонными глазами. А я даже боли не чувствую, только ощущаю тепло её пальцев, которые сжимают края раны.

– Не отпущу и поэтому тебе лучше смириться с положением. Ты не пожалеешь, если смиришься и покоришься своему господину. Я могу быть нежен, если ты не будешь противиться мне, – взгляд меняется, на дне её глаз пробуждается злость, но она молчит. Продолжает дальше шить. Теперь вижу, что намеренно хочет сделать больно. Но мне становится смешно от такого поведения и поэтому не выдержав, тихо посмеиваюсь.

– И что смешного я сказала или сделала? – говорит, повысив голос. Смешно. Девчонка и правда не исправима.

– Ты как ребёнок, которому не дают конфетку и который не хочет с этим мириться, – глаза её ещё сильнее вспыхивают. Я бы сказал чересчур эмоциональна. Да, представляю, как она будет кричать, когда будет кончать подо мной. В паху дискомфорт, член упирается в шов от штанов и при малейшем движении этой чертовки сидевшей у меня на коленки происходит трение, которое только ещё сильнее возбуждает. Оставляю ладони на талии и сжимаю её, при этом прижимаю к себе. Мне нравится запах её пота.

– Как ребёнок? – спрашивает ошарашенно, делает последние стяжки и тянет. А потом резко опирается ладонью мне в грудь в желании встать с меня, а для меня это как красная тряпка для быка. Встаю следом, не успеваю от меня отскочить в сторону, цепляюсь за запястье и резко тяну на себя. Обхватываю снова за талию, вжимаю в себя, но так, чтобы не раздавить её. Сопrotивляется. Тужиться, она что не понимает, что только возбуждает меня сильнее своим отказом?

С каждой секундой самоконтроль даёт трещины. И за кого? Из-за вещи, который подарил предавший меня брат, в качестве жалкого откупа. Но после этого поступка понял, что нужно быть более бдительным с Мустофой. Я более, чем уверен, что он захочет отомстить мне. Возникает злость за считанные секунды, сильнее сжимаю за талию, а другой рукой обхватываю шею, впиваясь в её губы. Трепыхается, до сих пор не сдаётся, подхватываю за её сочную жопу и сильнее вжимаю в себя. Прижимаю к стене и целую с такой сильной жаждой, что готов её сожрать. Сжимает губы, но я всё равно получаю своё. Надавливаю на бок и делаю поступательные движения в её промежность.

– Ах, – не теряя ни секунды врываюсь в её сладкий рот.

Никак не хочет сдаваться и надавливает рукой на только что заштопанную рану.

Думает, что причинит мне боль, но нет.

– Отступи, покорись, – рычу я, охватив за шею, а второй рукой придерживаю за её сочную жопу.

– Нет, – отвечает уверенно и смотрит прямо в глаза.

Не хочу её ломать, хочу, что сама отдалась мне.

– Кус оооммаак, – резко опускаю на пол и ударю кулаком в стену в паре сантиметров от её головы, всё также сжимаю её шею.

Смотрю в глаза Нунны, внимательно вглядываясь, пытаюсь найти ответы, на вопросы, которые я сам чётко не могу сформулировать. Перевожу взгляд на синие пятно, расположенное на виске. Сжимаю зубы так, что от напряжения нижняя челюсть начинает неметь. Убью.

– Кто? – говорю спокойно, но это лишь обман, который она замечает.

– Никто, сама случайно, – шепчет, но для себя уже всё решил.

– Ты ведь понимаешь, что я всё равно узнаю и кто это сделает поплатится. Никто не имеет права причинять вред моим вещам, – говорю, а сам уже думаю какое наказание применить.

– Я сама.

Смотрю на неё ещё пару секунд, а после ухожу. Не скажет, сразу понял это.

Глава 11

Надя

– Зарма тебя проводит ко мне. Жди, – уходит, громко хлопнув дверью.

Как остановить это грохочущиеся сердце как автомат. Теперь я уверена, что в следующий раз мне так крупно не повезёт и он закончит начатое.

Беру простынь. Обматываюсь вокруг себя.

Ненавижу себя. Как я могла потечь на него?

Что со мной произошло? Да, у меня давно не было секса, но это ведь не означает, что я должна течь на своего мучителя.

Боже, что же происходит. Протираю лицо ладонями, в желании стереть воспоминания.

Так не должно было быть.

Сжимаю волос у основания, чтобы прийти в себя.

Я не знаю сколько проходит времени, но мне уже успевают принести поднос с едой и у меня получается прийти в себя, прежде чем приходит за мной травница.

– Доброе. Давай сначала я тебе спину обработаю, а потом пойдёшь за мной, – слышу её хриплый голос. Это первый человек здесь, который проявил ко мне человечность. Она как бабушка. С ней так спокойно и уютно и почему-то рядом с ней я ощущаю себя в безопасности, хотя понимаю, что это чувство мнимое, потому что она не сможет мне помочь в случае чего, а просто будет смотрительницей происходящего.

– Доброе утро, – говорю спокойным голосом. Своё блядское поведение я уже проанализировала, благо времени было предостаточно.

Толи тактично она поступает, промолчав о том, что видит перед собой, точнее, что стало с её рабочем столом, то ли это не её дело и их господин велен делать всё что ему заблагорассудится и с кем ему заблагорассудится.

Только обработав мою спину, всё также молча, она в конце неприятной процедуры сказала:

– Если больше не будешь сдирать, то через несколько дней всё заживёт.

– Сдирать? – переспросила, потому что услышала в её голосе упрёк что ли. Почему она выразилась именно так, хотя знает, что произошло, точнее догадывается.

– Да, именно. Если бы не противилась Иману, то этого бы не произошло.

– Как можно не противиться, если я живой человек, а не вещь или игрушка, который можно распоряжаться как хочешь, – говорю слишком резко, вставая. Разворачиваясь, придерживаю всё ещё эту чертову простыню.

– Вижу, что ещё не сняла свои розовые очки. Девочка, что ты слышала о наших землях? Что ты знаешь о наших традициях, о правилах?

Молчу, потому что мне нечего сказать, мы никогда не поймём друг друга. Я выросла в цивилизации, а здесь как в средневековье.

– То тоже. Попалась бы другому шейху и тебя за твоё такое поведение уже давно бы брали на площади войны, выстроившись в очередь. Или попалась бы Мустофе. Уже была бы мертва. Но ты чем-то зацепила нашего правителя мёртвых земель, – как будто сарказм сказала. – Послушай совета старой Зармы: он твоё спасение и твоя гибель. Только тебе решать. Ты можешь его поставить на колени перед собой, но таким поведением что сейчас – он тебя только сломает, а потом выкинет как мусор, отдав своим войнам на потеху. Тебе не сбежать и ты больше не вернёшься домой, если только... – резко замолкает, а я только и жду продолжение. Ведь должен быть способ вернуться домой, к своей крошке. Мысли о ней отдают тупой болью в

сердце, оставляя кровоточащие раны открытыми, и с каждым проведённым здесь днём только будут увеличиваться в размерах. Нет, никаких слёз, я смогу выбраться из этого места.

– Если только... – произношу её последние слова и смотрю на неё, надеясь, что закончит предложение. Но проходят секунды и я понимаю, что нет. Я должна сама догадаться и единственная версия, которая приходит мне на ум – это, если он сам отпустит меня.

Как будто прочитав мои мысли или я так эмоционально думала, что это отразилось на моём лице, травница кивает. Но потом я вспоминаю, что она не может увидеть из-за катаракты.

– А пока на-ка надень это, – протягивает белую сложенную ткань.

– Спасибо, Зарма, – говорю отстранённым голосом, беря в руки ткань.

Развернув её, я вижу слишком длинную джалабию. Я в ней просто утону ведь. Но грех мне жаловаться. Поэтому молча надеваю, а потом уже вытаскиваю простынь.

Проходя через улочки, я натыкалась на презрительные, на ненавидящие взгляды людей, которых я видела в первый раз в жизни. Некоторые даже бросали в меня камни, а это были женщины, от которых в нескольких метрах от них стояли дети. Да, пока старшее поколение подаёт такой пример ничего здесь не изменится.

– А ну, отошли или хотите быть отсечены розгами, – вступается на мою защиту Зарма, схватив меня за руку и ускорив шаг.

Слышаться ругательные слова, но я уверена, что все они адресованы мне. Прилетает справа камень, рассекая висок. Так хочется, бросить в ответ, чтобы они поняли, как это больно. Но понимаю, что после этого они меня до смерти бы закидали, была б их воля. Чувствую жжение, только не это. Не ужели опять повреждение? Я за всю жизнь не получала столько шрамов и боли сколько здесь.

Сидя на стуле возле окна и глядя на уходящее солнце, вспоминаю сегодняшний день.

Придя в берлогу чудовища, травница перед уходом только посмотрела на меня. Видимо, поняла, что разговор со мной бессмысленный. Я и не желала, чтобы бы она снова запела эту песню снова. Мне хотелось одиночества.

Время до вечера пролетело быстро, солнце уже начало садиться. Закат был необыкновенным. Оказывается, можно смотреть вечно не только на огонь и воду, но и на закат. Мне дважды приносили молча обед и ужин, но из-за предстоящей встречи аппетита не было, хотя в душе надеялась, что он не придёт, что его убьют, забьют, но теперь отчётливо поняла, что моя дальнейшая судьба будет уже более прозрачной после гибели шейха. Я не знаю, что будет со мной, если это произойдёт. Навряд ли я уже вернусь домой, а с ним хоть какая-то надежда. Человек пытается зацепиться за соломинку в сложной ситуации. Ему так легче, знать, что есть шанс. Так и мне.

Устала от самокопания, устала думать и анализировать свою реакцию на его проникновение. Решила всё-таки остановиться на версии, что у меня давно не было секса, поэтому организм дал такую реакцию. Мне ещё не хватало раздрая с самой собой.

Так погрузившись в свои мысли, не увидела и не услышала чудовища, который, по-видимому уже стоит здесь какое-то время. Но я не подала виду, всё также наблюдая за видом на улице. Нет, это не игнорирование и я прекрасно понимаю, что только сильнее его злю – своим таким поведением, но мне нужно пару секунд, что взять себя в руки. Мне нужно была эта маленькая передышка.

Эта пытка продолжалась не долго, но вся эта ситуация высосала все мои силы. Последние на сегодняшний день.

На секунду мне показалось, всего лишь на секунду, что отпустит.

С чего я это взяла? Сама не знаю. А он сказал, что веду себя как ребенок. Дикая ярость мгновенно затмила сознание. Хочу сделать боль. И делаю.

Смотрим друг другу в глаза. Ненавижу!

Видит ранку на виске. И приходит в ярость. В глубине его глаз видна расправа. Я вижу смерть, за то, что кто-то посмел причинить вред его игрушке.

– Я сама, – стою на своём.

Смотрит на меня ещё пару секунд, после убрав руку, уходит.

Стою на месте, не шевелюсь. Смотрю на свои руки и вижу, как те трясутся. Дыхание глубокое, но воздух такой раскалённый, что становится больно в горле. А так сейчас хочется вдохнуть прохладного воздуха, чтобы ветер потрепал твои волосы. Увидеть зелень. Да что угодно, лишь бы не видеть этот ненавистный мне песок.

Дыхание выравнивается, сердцебиение приходит в норму. Я жива, он ничего не сделал, просто ушёл, может это что-то да значит? Или мой поджаренный мозг ищет что-то за что можно зацепиться, ухватиться, после того как я полечу в самую пропасть и не факт, что разобьюсь насмерть.

Глава 12

Надя

Не знаю. Сколько прошло минут, может даже часов. После его ухода, опустилась на стул, и глядя в одну точку перед собой погрузилась глубоко в себя. Нет, не то что бы я план побега разрабатывала. Мои мысли сейчас как лабиринт, так легко заблудится. Я рада такому отдыху, если это можно так назвать.

Не обратила внимание, когда в комнату занесли большую деревянную ванную. Только спустя несколько долгих минут начала выплывать. Приступили наполнять ванную водой. Надеюсь, он задержится, и я успею до его прихода помыться. Как только ванная была готова и все вышли, снимаю джалабию и забираюсь в воду.

– Оооо... – не могу сдержать стон удовольствия. Как же классно просто искупаться. Да, дожили, теперь радуюсь воде. Почему-то только лишившись люди начинают ценить то, что потеряли. Всегда любила воду, но предпочтительнее мне был душ, нежели ванна. Постоянно о чём-то думала, мечтала, строила планы, стоя под струями воды. Всё делала, за исключением того, что наслаждалась от самого процесса. А что сейчас? Я радуюсь такой мелочи. Мама мне постоянно говорила, что всё познаётся в сравнение. Видимо, мне это предстоит узнать на практике.

Я не знаю сколько блаженствовала в одиночестве, сколько *его* не было, но за время его отсутствия успела обмякнуть и помыться. Хватаюсь за поручни, которые расположены по бокам ванны и поднимаюсь. Стоя в полный рост, поднимаю левую ногу, чтобы выбраться, но так и замираю с поднятой ногой. Почему меня не любит так жизнь? Почему именно в этот момент?

Встречаюсь с его глазами и чёрт, опять он зол. Что я такого сделала?

Он всё также весь в крови, за исключением, вымытого лица. Брызги крови по всей его одежде уже успели высохнуть. Рукава джалабии закатаны до локтя, открывая вид на татуированную руку.

– Кто тебе позволил залазить в ванную? – ревет он, сжимая кулаки. – Кто?

– Я просто решила помыться, пока никого нет, – лепечу я как можно быстрее. Это разве преступление?

– Здесь женщины моются только в присутствии своего господина и то полностью не раздеваются, – всё также в том же тоне объясняет мне, словно я неразумный ребёнок.

Быстро опускаюсь опять в воду, чтобы скрыть от него свою наготу. Идет на меня крадучись. Страшно смотреть, его глаза сейчас готовы меня спалить. Опять этот страх начал подбираться ко мне, сковывая тело и образуя в горле ком. И он это понял по моим эмоциям, которые отражаются на лице. Остановившись возле ванны, шейх стал рассматривать каждый оголённый участок моей кожи. Как будто никогда не видел женского тела. Постаралась прикрыть грудь руками, подтянула ноги к себе, но этот жест его только развеселил, хотя каких-то несколько секунд назад он готов был меня четвертовать, по крайней мере так говорили его глаза. Присел на бортик и опустил забрызганную кровью руку в воду недалеко от моей ноги. Смотрела как кровь начала смываться, окрашивая воду в розовый цвет. Молилась, лишь бы не стал ко мне прикасаться. Но...

Чудовище начал медленно приближаться к ноге, прожигая взглядом. От этого у меня выступил румянец на щеках. Я так и не смогла поднять на него глаза, всё также смотрю как его рука поднимается от лодыжки до колен, нежно оглаживая кожу. Разве он способен на нежность? Я не могу описать, что чувствую. Когда ты читаешь роман, и там похититель прикасается к главной героине и ей каким-то чудом нравятся его объятия, я всегда считала такое пове-

дение бредом. И в голове только одно утверждение: «так не может быть в реальности? Он ведь забрал у тебя свободу». И да, я всё-таки права. Сейчас не было пархающих бабочек в животе, наоборот неприятный колящий комок образовался. У меня одно сейчас желание, чтобы он ко мне не прикасался. Мне не комфортно. Его прикосновение вызывают чувство омерзения, чувство грязи, после которого хочется обмыться, хотя только что это сделала.

Взяв мой подбородок пальцами, слегка сжав, поднимает так, чтобы я посмотрела ему в глаза. Не стала сопротивляться и как только наши глаза встретились, расправила плечи. Не знаю зачем это сделала, это вышло само собой. Руки с груди не убрала.

В его глазах было много эмоций: жажда обладания, ревность, чтобы твою вещь никто больше не видел, нетерпимость, увлечение, но также равнодушие, с которым он окинул мою позу и произнёс:

– Тебе принесут новую одежду и еду. Сиди здесь и не высовывайся, жди меня. Я хочу, чтобы ты была покорной, Нунна... сегодня вечером, – понимаю, что если сейчас опять воспротивлюсь ему, он возьмёт меня прямо здесь и ничто и никто ему не помешает. А он всё продолжает:

– Тебя уже не отвертеться, Нунна... Такова твоя участь, прими её, – я не могу так, я не могу молчать. Я должна что-нибудь сказать, иначе тошнит от самой себя, что слушаю его.

– Надя! – чувствую, как слёзы собираются в уголках глаз. Слабачка ты, Надя. Обещала ведь себе. – Меня зовут Надя! – Раздражает, когда он меня так называет. Лучше уж, чтобы никак ко мне не обращался.

– Ты разве ещё не поняла. Мне плевать как тебя звали, – опять на повышенных тонах произносит, но потом говорит обыденным тоном:

– И впредь, если осмелишься принять ванную без меня, я тебя окуну в помойную яму, состоящую из дерьма и бытовых отходов, – убирает руку с моего лица и поднявшись в полный рост, окинув меня в последний раз похотливым взглядом, уходит, громко хлопнув дверью.

Через какое-то время большой деревянный чан унесли. Принесли одежду и ужин, а после всё для перевязки моих ран. Только мелькнула мысль о том, как я буду обрабатывать спину, как в дверь постучали.

Замерла, но тут же ещё раз слышались лёгкие удары о дверь.

«Да», ответила и после моих слов вошла Зарма. Я была удивлена, обычно она ведёт себя нагло, я бы так это назвала. Но, видимо, не в хозяйских «апартаментах». Господи, я ещё могу шутить, значит, не всё потеряно. Всё то время, что она мне помогала перебинтовывать раны мы молчали. Она ничего не задавала, не пыталась мне опять вправить мозги о том, что я могу поставить чудовище на колени, если захочу, если покорюсь и смирюсь. Не верю в это, потому что считаю бредом, сказочным бредом. Горбатого исправит только могила, так и здесь. Люди не меняются, они просто себя показывают с разных сторон. Он каким был, таким и останется: безжалостным, беспринципным, жестоким и жёстким лидером. Другой бы и не смог стоять у руля.

Это молчание не было напряжённым, мне было комфортно. Хотелось тишины. Сегодня был чертовски тяжелый день, и я бы легла спать, но кто я такая, чтобы все мои желание сбывались.

– Спину уже не надо перевязывать. Зажила. Руки и стопы на твоё усмотрение.

– Думаю утром можно перевязать, будет достаточно этого, – оглядываю запястье, опустив голову, смотрю на стопы. Да, теперь на моих руках и ногах будет постоянное напоминание, где я была и что сделали со мной.

– Дай посмотрю висок, – удивляюсь как она сможет это сделать. Но спустя несколько секунд она продолжала:

– Ничего серьёзного. Заживёт быстро. Да, наказание неизбежно, – уже более тихо сказала Зарма. Я не стала ничего спрашивать по поводу последней реплики. Какой в этом смысл?

Опять будет говорить загадками. Да и мне моих проблем достаточно, ещё думать и переживать о тех, кого ждёт наказание. Обо мне кто бы подумал и попереживал.

После того как травница ушла, я осталась одна. Солнце уже зашло, уступая свои права ночи. Но с каждой секундой меня начинает одолевать паника и начинающийся пробираться страх, который становится неприятным коком в горле. Я боюсь, что он может в любую секунду прийти. Сердце начинает бешено биться. Не знаю сколько прошло время, но никто не приходит, а от незнания становится ещё хуже.

Спустя какое-то время я уже себе места не находила. Чёрт, и почему нет настенных часов. Мне кажется, что прошло пару часов уже.

Это пытка. Ждать неизбежное. Но проходит время, а его всё нет. Постепенно на меня начинает наваливаться усталость, тяжело ложась на плече. Боже, только не это. Не должна уснуть, вдруг он именно в это время придёт. Как бы долго не сопротивлялась сну, усталость взяла своё, и я провалилась в сон.

– Милый, ну, хватит. Пожалуйста, перестань. Ты разбудишь нашу малышку. Только перестала пинаться.

– Вот и хорошо, зато, когда мама ляжет спать она тоже ляжет, а то только начинает к этому времени пробуждаться.

– Никита, так всегда и у всех. И это нормально. Так должно происходить, я ведь тебе миллион раз объясняла.

– Да-да, я помню, но... Любимая, я так уже хочу увидеть нашу крошку. Я очень сильно жду её рождения, – видимо, решил сменить тему. Смотрю на самого лучшего в мире мужчину и не могу сдержать улыбку.

– Очень скоро, родной мой, очень. Она сама уже устала находиться в тесноте.

Положила руки на живот и ощущаю пинки от своей солнышки. Какое же это счастье.

– Я люблю вас. Ты ведь знаешь это.

– Знаю, милый.

– Мы ведь решили, София?

– Нет, конечно, нет. Ева. И точка.

– Ауч... Вот видишь Еве тоже нравится. Аж пихнула, поддакивая мне.

– Ну, хорошо, уговорила. Будет Ева. А то надо ведь уже окончательно решить, осталось совсем чуть-чуть до рождения малышки, а мы всё никак не может определиться.

– Ты серьёзно, точно согласен, милый?

– Да, родная. Будет Ева, наша малышка. Мы очень тебя ждём, – Никита целует каждый участок живота, а особенно те места, куда малышка бьёт.

Открываю резко глаза и поднимаюсь на руки. По щекам бегут мокрые дорожки. Мои любимые. Как же я по вам соскучилась. Врагу не пожелаю ощутить те чувства, которые сейчас плещутся во мне. Отдала бы жизнь, чтобы оказаться рядом со своей девочкой. Ева, дочка моя. Мама так сильно по тебе скучает, так сильно тебя любит. Слёзы всё идут. Я в немом крике закрываю рот рукой и не могу остановиться. Воспоминания гложат, проносятся в замедленном режиме киноплёнки. Первое узи, первые шаги, первое слово «мама». Никита. Я уверена, если бы ты был в нашей жизни, этого бы ничего не произошло. Мне так тебя не хватает. Прости меня, пожалуйста, если слышишь. Господи, если ты меня слышишь, пожалуйста, помоги мне не сломаться, помоги выжить в этом месте. Я обязательно вернусь, я в это верю. У меня ничего не осталось кроме веры. Меня всего лишили.

Вдох-выдох. Вдох-выдох. Не знаю сколько я так дышала, но постепенно начала успокаиваться. Нельзя показывать свою слабость. Будут бить именно по ней. Поднявшись на ноги, протёрла лицо руками, убирая мокроту.

Услышала звук открывшейся двери. Автоматически поворачиваю голову в ту сторону. Ко мне вошла какая-то женщина. Поставила что-то на стул. Двигалась она бесшумно и никак на меня не реагировала, но, когда я её окликнула, она пулей вылетела из помещения. Они знают кто я, поэтому и относятся так презрительно. Пленница, рабыня без имени, без прошлого, даже без будущего. НИКТО и НИЧТО. Которое не имеет даже слово сказать против, которое может только смириться со своей участью.

Даже сейчас самое страшное – это потерять крохотную надежду, которая затаилась в глубине души и греет меня изнутри. Словно огонёк в тёмном помещении, на который я иду, в желании выбраться на поверхность и вдохнуть вкус свободы, вкус жизни, чего меня так безжалостно лишили. Именно он не даёт мне до конца опустить руки.

Вспомнив, что надо будет ещё спину перевязать, встаю. Только мне травница ничего не сказала, куда нужно идти. Может сама придёт. Решив, что дождусь её, сажусь на импровизированную кровать.

Прошло не так много время, когда дверь открылась и я увидела незнакомого мужчину. Он остановился на пороге и подпёр косяк двери, смотрит своими глазами. По-другому бы не сказала. Глаза его большие, выразительные, карие. Выглядел не так как все, начиная с внешности и заканчивая одеждой. Чистый что ли? По-городскому как-то. Белоснежная джалабия, такого же цвета шаровары, но по бокам есть золотая полоска, которая и привлекает внимание. Скрестил на груди руки, прожигая своими омутами карими. Что он задумал? Кто он? Одумавшись, я резко опускаю глаза в пол, не дай Бог, ещё за это получу. Не зная куда деть руки, поэтому просто их скрепляю за спиной.

– Разочарован, думал красивее, – говорит он грубым, прокуренным голосом. Мужским таким.

Если он заходит как к себе домой к чудовищу, то может у него ранг выше? Лучше молчать, что я и делаю. А он между делом продолжает:

– Ну, хоть молчаливая. Господин сказал тебя проводить к Ибрагиму. Пошли.

Какое-то странное чувство меня одолевает. Не хочу идти с ним. Наглый взгляд. Что-то не то. Мешкаюсь, поднимаю на него взгляд. Теперь уже нагло рассматриваю. Высок, раздут в плечах. Накаченное тело, натренированные руки. В лицо больше всего бросаются его большие глаза, густой бородой здесь никого не удивишь. На шеи с левой стороны имеется шрам. Жутко, рваная рана как будто была, словно зверь вырвал кусок плоти.

– Я долго буду ждать? Пошла, – говорит грудным голосом и прищуривается. Такое ощущение, что он не здешний. Как-будто ... – Быстро.

Сделав пару шагов вперёд, он разворачивается на сто восемьдесят градусов и выходит. Уверен, что я последую за ним.

Разве я могла по-другому? Конечно, нет.

Шли мы не долго, примерно минут пять. Проходя небольшую площадь, которая находилась посередине деревне, как я поняла, стоял небольшой помост, на которых стали подниматься три девушки и три мужчины. Замечаю, что шаг стал медленнее. Странно? Как будто этот мужчина хотел мне показать, что будет происходить на «сцене». Эта площадь была несильно большой, а проходили мы вдоль помещений, но лица женщин можно было разглядеть. Лица кажутся знакомыми, и я начинаю вспоминать, что это те женщины, которые в меня бросали камни. Только не это...

Но мои худшие опасения не оправдались.

Женщины начинают вставать на колени. Какой-то мужчина перед каждой ставит низкий табурет. Кажется, что они смирились, потому что слова не проронили, взгляд опустили и смотрят в землю, сжав руки на табурете.

Мужчины между тем, встали напротив каждой женщины и достают со спины чёрный кнут. Народа всё становится больше, спустя несколько секунд раздаются всхлипы. Перед тем как завернуть в сторону, насчитала уже три удара.

Пройдя ещё несколько метров, мы вышли на постройку. Длинные деревянные, с отсутствием окон, вместо них просто отверстия под них. Двери раскрыты, пройдя через порог, я понимаю, что мы попали наподобие больницы. Довольно большое помещение. Свет только от окон и тусклые лампочки по середине, которые вечером, думаю, приносит больше раздражение, нежели света. Койки для пострадавших стоят в три ряда по левую и правую стороны от входной двери. Небольшая рабочая зона, на которой находится инструменты и перевязочный материал располагается по правую сторону посередине «лазарета». Здесь люди, которые пострадали вчера при нападении. В здании стоит неприятный запах: запечённой крови, грязи, пота, не спасает даже отсутствие окон. Покалеченных много, кто-то стонет, кто-то спал, между больными ходил мужчина лет шестидесяти с коричневой сумкой через плечо и оказывал помощь. Уставший, изможденный, явно устал один оперировать и перевязывать.

– Ибрагим, посмотри ша... – он не договаривает, смотря на меня, а потом просто смеряет меня омерзительным взглядом. Как же от этого всего противно. Что я ему-то успела сделать? Вот, не ужели у них нет детей? Девочек? Если бы с их дочерьми такое произошло? Никому такое не пожелаю.

– Не смотри так на мужчин, если твой господин узнает, не поздоровится не только тебе, – говорит пожилой мужчина грубый тоном, но спасибо, что не оскорбляешь.

– Как закончишь, я буду за дверью. Пойдём другим путём. По сокращённому, – сказав, он сразу выходит. Не вижу смысла что-либо отвечать на его реплики, хотя уверена, что я и не должна что-либо отвечать ему или им, пока мне не позволят. Как и сказал, далеко не уходит, остаётся в паре метров от двери, ибо его тень видна. Получается, есть ещё другой путь. Стойкое ощущение, что он хотел, чтобы я видела это наказание. Только что он хотел этим показать?

Тот самый Ибрагим поворачивает в мою сторону голову, смотрит на меня несколько долгих секунд, как я поняла, он ищет видимые повреждения и оценивает смогу ли я подождать, потому что есть люди, которым действительно нужна помощь. Кивнув головой, даю понять, что могу подождать. Мне какая разница. С меня не будет, а здесь действительно есть люди, которым нужна медицинская помощь, а некоторым даже хирургическая.

– Кхм..кхм.. кхм, – кто-то кашляет, поворачиваю голову на звук и поражаюсь тому, что перед моими глазами. КАК? Как люди могут терпеть такую боль. Я не могу сказать, что неженка, но терпеть такое и не издавать звуки, это... Я даже не знаю, что это и как назвать? Геройство или тупизм, заключающийся в нежелании показать слабость и попросить о помощи. Думаю, и воспитание свою роль сыграло.

Глава 13

Вижу, что мужчине не хватает рук и времени, чтобы подойти и хотя бы очистить раны, чтобы не возникло в них заражения. Больных больше десяти. Справа в самом дальнем углу самые тяжелые, судя по стонам. Испытываю ли я жалость к этим людям? Которые могут в любой момент избить женщину, изнасиловать её, убить её. Однозначно, нет. Но сейчас они в первую очередь пациенты. Думаю, я просто нашла спасательный круг, если можно так описать данную ситуацию. Я в своей стихии. Говорят ведь, человек ко всему приспосабливается, видимо начала адаптироваться к ситуации, а то боюсь психика моя не выдержит.

По своим ощущениям уже стою здесь минут тридцать, но мужчина так и стоит сторбившись над больным в самом дальнем углу даже голову не поднял. Может подойти? Предложить помощь? Ведь это моё любимое дело, это моя работа. Хотя бы так отвлекусь. Приняв решение, направляюсь сквозь койки с людьми.

За то время пока ждала дважды заходил тот странный мужчина, который меня сюда сопровождал. В первый раз ответила я, а во-второй раз уже Ибрагим.

– Долго ещё? – Пройдя через порог, остановился, скрестив руки на груди. Брови свёл к переносице. А я даже не знаю можно ли ответить. Но понимаю, что Ибрагим слишком занят, поэтому повернувшись к нему и став напротив, отвечаю:

– Я могу подождать, а тот мужчина нет, – смотрю на него со своего роста. Глаза не опускаю, как это делают здесь женщины. Я здесь чужая и всегда её буду. Отношение ко мне никогда не изменятся. И что я опускаю взгляд, голову – ничего не изменит.

– Тебе кто разрешал рот открывать, грязная подстилки? Или Господин слишком хорошо с тобой обращается? – Вот здесь лучше точно молчать, что я и делаю. Глаза опускаю, смотрю на пол. Он не приближается и когда понимает, что я не буду вступать с ним в диалог, выходит снова на улицу.

Спустя ещё какое-то время снова заходит, но уже идёт к Ибрагиму.

– Эй, скоро ты шлюху подлатаешь? – Вот это уважение к старшим.

– Господин велел Абдуллу спасти любой ценой. Если помогу ей, то потеряю время, и он умрёт, – мужчине такой ответ пришёл не по вкусу. Втянул воздух через ноздри, видимо, делает попытки успокоиться.

– Тогда быстрее, у меня ещё куча дел. – Ибрагим на это ничего не отвечает, отвернулся и принялся за своё дело. Я всё также стояла на том месте, где была и когда мужчина шёл обратно я рефлекторно отступила назад, потому что такое было ощущение, что он сметёт всё на своём пути.

Ножевые, огнестрельные, у некоторых до сих пор ножи торчат. Вспоминаю, что говорил он, что нет обезболивающего, а, следовательно, инет наркоза. Может это их бумеранг так наказывает за их отношение к слабому полу, за убийства? Кто знает. Проходя через койки к доктору (я даже не знаю как они его называют) так боялась, что меня кто-то схватит за руку или за ногу, но из этого ничего не произошло, только смотрели из приоткрытых глаз, удивлённо что ли. Но это удивление только было может в первые две секунды, потом закрывали глаза и больше их не открывали. Может думали, что им привиделось, что вещь господина находится в месте, где одни мужчины лежат, куда вход женщинам воспрещён. Подойдя к лекарю, встаю за спину по левую руку и вижу, что у мужчины не так много шансов на спасение. Но все поражение у меня не получается увидеть из-за головы и руки Ибрагима, вроде так его зовут, если не забыла.

Осмотрев лицо пострадавшего отмечаю, что он без сознания, испарина на лица – поднялась температура.

– Я могу помочь, – уверена, что он слышал и думаю видел боковым зрением, что подошла. Он не заговорит первым, поэтому решаю сделать это самой.

– Нет, ничего не делай. Отойди подальше, если не хочешь проблем от своего господина. Мне они точно не нужны, – приходит незамедлительный ответ, даже не повернув голову, отвечает мне. Голос спокойный, но чувствуется усталость. Нет злобы, ненависти. Он говорит это не из-за того, что презирает меня или чувствует омерзение ко мне, а потому что и в правду не хочет проблем.

– Я могу помочь, а судя по всему вам не хватает рук.

– Никого не трогай, если не хочешь лишиться руки. По крайней мере, своими руками я дорожу, – говорит он своим охрипшим голосом, явно даже нет времени на то, чтобы элементарно выпить воды.

– Я медсестра, работала в хирургии. Мужчина плох и я, действительно, хочу помочь. А сейчас мы теряем время... – не договариваю, потому что он выпрямляется и смотрит на меня серьёзным взглядом, хмурится, обдумывая каждое моё слово. Значит, я была права, хотя не была уверена. Ничем не примечательным на вид мужчина: густая седая борода, но кое-где ещё виднее естественный цвет. Лысый, морщинистое лицо, светло-серые глаза, худощавый. Думаю, в молодости он был ещё и высок, а сейчас уже межпозвоночные диски стёрты, из-за работы в наклоне сутулый и поэтому он выше меня только на голову.

– Хорошо, но здесь я правлюсь сам, иди к окну, нужно рану очистить и вытащить пулю, кость не задета, – сказав это так быстро, как будто слова вылетали не изо рта, а из пулемётчика, он опять нагнулся и занялся мужчиной. Да, видимо, дела совсем плохи. Если меня отправляют к тому огнестрельному мужчине, можно смело сказать, у них здесь процветает иерархия. Не зависимо какие у тебя повреждения, первому оказывают помощь кто выше по рангу. Дикость какая. Мне этого не понять.

– Обезболивающие? Вода? Чистый материал, для промывки раны? Инструменты? Бинты?

– Это тебе не больница, тряпки возьмёшь у входа, ножницы на столе. Вода в ведре возле стола, там же инструменты. Вместо обезболивающего тряпки засунешь мед зубов. Инструменты там же. Иди, – говорит последнее указание, наклоняется ещё ниже. Вспомнив, что иногда от времени зависит жизнь человека, разворачиваюсь и иду за тряпками, ускорив шаг.

Подойдя к двери, замечаю только одежду. Грязная. В крови. В пыли. Могу предположить, что её снимали с убитых. Понимаю, что эти условия можно сравнить с полевыми, но это когда было и какие года. Но здесь, видимо, все блага человеческие обошли стороной.

Мысли сразу все отошли на второй план. Мне нужна эта передышка, надеюсь, что это не выльется мне боком потом. Но именно здесь и начнётся мой ад. Точка невозврата.

Не теряя времени, режу тряпки у стола. Решив, что только занесу инфекцию, быстро стираю в одном ведре лоскутки. Положив необходимые инструменты на лоток, который, наверное, чудом здесь оказался, иду к мужчине.

Отмечаю два ранения. Одно в плече, а другое в голени.

Приступим. А дальше время остановилось. Есть я и пациент. В голове посторонних мыслей нет, только последовательность действий. Теперь жалею, что ушла из оперблока. Я даже не помню, говорил что-нибудь мне мужчина или нет. Он держался стойко, я его только осведомляла, что буду делать и где придётся потерпеть. Как и говорил Ибрагим положила ему тряпку, чтобы он зажал меж зубов. Не произнёс ни единого слова, ни одного мычания. Ничего. Только напряжение всего тела, говорило о том, что мужчина терпит боль. Думаю, у него высокий болевой порог, потому что у нас некоторые мужчины в отделении падали в обморок от иглы в вену.

Это не заняло так много времени, видела, как оборачивается Ибрагим, но в его глазах я не было опасения, неверия, он смотрел для того, чтобы я подошла к нему после того как зашью.

Делаю последние стяжки на голени и замечаю, что мужчина отключился. Тут сыграло много факторов, во-первых, он потерял много крови, а во-вторых, он достойно всё стерпел. Да, мычал периодически всё же. Да сжимал руками тряпку, которая служила подобие простыни. Да, стискивал ткань, которую я положила между зубов.

Подойдя к мужчине, которым занимается Ибрагим понимаю, что у раненного с каждой минутой шансов становятся меньше. И действительно, если он выживет – это будет чудом.

– Я заканчиваю шить, проступай к другой ране. Он не должен умереть, – даёт опять указание и на этом мы погружаемся в молчаливый процесс. Мы как будто понимали друг друга без слов. Было комфортно работать.

Смогла помочь всего троим перед тем как пришёл он.

Не могу сказать, что все позволили себя промывать и зашивать. У кого хватало сил на крики и угрозы в мою сторону, теми занимался Ибрагим. Я же занималась теми, кто спал или у кого не было сил, что-либо сказать. Но их глаза говорили о многом. Даже, когда я вытаскивала нож, когда зашивала, когда перебинтовывала уже сподручными средствами, их взгляд не изменился. Всё те же эмоции, как будто это я виновна в том, что с ними стало. Нет, конечно, я не жду от них слов благодарности. Эти люди даже этих слов не знают. Но... Как так можно, не зная человека, говорить такие вещи:

– Если бы ты не была шлюхой господина, я бы драл во все дырки, а потом смиростивился и бросил на корм собакам, а не своим братьям.

– Когда Господин тебя выкинет, ты будешь обслуживать мой член. Запомни это. А если мне понравится как ты сосёшь, так и быть я покажу тебе как трахается настоящий мужчина. Будешь ещё просить меня, что б насадил как можно глубже.

Наверное, таких я слышала больше пяти. Даже когда проходила мимо. Но единственное, что радовало-они ко мне не прикасались.

Под конец, когда начала перебинтовывать рану мужчине, которому мы опять с Ибрагимом оказывали помощь вместе, кожей ощутила давящую тишину. Было такое напряжение. Стало слишком тихо что ли. Пожалуйста, главное, чтобы не он. Почему- то я только сейчас о нём вспомнила, когда опасность закружила снова над головой.

Стоим на приличном расстоянии друг от друга, но его злость, ярость чувствуется на физическом уровне, как будто он уже меня схватил и держит в своих руках, словно я птичка-канарейка.

Для комфортной работы, встала по другую сторону от Ибрагима и, сейчас он застал то как я нагнувшись перебинтовываю его человеку ногу. Соприкасаюсь с ней. Трогаю её, для лучшего удобства.

Встретившись взглядом я не то что боюсь подойти, а боюсь сделать вдох. Ибрагим ни о чём не подозревая всё также обрабатывает, зашивает, но уже меньшие раны. Увидев, мою заминку он смотрит на меня сначала, а потом выпрямляется и поворачивается всем корпусом. Опускает голову и руки.

– Я лишу тебя языка и рук, – сердца делает кульбит. За что? За то, что заговорила с кем-то, за то, что прикасалась к мужчинам? Ведь здесь есть города, а в городах есть больницы и не ужели там нет медсестёр?

– Иман, выслушай только меня... – обращается по имени и на ты.

– Как ты посмел? Кто тебе дал согласие? – Глаза его я ещё не видела такими, они чёрные. Кулаки сжаты, стоит широко расставив ноги, грудная клетка ходит ходуном, часто дышит, ноздри раздуваются, словно крылья.

– Ты отдал приказ, чтобы он выжил и он выживет. Один бы я не справился. Девушка помогла. Мне не хватает моих рук, мне не хватает времени, – сейчас понимаю, что первая его реплика не была адресована мне. Но почему не испытываю облегчение. Не верю, что здесь настолько жестокие законы и он сможет осуществить сказанное.

Только сейчас замечаю, что взгляд его меняется. Он начинает понимать, что сказал Ибрагим. Видимо, этот человек ему дорог. Мы стоим на своих местах, но через секунду Иман сокращает между нами расстояние. Мой страх некуда не ушёл. Задерживаю дыхание, когда остаётся два шага. В его глазах вижу наказание, он хочет меня наказать. Хочет причинить боль. Притом физическую.

– Позволь... – начинает говорить Ибрагим, но под тяжелым взглядом Имана он замолкает.

– Только попробуй и я сам лишу тебя языка, – обещает это чудовище.

– Многие умрут, я не успеваю, а она медсестра. Она сможет твоих людей вытянуть, – делает ещё одну попытку. Видимо, он хочет, чтобы я была здесь и помогала ему. Это было очень хорошо, потому что не хочу сидеть и ждать своей участи, не хочу ждать неизвестности, когда он придёт. Но сейчас уже сомневаюсь, что мне действительно это нужно, потому что его чёрная бездна не предвещает ничего хорошего для меня.

Молчит. Смотрит. Долго или мне так, кажется. Голову наклоняет и с усмешкой говорит:

– А почему бы и нет. Шлюха, которая ненавидит это место, этих людей, эти законы, будет спасать моих людей. Нунна, – пауза, – я позволяю тебе спасать моих людей, – глаза не обманешь. Они по-прежнему пропитаны злостью. Это сильное чувство, которое не так легко поддается контролю. Хотя лицо его не выдаёт никаких эмоций, но как говорится «глаза зеркало души». Пытается с нею справиться. Не понимаю, эта злость связана с тем, что я буду продолжать помогать Ибрагиму, или с тем, что без его ведома заговорила и помогла. Или это эта злость совсем по другой причине?

Не ужели такие люди, и в правду, есть, которым нравится причинять боль. Ведь боль бывает разной. Он меня не ударил, но сейчас его слова так вонзаются в меня... Мне больно, моё сердце болит, моя душа болит. Мне хочется кричать во всё горло. Всё нутро скручивается в тугий узел. Зачем? Конечно, не забываю где я и кто я здесь, но сейчас он вывернул всё таким образом, чтобы я чувствовала злобу, ненависть. Причём к себе. Знаю, что хочет добровольного отказа это этого. Чтобы сидела и его ждала. Но нет. Не позволю мной манипулировать.

А между тем он продолжает:

– Ну, что, Нунна? Ты...

– Я согласна, я буду здесь, – не даю договорить, но тут же сожалею об этом. Забыла, что это не позволительно. Забыла, кто передо мной стоит. Сам шейх Иман ибн Сахим. Вроде так было написано в карточке. Не помню уже. Резко выставив руку, он хватает меня за шею и постепенно её сжимает. По инерции цепляюсь ему в руку, в желание убрать захват, но куда там мне. Пачкаю его руку в крови. Он в ярости, что посмела его перебить при его людях. В памяти всплывают картинки, меняющиеся сюжеты, один за другим, как он меня бьёт хлыстом. Практически вишу на его руке, уже стоя на мысках. Приближает моё лицо к своему. Это не человеческие глаза. У человека не могут быть таких.

– Простите... – Сыплю я, но не уверена, что расслышал, по мне так я просто открыла рот. Разжимает свою руку, и я приземляюсь прямо к его ногам, падая на колени. Сразу начинается кашель.

– Нунна, я ещё великодушен с тобой, мои люди уже давно бы лишились чего-нибудь за такую дерзость, но ты... – он замолкает. Как будто он сожалеет, что сказал лишнее.

Я всё также перед его ногами, кашель прекратился. Не смею поднять головы, да и желание его видеть нет. Садится на корточки прямо передо мной, поддевает пальцами подбородок, так чтобы мы встретились глазами.

– Я позволю тебе здесь находиться, Нунна. Но взамен ты будешь спать со мной, – другого я и не ожидала от него. Теперь шантаж. И чего я от него ещё хотела?

– Нет. – Его ответ явно не устроил. Но что он ожидал от меня? Глаза вспыхивают, только по ним и по тому как его пальцы усилили захват на подбородке, прихожу к выводу, что он разозлён моим ответом. Что снова ему отказала.

– Просто спишь, я не буду трахать тебя, по крайней мере только, если ты сама этого не захочешь. Не беру женщин силой, они сами прыгают в мою постель. – Не захочу. Будь уверен. Но зачем ему это? Одаривает меня оскалом, видимо, это предупреждение, что он идёт на компромисс и зависит от меня дальнейшего развития событий. Чёрт, какой компромисс? Но мой язык соображает быстрее, чем мозг.

– Я согласна, – выдаю, и он усмехается надо мной. Кривая полуулыбка на одну сторону. Парализовало его что ли? Чёрт, это его реакция на мои эмоции, которые он видит на лице.

Чёрт, чёрт, чёрт, Надя, как ты могла согласиться?

– Мне нравятся твои эмоции. Они живые, – выдаёт он, а затем резко выпрямляется и обращается к Ибрагиму.

– Только до тех пор, пока тебе нужна помощь. Этой старухи нет, опять ушла за своими редкими травами.

– Да, господин, – сразу соглашается Ибрагим.

На меня больше не смотрит, ничего не говорит. Как будто меня и нет. Выходит из импровизированного госпиталя и обращается к тому мужчине, который чаще всего с ним рядом.

– Камаль, приставь человека... – больше я не слышу, потому что мужчины не останавливаются, продолжая свой путь.

Глава

Глава 14

Иман

– Я сама.

Смотрю на неё ещё пару секунд, а после ухожу. Не скажет, сразу понял это.

Выйдя на улицу, пытаюсь унять нарастающую злость. Суука. Кто посмел? Кто посмел тронуть мою вещь? Убью. Только я могу к ней прикасаться. Догадываюсь, что произошло, но не ужели они такие тупые, что не могли подумать о последствиях? Не ужели они могли подумать, что могут калечить мою собственность. Сжимаю кулаки, дышу часто. Мне нужно только знать – кто. Хотя я и так догадываюсь. Старухи, которые возомнили, что старшие всех из женщин и праве воспитывать, наказывать других женщин. Я знаю, что они делают с привезёнными шлюхами. Мне не было дело до них, но не сейчас...

Иду к Зарме, надеюсь, что она ещё не ушла. Старуха часто уходит в пустыню за редкими травами. Женская половина в тайне надеяться, что она не вернётся, но открыто никто не посмеет оспаривать моего решения.

– Зарма... – кричу. Выходит слишком громко. Так что жители деревне, которые шли в противоположную сторону от меня, даже замедляют шаг, чтобы увидеть и услышать шоу.

– Вам, что слух и зрение перестали быть нужными? – рыча, обрываю все попытки поглазеть. Реакция незамедлительная. Через пару десятков секунд на расстояние тридцати метров никого не вижу.

– Заходи. Чего так орать-то? – всегда хотел укоротить ей язык. Но каждый раз меня что-то да остановит.

– Это они. Ты и сам знаешь. Пришёл для того, чтобы подтвердила. Верно?

– Не зря тебя бояться.

– А чего меня бояться? Это было предсказуемо с твоей стороны, – смотрит своими стеклянными глазами. Сканирует. Заглядывает прямо в душу. Многие её называют ведьмой. Многие бояться её.

Получив, что хотел, разворачиваюсь в тесном помещении, направляясь к выходу.

– Ответь себе на один вопрос: зачем я это делаю, если она просто моя вещь? – Останавливаюсь, хочу повернуться, но Зарма продолжает:

– Нет, Иман. Ты ответь себе. Я уже знаю ответ. Поверь ей, когда будет просить об этом, – доносится до меня последние слова, но я не уверен, что правильно их расслышал. Вечно говорит загадками. Но мне не до разгадок.

Захожу, в построенный для пленных шалаш, в передний отсек. Замечаю Камалья, Абуссалама и Джаббара.

– Сука ещё не сдох? – спрашиваю про пленного.

– Нет. Его Ибрагим подлатал. Сказал, нужно время. У этой падали начались галлюцинации, – отвечает невысокий, но довольно плотного телосложения Джаббар.

– На всё воля Аллаха. Значит, подохнет от моего ножа, – резко отвечаю.

– Такое ощущение, что они все лишь пешки, – отвечает высокий Абуссалам.

– Они и есть пешки Асада, – спокойно замечает Камаль.

– Нет, как – будто есть ещё кто-то. Третий.

– Абуссадам, только время покажет прав ты или нет, заканчиваю разговор. – Камаль, выйдем.

Выйдя из шалаша, жду пока Камаль со мной поравняется и станет напротив меня. Хочу видеть его эмоции.

– Сабиру, Татжаю и Хаят завтра утром на площади, чтобы высекли мужчины из рода. По пятнадцать плетей каждой. И чтобы все пришли посмотреть, – лицо держит, но я вижу, что хочет задать опять вопрос.

– Ничего не спросишь?

– Нет, – приходит незамедлительный ответ.

– Завтра меня утром не будет. Поеду просмотрю окрестности. Слишком тихо.

– Никого нет, чисто. Смена лазутчиков сменилась, недавно доложили.

Понимания того, что не можешь взять свою вещь, приводить в ярость. Да, я могу взять силой, но не хочу. Дискомфорт приносит обычная ходьба, должен быть постоянный контроль над эмоциями. Это выматывает. Выдохнув горячий воздух в небо, направляюсь к костру, где сидят кругом войны в окружении танцовщиц. Если я не потрахуюсь, если не выебу хоть кого-то я не смогу сдерживать себя. Кровь так и кипит рядом с ней. С каждым разом становится держать себя всё сложнее. Она что-то делает со мной. Это не знакомое мне чувство, пытаюсь от него избавиться как от болезни, которая просочилась в кровь и отравляет организм своим ядом. Сука.

Покурив кальян, откинувшись на подушки, наблюдаю за танцем молодой очередной шлюхи, которую сегодня буду ебать во все дырки. Представил, как бы Нунна так передо мной танцевала. Извивалась. Крутила бёдрами, соблазняя меня.

Маню пальцем. Горячие маленькие пальцы гладят напряженный мышцы груди. Горячие губы ласкают, оставляя невесомые поцелуи. Это чувствуется, только эффекта никого от этого нет. Словно кожа ощущает фальшь. Не те прикосновения, не те губы. Тело не реагирует. Оно хочет другое тело.

Перехватываю пальцы, которые успели добраться до краёв штанов.

– Встань, – приказ исполняется в ту же секунду. Нет смысла здесь оставаться. Встаю следом, направляясь в свой шалаш.

Проснувшись довольно рано и выспавшимся, надеваю штаны, джалабию выхожу на улицу. Прохлада ещё не ушла. Зноя нет. Обхожу сооружения и вглядываюсь в даль. Красиво. Можно часами смотреть на предрассветную красоту, пока не взойдёт солнце и не осветлит это место. Барханы. Солнце только-только начала свой день. Смотришь на песок, а он как вода, как водная гладь. Когда смотришь продолжительное время он начинает двигаться. Переливается от светло-бежевого цвета до темно оранжевого, если смотреть довольно долго. Обман зрения. И вот, спустя десятки секунд солнце озарило мой обзор, что теперь нереально наслаждаться первозданной красотой, потому что слепит. Отец рассказывал, что были пытки связанные с солнцем. Пленного, который был предателем и которому дарован второй шанс на искупление своего греха, после которого была бы быстрая смерть, без участия родственников, привязывали к столбу и велели смотреть на солнце до тех пор, пока грех не будет снят потом и кровью. Господин решал сколько предавший будет так сидеть. Сейчас такое уже давно не практикуется, слишком много времени уходит на эти доисторические пытки. Достаточно ножа, кнута и игл. Практически все сознаются в содеянном, но не много тех, кто достойно смывает грех.

Надеваю гутру и иду к своему коню, в желании проверить окрестности.

Как и говорил Камаль ничего нет. Тихо. Странно. Вернувшись довольно быстро, зайдя в свой шалаш не отмечаю девушку. Чувствую, как кровь начинает бурлить. Даже не закипать, а уже бурлить. Где она может быть? На ум приходит Ибрагим, потому что Зарма говорила в нашу встречу о том, что девчонке нужна ещё одна перевязка.

Подойдя к зданию замечаю Узбетта. Увидев меня, отталкивается от косяка двери и отходит на пару шагов, встаёт прямо, при этом смотря в глаза. Сильный воин. Давний друг Камалая. Но когда подхожу и стаю в метре от него, в знак уважения склоняет голову и только потом произносит:

– Господин, около часа уже здесь. Ибрагим с вашим братом возиться, – говорит ровным спокойным тоном. Направляюсь внутрь. Хочу её увидеть. Но от одного только понимания, что она была с мужиками в одном здании, мой зверь просыпается, с новой дозой злости и жаждой подчинить, причинить боль и заклеить. Как она посмела? Почему эта девчонка так на меня действует? Что в ней такого? Никогда такого не было, за исключением, когда в подростковом возрасте влюбился в дочку посудомойки. Однако, мою иллюзию в любовь быстро развеял отец, когда он показал, на что может пойти девчонка ради денег.

– Ты помнишь, сын, о чём я тебе говорил. А теперь мои слова подтвердились картиной, которая перед тобой. Никогда не верь женщинам – они коварны и меркантильны. Всё сделают ради своей выгоды. Выбирай жену головой, а не сердцем. Женщин у тебя всегда будет много, сын. Не стоит на них заикливаться. Бизнес. Империя, вот стоящие вещи. Держи голову в холоде, чтобы добиться успеха в этих делах, – многие не могут вынести взгляда отца. Светло-серые. Но не я. Ещё в детстве не опускал голову. Считал, что если опущу, то проиграю, то проявлю слабость. Я тогда не опустил взгляд, но и ничего не сказал, только смотрел как та шлюха трахается с моим старшим братом. После того случая больше её не было во дворце.

Я помню каждое наставление отца.

– Не проявляй слабость...

– Будь справедливым правителем...

– Выносишь приговор – исполни его. Так поступают достойные предводители.

– Наш статус обязывает иметь несколько жён, сын, уделяй каждой внимание...

– Нельзя добиться успеха не имея стержня. Нет его, так выкуй его – Сам!

А сейчас я не знаю, что происходит со мной. Ведь ничего такого в этой шлюхе нет. Таких было сотни. Но рядом с *этой* не могу себя контролировать. Пустила свой яд ещё тогда... в палате, когда ставила мне капельницу. Ведьма. Надеюсь им не пришла в голову гениальная идея о помощи в лице моей Нунны. Но...

Зайдя в помещение, сканирую всё комнату и увидев, то что мне нужно, устремляю свой взгляд туда, на неё. Хочется подойти и потряхнуть, как нашкодившего котёнка. Как? Кто позволил? Сжимаю кулаки, делаю глубокий вдох.

Сука. Что она делает со мной? В кого превращает?

Я сам себя не узнаю.

Ведьма!

Меня затапливает дикая ярость. Неконтролируемая. Всепоглощающая.

Она была здесь без моего ведома. Она трогала моих людей. Она к ним прикасалась. Пелена перед глазами, а после делаю несколько коротких вдохов, так чтобы не вдохнуть её запах. Пытаюсь прийти в себя.

Она – никто. Шлюха. Мой подарок. Почему тогда она имеет на меня такое влияние? Как она это делает?

Смотрю на неё. Не могу отвести взгляд. Впитываю каждую эмоцию. Все живые. Даже её ненависть и злость для меня, как мёд для пчёл.

Хочу ещё.

Самая вкусная эмоция – это страх. Я чувствую запах её страха. Она истощает каждой порой. Каждой клеткой. Он возбуждает. Вдыхаю, когда сжимаю тонкую прохладную шею. И меня выкручивает физически. Хочу прижать к себе. Хочу впитаться в её губы. Смотрю неотрывно в два голубых море.

Ведьма.

Приворожила. Околдовала.

Но пусть знает, что страшней буду самой ужасно ведьмы на свете. Я сама смерть в диких песках. Уповаюсь её эмоциями. Были бы они водой – можно было бы утопиться.

Но пусть не забывает кто перед с ней.

Направляюсь к выходу, выйдя замечаю Камалю, который стоит с Узбеттом и о чём-то переговаривается.

– Камаль, приставь человека. Отвечает головой, лично казню. Приводит и отводит. Стоит у входа и не дай Аллах, если с её головы упадёт волос.

– Как скажешь, брат.

Ухожу прочь, но последние, что я слышу:

– Слышал? Не отвечай, я всё помню, – говорит Камаль.

Глава

Глава 15

Надя

Эти два дня были относительно спокойными, за исключением ночи, в которых чудовище хотел меня соблазнить. Вечером, когда солнце начало садиться зашёл мужчина, который меня сопровождал утром, давая понять, что пришёл за мной. В течении дня с Ибрагимом мы общались только по делу и то указание были с минимальными объяснениями. Два раза у нас был перекус, который приносила пожилая женщина, с потухшим взглядом на жизнь, думаю она потеряла в этой перестрелки близкого человека. Но когда я узнала сколько этой женщине лет, во время перекуса было не много времени для разговора, ответ меня подверг в шок.

– Зурме всего сорок четыре и она никого не теряла, – когда Ибрагим сказал это, я не поперхнулась лепёшкой. Ведь была уверена, что она уже пожилая. Выглядела она на пятьдесят пять- шестьдесят лет. Это как нужно было работать или через что нужно было пройти, чтобы так выглядеть. Я не стала дальше спрашивать, но поняла по взгляду своего «коллеги», что он не восторге от такой жизни или же против такого жестокого общества как здесь.

Раненные мужчины не то, что не смотрели на меня, они отворачивали свои головы, во время какой-либо манипуляции. Иногда, казалось, что они даже не дышат.

А после того как я заходила на территорию арабского шейха, первым делом тормозила у входа, всматриваясь, вслушиваясь нет ли его там... за стеллажём. Убедившись, что я одна, сразу ложилась под простынь и пыталась уснуть, как можно быстрее. По моим подсчётам сейчас в районе шести часов. Это слишком рано для сна. Я по жизни сова и ложиться в час или два ночи для меня обыденное дело.

Одна я побыла не долго. Буквально через минут десять занесла женщина тазик с водой и, не сказав ни слова, вышла. Помня предыдущее моё купание, не решаюсь даже подходить к тазу, а так хочется ополоснуться или хотя бы сделать минимум гигиенических процедур. Мои мысли прерывает открывающаяся дверь.

– Молодец, помнишь мои слова, – говорит шейх, преодолевая расстояние до меня всего за три шага, которые были отчётливо слышны под его весом. Смотрит на меня сверху вниз, что? Это улыбка? Да, сам дьявол вселился в мужчину.

– В тазике есть ковш, ополоснись. От тебя несёт как от кобылы, – почему я такая дура и жду от этого недочеловека человеческого отношение? – Ну, мне долго ждать тебя? – Говорит грубым голосом, но спокойным. Скрещивает на груди свои руки, натягивается при этом его джалабия таким образом, что видны очертания мышц на груди.

– Ты не выйдешь? – спрашиваю всё также лежа под простыней и боясь выбраться под его пронизывающе-обжигающим взглядом. Стало внезапно жарко. Вот бы сейчас оказаться в том месте, где сейчас дождь.

– Видимо, не все слова запомнила. Женщина моется только в присутствии мужчины. Я буду здесь, у тебя время ограничено и оно пошло, – всё тем же грубым голосом, но он уже отдаёт хрипотцой.

Чёрт, ну сколько можно. Мысли скачут быстро, пытаюсь ухватиться хоть за одну здравомыслящую и приходит понимание, что наш с ним секс дело времени. Он будет. Дело лишь в его выдержке и его терпении. И мне нужно привыкнуть к шейху. Пускай моё привыкание и смирение к ситуации начнётся сейчас, когда он даёт время для этого.

Встаю с пола и иду к тазу с водой. Иман сел на стул так, чтобы я была прямо напротив него, широко расставив ноги, и всё также со скрещенными руками на груди. Не теряя

времени повернулась боком к нему и, сняв джалабию, опускаюсь в тазик. Бедная женщина, я бы не смогла его поднять, такая тяжесть. Понимаю теперь почему женщины преждевременно стареют.

Зачерпнув воды, поливаю на голову, решив, что не знаю тут распорядок купание и когда посчастливится ещё помыться. Вода такая божественная, прохладная, стекая по телу, образует прозрачные ручейки. Очень сильно не хватает душа. Могла больше часа простоять под ним, забывая о времени. Делаю всё максимально быстро, так как боюсь, что арабский шейх не сдержит свои слова и возьмёт силой. Беру мыло в руки и провожу по телу. После того как заканчиваю с процедурой, понимаю, что ни полотенца, ни чистой длинной рубахи нет, по-другому джалабию нельзя назвать. Не поднимаясь в полный рост, поворачиваю голову в сторону мужчины и встречаюсь взглядом, который может испепелить одним разом, всего за одну секунду. Стало ещё жарче, хотя вода стало прохладней. Во рту всё пересохло, не могу вымолвить из себя хоть слово, поэтому просто смотрю на лицо и на кой чёрт мои глаза опустились ему между ног. Явный бугор, который выпирает через штаны и рубаху свидетельствует о том, что он уже на пределе. Проглатываю слюну, её не хватает, чтобы увлажнить рот, поднимая глаза обладающему хорошей, здоровой эрекции.

– Поднимись, – слышу хриплый голос. Так и знала. Если буду сопротивляться, точно не сможет сдержаться от брыкающей добычи, которая борется за жизнь до последнего вздоха. А то, что буду бороться это точно. Не позволю. Нет, я так не хочу. Поднимаюсь в полный рост, но корпусом не поворачиваюсь, только повернута голова. Окидывает меня, при это продолжая сидеть, только грудная клетка и частые глубокие вдохи выдают его, если не брать в учёт его стоячий член.

– Повернись ко мне, – отдаёт приказы он всё тем же голосом, а я ему подчиняюсь. Он на грани, сжимает кулаки. Напрягаются его руки, которые открыты, открывая вид на тату. Я хочу прикрыться руками и он это понимает и в знак, что лучше этого не делать, он просто качает головой. Если я так ещё постою несколько минут мне полотенце и не понадобится, потому что и так всё высохнет. Под его взглядом температура тела поднялась точно на градус, чувствую как начинают щёки пылать. Никто ещё так не смотрел на меня, даже мой Никита. Он видел меня голой, но, чтобы просто смотреть и ничего не делать, доводить таким образом до невозвратной точки, такого точно никогда не было.

– Подойди, – очередной приказ. Я ему, что солдат? Злость поднимается из глубин, но я напоминаю себя, что – я никто для них. Вещь, игрушка, как они привыкли называть- шлюха и подстилка. Проглатываю неприятный ком, который уже образовался после моих мыслей. Подхожу и встаю в шаг от него.

Смотрит на мою грудь, акцентируя внимание на соске, который превратился в горошину ещё от прохладной воды. Продолжает свои исследования до лобка, уделяя вниманию и ему. При этом всё также сидя не подвижно. Перевожу взгляд на руки и все остальные секунды, минуты смотрю только на них. Замечаю, что он разжимает- сжимает кулаки, но не прикасается ко мне.

– Одежда справа от меня, – вздрагиваю после его реплики, потому что она прозвучала неожиданно и более громко. Перевожу взгляд на неё и думаю это и было разрешением одеться. Не думая, подхожу и одеваю как говориться «по-солдатски». Чтобы не слышать опять его приказов, сразу поворачиваюсь к нему и смотрю прямо в глаза, которые тоже устремлены на меня.

– Сейчас принесут ужин, ешь без меня, у меня дела, -встаёт и уходит.

Сделала всё как и сказал: покушала, легла спать, уснула довольно быстро.

– *Никита, не надо, малышку разбудить, – не унимается мой мужчина, лежа в кровати, положив свою руку мне на талию, слегка сжав её при этом.*

– Она спит, и мы будем тихо. Я так по тебе скучаю. Так хочу тебя поласкать язычком, так хочу тебя потрогать. У меня член стоит колом от этих слов, а если приступлю к действиям, так вообще кончу, едва в тебя войду.

Как можно вообще сопротивляется, когда только от хриплого голоса становишься влажной, уже не говоря о значении слов змея-искусителя. В это время рука Никиты опускается чуть ниже талии. Контраст с этой прохладной областью с горячей рукой мужчины вызывает табун мурашек и мой тихий стон, едва слышимый. Как можно отказать, когда такая прелюдия, после которой ты как растопленный воск, готовый принять любую форму в руках мастера своего дела. На всё согласна, лишь бы тебе помогли унять это чувство в низу живота.

Руки не перестают ласкать моё тело, одна рука ласкает грудь с соском, для меня – это самая не эrogenная зона, но Никите нравится их мять, сжимать и целовать. Вторая рука приспускает трусики с одного края бёдер, потом с другого края. Всё это тягуче-медленно. Оставшись полностью голой, ощущаю тяжесть мужского тела. Поцелуи горько-сладкие от шеи до груди. Не упускает ни одного миллиметра кожи. До дрожи. До мурашек. А мне так не терпится, чтобы он оказался уже между ног. Но спустившись к пупку, останавливается, поднимает голову, чтобы увидеть моё наслаждение. Хочет, чтобы попросила о большем. Не сейчас, хочу продлить это мгновение, поэтому откидываюсь на подушку, а горячие поцелуи-укусы продолжают покрывать район живота и бёдер. От такого контраста мурашки даже и не думают покидать моё тело. Но постепенно Никита поднимается снова к груди, при этом устроившись между моих широко разведённых ног, делая медленные поступательные движение, но не входит, потому что ещё сам в боксерах.

– Ах... прошу ... я не могу, – запускаю руку ему в волосы, надавливая сильнее. Смазки так много становится, что его боксеры становятся мокрыми от того что трутся об меня, надавливая ещё на клитор, принося мне нереальное наслаждение. Развожусь ещё сильнее ноги, но не закидываю их на бёдра, хочу максимальной близости тел.

– Как же мне нравится твоя грудь. Она великолепна, – после последнего слова, он слегка прикусывает сосок и надавливает своей эрекцией прямо на вход во влагалище. Не могу сдержать стана удовольствия.

– Ааххх.... Войди в меня....

– Нееет, не так быстро. Хочу тебя ещё попробовать на вкус, – но почему-то направляется в совершенно в другом направлении – шеи. Целует. Посасывает. Нежно кусает, оттягивая кожу, а следом проводит горячим языком, зализывая. Утыкается в основание шеи и слизывает с меня. Что? Но не успела мысль прийти, как он ложиться на бок, прижимаясь ко мне. Мурашки опять завладели моим телом, потому что стало зябко. Открываю глаза, поворачиваю голову, смотря непонимающим взглядом.

Ведёт рукой к промежности, входит сразу два пальца, опять целую меня в шею и тут что происходит странное, потому что Никита не курит. А тут улавливаю сладковатый запах.

Резко открываю глаза, не могу сфокусировать взгляд. Вижу перед собой стеллаж. Ощущаю руку на талии. Такая тяжелая. И тут голос...

– Я ещё ничего не сделал, за исключением твоей шеи, и уверен, что ты уже влажная, – говорит спокойным голосом, и я тут же со всей силой сдёргиваю его руку, которая легко поддается и натягиваю простыню на себя, вместе с тем садясь и, прижимаясь к стенке.

Этот чудовище забавляется мной, он доволен собой. Дура, о чём ты думала, когда соглашалась? Идиотка.

– Какой из тебя Арабский шейх, если ты не держишь своё слово, Господин? – Зло шиплю я. И в ту же секунду была схвачена за шею. Откидывает покрывало.

Он ничего не говорит, просто режет меня без ножа, а мне и так становится больно. Страх покрывает моё тело холодной коркой, на кончиках пальцев чувствую неприятное покалывание. Одной рукой он фиксирует мою шею, надавливая на неё, а другой резко вводит два пальца. Вцепилась ему в запястье, чтобы избавиться от омерзительного проникновения. Пытаюсь ослабить захват на шеи, но от этого он только сильнее ещё сжимает. Злость. Гнев. Звериный оскал.

– Не ценишь хорошего отношения... Да, Нунна, это было ещё хорошим отношением, – вынимает и резко опять входит пальцами на всё длину, от бывшего возбуждения, которое было во сне не осталось и следа. Мне больно. Трение приносит дискомфорт, рефлекторно мышцы сжимаются, принося ещё больше боли.

– Кто ты такая, чтобы я держал своё слово перед тобой? Ты никто. Шлюха, моя подстилка, моя вещь. Запомни это, иначе я выжгу это на твоём теле, чтобы смотря на этот участок кожи, ты всегда помнила об этом и прежде чем, чтобы что-то сказать – думала, – он сделает это. Замираю. Инстинкт самосохранения поднялся на столько, что просто леденею от ужаса и смотрю прямо на него. Он тоже ничего не делает, но пальцы из меня свои не вытащил, а я всё также держу его запястье, оставляя на его коже багровые полумесяцы. Не знаю, что мне сделать или что мне сказать. Закрываю глаза, а открыв их, убираю свои руки от него и сладу их по обе стороны от себя.

– Умница, Нунна. Поняла, что никто и пора смириться, – после сказанного он вынимает свои пальцы и обтирает их об мою рубаху.

После, подхватив со стула джалибаю, выходит. Этой ночью он не приходил.

Ему нужна была моя покорность и моё понимание, что моя жизнь и моё тело в его руках. Пусть будет так, но не моя душа. Её я не отдам. Уснуть получилось только под утро.

Глава 16

Утром второго дня в помещении затащили на носилках мужчину, весь в гематомах, ссадинах, в кроваво-грязной одежде, где-то порванная. Ибрагим сразу же подошёл к «гостям», оставляя незаконченную манипуляцию на меня. К нему не раз уже приходили, но старалась не поднимать не то что глаза, а голову. Но сейчас судя по тому, что народу у входа скопилось много, шестое чувство мне подсказывает, что что-то с этим мужчиной не так. Сквозь негромкий разговор, можно уловить только обрывки фраз.

– ... он нужен живой... делай что хочешь. Допроса не было...

– Я говорил Господину ибн Сахиму, что нужно было сразу ко мне...

– Старый, делай что велено... Сегодня Господин будет отсутствовать... – после этих слов я ничего не могла услышать, потому что радость захлестнула меня, лишая слуха. Улыбка сама лезет на лицо, но я тут же её прячу, беря контроль над эмоциями. Настроение определённо стало подниматься. Настолько погрузилась в свои мысли, что не заметила, как мужчину уложили по левую сторону от двери. По ту сторону остались стоять два караульных, чтобы не сбежал что ли?

– Ты не подходи к нему. Я сам им займусь, – Ибрагим ко мне не обращается по имени и по прозвищу, которое придумал чудовище. Мне очень повезло, что такой человек оказался на моём жизненном пути, тем более в таком месте, как это. Он как светлый лучик, который помогает не упасть, не в пасть уныние. Даёт надежду, что не все такие. Не даёт забыть, что такое человечность. А мне так не хватает её, доброты, сострадания. Элементарных базовых качеств, которые присущи каждому человеку.

Как и было велено, к мужчине я не подходила, за исключением, когда нужно было помочь зашить рану. Но реакция была странной на меня.

– Она? – Вот, что он сказал, когда была рядом. Только я никогда с ним не пересекалась. И знать друг друга мы не могли. Не сильно акцентируя на этом внимание, продолжила дальше нарезать тряпки для промывки и перевязки.

Больше я не подходила к тому мужчине. День прошёл незаметно. Как и было положено в одно и то же время, приходил мой конвоир и отводил в "хозяйские апартаменты". А вспомнив, что его не будет, моё настроение поднимается до критической точки, учитывая где я и в каком положении нахожусь.

Ночь была тревожной. Сначала я не могла уснуть, но вскоре провалилась в беспокойную карусель сна. Ворочилась, просыпалась и так несколько раз за ночь. Единственное, что запомнила, это то, что увидела свою девочку во сне.

Стоит мне только подумать о ней, как скапливается влажность в уголках глаз, как начинает щипать нос, как образуется тяжелый ком в горле, который долго не даёт вдохнуть полной грудью, от чего дышать становится труднее. Невозможно описать те чувства, которые испытываю при воспоминании о семье. Грудь сжимается с такой силой, словно её сдавили в тисках. Ощущается физическая боль, которая пульсирует глубоко внутри. Давит. Раздавливает грудину. Сколько я ещё продержусь? Только сам Бог знает. Потому что держать глубоко внутри свою боль становится с каждым разом всё сложнее, а то что она выберется наружу, это только вопрос времени.

– Маама. Мама... – проносятся отголоски сна, в котором моё солнышко звало меня, раскрывая свои тёплые ручки для объятий. Именно на том моменте я проснулась и больше не смогла сомкнуть глаз. Настроение ушло в минус, не помню как перекусила, не помню дорогу до своей, так называемой работы. Ибрагим видя моё подавленное состояние, старался давать

указания, в которых бы погрузилась в работу с головой. Он уже понял, что любимому делу отдаюсь всецело.

Ближе к обеду пришёл какой-то мужчина, спросил у Ибрагима про самочувствие пленного. Диалога не слышала, но спустя время возле того самого больного уже стояли человека три. Чтобы не привлекать внимание, я уселась в дальний угол, занявшись привычным делом, стараясь абстрагироваться от ситуации. Тем меньше буду знать, тем лучше для моей расшатанной психики.

Стало как-то напряженно, воздух таким осязаемым становится, возникает такое ощущение, что вытянув руку, можно его потрогать. Приходит понимание- он здесь. У человека настолько сильная аура, что ощущается всеми фибрами души. Не поворачиваю голову, продолжая заниматься своим делом. На таком расстоянии невозможно понять их разговора, хотя я и не пытаюсь, но несколько реплик до меня всё же долетают.

– Был приказ, – говорит лежащий, закашлявшись.

– Я пришлю тебя по частям, – эти слова сказаны не мне, но становится страшно мне. Очень страшно. Неприятное чувство возникает в желудке.

– Перед тобой бежит предатель, а ты даже и не видишь, думая своей головкой, – хлиловатый смех вперемешку с кашлем, который долгие секунды одолевает мужчину. Звук удара и стон. Харкает на пол.

– Да, твоя... подстилки. Я о ней. Уже все... в курсе, новости быстро по ветру нашему ... разлетаются. Она была ... от Асада, – мужчина говорит с остановками, постоянно кашляя. От его последних слов, мой живот сворачивается в тугой болючий комок. Крупная дрожь проходит по всему телу, я даже вздрагиваю от этого. Тихо. Слишком тихо стало.

– Встань, – как гром. Резко, громко. Встаю, поднимаю глаза, встречаясь с чёрным морем, которое меня обещает долгую и мучительную смерть. Стоит в метре от меня, глубоко дышит, кулаки сжаты, ноздри раздуваются, как у буйвола перед схваткой.

– Я его не знаю, в первый раз слышу. Это какая-то ошибка, – слова вылетают, как из автомата. Но начинается только сильней злиться от этого.

Спустя секунду, я понимаю, что допустила ошибку, потому что это выглядит как оправдание. А как себя вести и что нужно говорить, чтобы он поверил? Чтобы это не выглядело как оправдание? Интуитивно, отступаю назад, но некуда, если сяду на стул станет ещё страшнее. Как коршун будет нависать надо мной, и стоит только мне сделать неверное движение, как хищник тут же устремится на свою добычу. Иду правее, но через шаг стена. Стук сердце даже в ушах отдаёт.

– Ты лживая грязь, – говорит обманчиво- холодным тоном. Этим тоном можно воду в лёд превращать. Я не знаю, что мне сказать. Он уже сделал выводы. И не в мою пользу. – Что? Больше нечего сказать? – Ком в горле подступает. От страха всё сжимается. Молчу, потому что всё будет использоваться против меня. Ничего и никого кроме себя и зверя не замечаю, который хочет моей боли. Не замечаю, как Ибрагим мельтешит над тем мужчиной, который меня обрёл на смерть. Что это было? Это какое-то недоразумение. Я ни с кем не встречалась. Мысли проносятся в голове, но язык онемел и прилип к нёбу.

– Мне даже противно от тебя руки марать, – столько ненависти в глазах. Приближается ко мне, но близко всё равно не подходит. Ударит, убьёт. «Я ведь ничего не сделала», – кричу я, но меня никто не слышит, потому что этот крик только в голове. – За это ты будешь страдать, это я тебе обещаю.

Поворачивается полу-боком к своим людям.

– К столбу её, на ночь в яму, утром казнить, – отдаёт чёткие указания. Это как будто не со мной происходит. Может это всё же затянувшийся сон, который не хочет меня отпускать.

Вот так закончится моя жизнь? Поворачивает голову на меня, но взгляд изменился, там звериная полуулыбка, которая предвещает мне все муки ада. Зажимаю рот рукой, содержимое

желудка подступает к горлу. Выхожу из оцепенения и могу сфокусировать взгляд не только на чудовище, которое отошло на несколько шагов назад, но и на боли в плече.

– Это не я. Я ничего не делала, – кое-как шевелю языком, пытаюсь хоть что-то сказать. Но из-за страха, который полностью меня захватил, я теряюсь и дальше события проходит сквозь меня. Я как будто наблюдатель. Слез нет, до меня ещё не дошло, что произошло и что произойдёт. Чуть позже придёт осознание. Видимо, это защитная реакция организма.

Боль в плече усиливается, мне что-то кто-то говорит, но я только слышу некоторые слова, потому что начинает поступать паника.

– Шевели, шлюха ...

– Твой ад начнётся ночью, когда тебе будет трахать несколько мужчин. Потом скажешь какая разница между настоящими мужчина и со своими ... русскими сосунками, -солнце нещадно слепит. Смотрю на него огромными глазами. Остановив и развернув к себе лицом, обдаёт неприятным запахом изо рта. Огромная борода, это всё, что я успела заметить, прежде чем прислонить руку ко рту, чтобы не стошнить прямо на него, но это сильнее меня. Поворачиваюсь в сторону, очищаю желудок от недавнего лёгкого перекуса.

– Сука... Только попробуй меня испачкать блевотиной, будешь языком вычищать своё дерьмо, – как только отпускает меня, я падаю на колени и опустошаю желудок до болевых спазмов, которые не могут прекратиться. Вытираю рот рукой и в ту же секунду меня дёргают вверх. Издаю тихий стон, потому что невозможно терпеть боль в плече. Сильная ноющая боль... но это только начало.

– Пошла...

Я ничего не говорю, нет смысла. Они получили приказ и им доставляет удовольствие причинять боль, калечить людей, насиловать женщин. Мне никто не поможет. Меня никто не спасёт. Чтобы облегчить дискомфорт в плече, стараюсь не отставать. Он больше ничего не говорит. Сзади кто-то идёт, они тоже оставляют свои грязные высказывания, не скрывая своей ненависти и своих желаний, что бы они сделали со мной.

Мы приходим на ту самую площадь, на которой не так давно было публичное наказание женщин. Как изменчива жизнь, как раз есть возможность всё испытать на своей шкуре. И унижение это меньшее, что я буду испытывать в ближайшее время.

Подойдя к помосту, резко разворачивает к себе, сдирает с головы куфию, бросает под ноги. Сплюнув прямо на вещь, он дергает меня, чтобы поднялась. Связывает руки, болезненным узлом, который с большой вероятностью опять натрёт кожу до мяса. Опускаю голову.

– Смотри на меня, – приказывает мне с издёвкой. Не сопротивляюсь, не хочу боли, а то что он меня ударит за неповиновение... по нему и видно, что он только этого и жаждет. – Я буду первым, кто сегодня придёт к тебе в яму, – обдав смрадным дыханием, уходит. Начинаю дышать часто, чтобы заглушить рвотные позывы, которые возобновляются.

Глава 17

Солнце палило нещадно, я потерялась во времени. Начала личного Ада в самом разгаре. Пот стекает ручьём, приносит облегчение ветер – обдувает мою вспотевшую одежду. Ужасно хочется пить, во рту пустыня Сахара. Смотрю вперед, пытаюсь сфокусировать взгляд, но из-за такой жары это плохо удаётся. В глазах всё плывёт, сливаясь в одно целое. Замечаю жителей деревни, которые не могут не пройти мимо и не бросить в меня колкой фразой или камнем. Славу Богу, камни маленького размера и они не целятся в голову. Пытаюсь промочить горло, но уже нечем, от этого горло дерёт. Губы сухие, начали трескаться, мне это только на руку, потому что выступившей кровью, пытаюсь увлажнить рот. Голову печёт. Она так горит, как будто я – само пламя, от этого пульсирует в висках, оглушая биением собственного сердце. Этот урод снял головной убор, видимо, здесь практикуют такой вид наказания. Это так выматывает, что несколько раз я проваливалась в беспокойную дремоту, пытаюсь хоть так дать организму отдохнуть. Правда, это громко сказано, правильно будет сказать – маленький перекур.

Меня разбудил громкий разговор, стоявших рядом людей. Приоткрыв слегка глаза, я увидела сначала силуэты. Руки затекли, онемели. Слегка дернувшись, попыталась дать движение кровообращению и тут же скривилась от неприятных иголок, которые одолели мои конечности. Сомкнула губы в тонкую линию, глотая тихий стон боли. Морщусь, даже глаза не тереть, делаю вторую попытку протираю об большую рубаху и не сразу получается, но вскоре выходит рассмотреть зрителей, которые пришли поглумиться.

– Получила, дрянь, такая, – шипит женщина, пытаюсь ядом выжить всё живое рядом с собой. Такие злые. Вглядываюсь, пытаюсь вспомнить, но с трудом, всё же удаётся. Я её видела. Её глаза, они также смотрели. Это она мне камнем рассекла висок. И её высекали на этом же помосте не так давно.

– Скоро твоя боль будет хуже, чем сейчас. Получишь по заслугам, подстилка Асадовская, – даже, если бы я смогла что-нибудь сказать, я ни стала бы этого делать. Она хуже, чем «сильная половина»(подразумеваются мужчины) этой деревни. Как легко здесь оболгать человека. Думаю, я не первая жертва обмана и лжи. Я ведь ничего не делала. Ни хочу умирать. Даже слёз нет, в глазах боль, от зноя, от песка, песчинки которого попадая в глаза, приносят жжение и боль. Голова раскалывается. Закрываю глаза и поворачиваю голову в другую сторону, чтобы не видеть полтора метра злости, которое не удовлетворено своей жизнью, пытаюсь испортить её другим. Дай только раненную добычу ей под ноги, и она тут же растерзает, вгрызётся в мягкую плоть, разрывая на куски и получая удовольствие от боли, потешая своё самолюбие, свою ненависть.

– Пойдём, хватит с неё, – говорит другая, но я уже не смотрю на них.

– Запомни: я буду первая и последняя, – после этих слов, сплюнув под помост, они разворачиваются, громко обсуждая меня, но я не вслушиваюсь в разговор. Есть другое занятие, более важное.

«... казнить...» – последние, что он сказал перед тем как меня повели к началу пути страданий.

Вот так просто, кто-то что-то сказал и всё. Даже не будет разговора, расспросов? Но доказать, что это не я – не смогу. У него есть только слова того пленного и то думаю, что и его уже нет в живых. В памяти всплывают картинки недавнего прошлого. Как Ибрагим зажимает тряпкой рану, которую мы вчера только зашили. Он не выживет. И так потерял много крови. Но то, что он обрёл человека на незаслуженное наказание, а потом и казнь, мне не жаль его. Он мог обознаться. Тем более в таком состоянии, в котором он был – это скорее всего так и было. Всё могло быть по-другому, если бы я не была в том месте, не помогала. Дура. Ты сама виновата,

Надя. Только ты. Сама напросилась, теперь получай наказание. Если бы я могла разрыдаться, так бы и сделала. Нервы как натянутая тетива, звенят при малейшем прикосновении. А мои нервы вытянули из меня, обнажили их... и скручивают. Скручивают, будто проверяют сколько протяну. А я уже не могу... и это только начало. Всё -таки, я- слабачка. Был бы он рядом, умоляла, чтобы выслушал, чтобы проверил эти слова, ползала бы на коленях, чтобы только поверил, чтобы только проверил информацию. Никто не знает, как поведёт психика и нервная система человека, находившегося в стрессовой ситуации. У каждого реакция разная и, сейчас я забываю о гордости. Остались только жалость и сожаление.

ЖИТЬ. Любой ценой, я хочу сохранить себе жизнь, мне есть ради кого это делать. Вот, за что я цепляюсь.

Устала думать, устала анализировать, вспоминать слова. Дикари. Животные. Чувства одолевают с невероятной скоростью, сменяя одни на другие. Боль-жалость-сожаление-злость-ненависть, и всё снова по кругу. С последним чувством намного легче. Боль не так ощущается, она не так разрывает моё сердце на куски, но это не видимая боль, которая скрыта от глаз, которая глубоко внутри, которая практически не заживает, постоянно кровоточит при воспоминаниях. Наружную боль мы видим. Красная кожа, хотя я стараюсь укрываться джалабией, но лицо, руки и стопы больше всего пострадали. Красные борозды от тугой верёвке на запястьях. Всё тело одеревенело.

Я-человек. У меня есть жизнь. У меня есть семья, а она даже и не подозревает, что со мной случилось. Что я жива и что завтра утром моя жизнь прервётся. Мама... Как же хочется кинуться в твои тёплые объятия, чтобы ты согрела меня и залечила мои невидимые раны, своим любящим материнским сердцем.

Ева. Чтобы как-то спасти свой воспалившийся мозг и не думать о боли, которая всё равно прорывается, как бы я не старалась заглушить её ненавистью, пытаюсь уйти в воспоминания. Вспоминаю моменты, нашей дружной семьи. Тогда ещё был с нами Никита.

– Нам уже пора, Милая. Ты скоро? Сколько можно собираться? – Ворчит Никита, стоя в прихожей с нашей крохой, которой всего несколько недель от роду.

– Да, всё уже. Не даёшь нормально собраться, – пытаюсь отстоять свою правоту.

– Мы выходим, ждём на улице тебя.

В тот день мы собирались в гости к моим родителям. Они в первый раз увидят нашу девочку. Нам предстояла длительная дорога и поэтому нужно постараться ничего не забыть, как это бывает у меня. У Никиты отпуск, и мы собирались провести его у родителей в посёлке.

Время в отпуске пролетело незаметно, моя мама не могла наняничиться с внучкой, но никто и предположить не мог, чем закончится наша поездка. Обратная дорога нам обернулась катастрофой. Мы попали в аварию. Никита погиб на месте, я отделалась переломом руки, когда укрывала собой ребёнка, руку сильно зажало. Еву не зацепило и это чудо, как сообщил врач скорой помощи.

После всего случившегося, мы переехали в дом к родителям, я устроилась после того как Еву отдала в садик, медсестрой в местную больницу. Не знаю почему именно это вспомнилось мне. Момент, когда мой мужчина оставил меня.

Моргнув несколько раз, выныривая из воспоминания в жестокую реальность, стала замечать, что садиться солнце, значит, скоро моя дислокация поменяется на яму.

Дышу через раз, становится тяжело делать вдохи. От движений, тело простреливает острыми иглами.

Секунды, минуты, часы, не знаю сколько прошло времени, как ко мне начали приближаться несколько мужчин. Начинается вторая ступень боли и страданий.

– Ну что готова, сука? – солнце зашло за строение и стало лучше видно. Такого пекла уже нет и не спит как днём, но из-за того, что глаза красные видно плохо. Да и нет желание

рассматривать этих животных. Опускаю голову к ногам, но моё действие не нравится и меня грубо дёргают за волосы, запрокидывая голову назад, заставляя держать взгляд, потому что не было велено его отпускать. – Я долго буду ждать или тебе повторить, шлюха? – Натягивает ещё сильнее, но я даже губы не могу разлепить, не то, что сказать. Получается не с первого раза, но вскоре издаю какой-то шелест звуков, только поймёт ли он меня?

– Я не виновата... Пожа...луйста, позови..те Има.. Гос..по..дина, – не могу договорить имя полностью, уверена, за такое я получу сразу по лицу. Не узнаю свой голос. Горло дерёт. Хочу закашлять, но не выходит.

– У него есть более важные дела, чем разговор с Асадовской подстилкой. Тебе лучше заткнуться и не открывать свой поганый рот, иначе трахнем прямо здесь.

Грубо развязав верёвки и вздёгнув на вверх, поставил меня на ноги, которые, совершенно, не держат, и я падаю к ногам ещё одного чудовища. Они все для меня чудовища. И я становлюсь такой же как они. Постепенно. День за днём, я чувствую как меня внутри ломает. Как что-то сначала ломается, а следом умирает. И чем больше я испытываю боли, тем быстрее проходит трансформация.

– Да, запоминай эту позу, потому что твой рот, я тоже хочу трахнуть, – возвышается надо мной, но уже не делает попыток меня поднять. Пытаюсь сама подняться, но выходит с трудом и не с первого раза. Сжав челюсти и размяв кисти рук, не решаю поднять взгляд, жду дальнейших указаний. Ни хочу видеть их рожи.

Дорогу до ямы, я хорошо запомнила, потому что меня уже не вели, а шла сама, постоянно падая и быстро вставая от страха новой боли, которую могли мне причинить те животные, которые шли следом за мной, не прекращая подгонять меня и комментируя каждый мой шаг. А ещё от напряжение всего тела, от смертельной усталость, от ломоты в теле.

Мы выходим за пределы шалашей, но нежилые здания ещё здесь имеются, расположенные квадратом. Насчитываю три вырытые ямы.

– Сама или тебе помощь? – говорит всё тот же, смеясь, когда мы приблизились к одной из них. Ничего не ответив, сажусь на землю, свесив ноги, спрыгиваю в яму. Падаю на колени, чуть не встретившись носом с землёй, если бы не выставила во вовремя руки. Она оказалась не такой глубокой какой я себе представляла. Где-то два метра в длину, метр в ширину и чуть больше полтора метра в глубину.

– Шустрая какая. У меня уже член колом стоит. Поскорее ночь, выдеру тебя так, будешь вспомнить меня перед смертью.

Прислоняюсь спиной к земле, долгожданная прохлада. В ушах шумит. Что-то рядом упало. Открываю глаза, вижу рядом с ногой ёмкость с водой. Это ведь она? Тут же хватаю и присасываюсь к долгожданной жидкости. Божее... Спасательная, прохладная, вкусная.

– Оо.. смотри как присосалась, надеюсь к члену такое же будет отношение, – просто слушаю, но не вслушиваюсь, делая большие глотки, пронося горлу такое долгожданное облегчение.

– Научим. Идём, брат, есть ещё задание. До встречи, лживая сука, – сказав последние, слышу уходящие шаги.

Я опустошена, раздавлена, высушена до дна.

Оставив в ёмкости воды для глаз, я занимаюсь промыванием. Стало намного легче.

Мурашки бегут по телу, видимо, температура поднялась, а сейчас от соприкосновения с прохладной землёй меня начинает бить мелкая дрожь. Сажусь на землю, устремляя свой взгляд в пустоту.

Ночь вступила в свои права. Такая звёздная сегодня, очень красиво, запрокинув голову, разглядываю созвездия, которые с большим трудом удаётся разглядеть.

Шея затекает, и я опускаю взгляд на землистую стену напротив. Мыслей нет, до сих пор до меня ещё не дошло, что это мои последние часы. После того как попала сюда, страх сковал меня, ожидая прихода этих дикарей, но никого не было. Слышала голоса, которые доносились не так далеко от меня, но поднявшись в первый раз, чтобы посмотреть, поняла, что они не собираться ко мне подходить, держатся на небольшом расстоянии от меня. Это другие, не те. Облегченно выдохнув, присела обратно. Кости ломит, голова болит, но не так сильно, как было днём.

До меня всегда доходит не сразу в стрессовой ситуации, осознание приходит потом, что произошло. Когда погиб Никита, поняла, что я больше его не увижу, что больше не обниму и не разбуду поцелуем, спустя неделю. Меня накрыло с головой. Молоко пропало, и Ева перешла на молочную смесь. Грудь сохранила свою упругость, поэтому даже и не скажешь, что кормила грудью.

В голове проносится, что ... не слышно переговоров церберов. Страх подступает, сердце с каждой секундой начинает биться сильнее, отдавая в голову ударами, словно наковальня. Замираю, как перед забегом. Смертельная тишина. Поднимаюсь и направляю взгляд на стоявших неподалёку мужчин, которых сейчас нет. Странно. Но стоит мне повернуться обратно как встречаюсь с убийственным взглядом, которые гипнотизируют. Инстинкты самосохранения на критическом уровне, дают сигналы об опасности. Но куда бежать? Отступаю назад, почувствовав спиной холод, который исходит сырой землёй. Стоит напротив меня, его энергетика уже давит, уже прогибает, заставляет повиноваться и смириться. Да, это случится сегодня, сейчас и для своей же безопасности лучше смириться с предстоящей участью. Постараться отключить мозг и уйти глубоко в себя, потому что мне никто не поможет, и он уже не остановится.

– Что ты со мной сделала? – говорит мёртвым голосом, чувствуется усталость.

– Ничего... – тут же слетает с губ. Во мне зарождается маленькая надежда.

– Я тебя предупреждал, что не прощаю ложь и что за это у нас отрезают языки, но для тебя есть другое наказание, поэтому я не стану этого делать. Хочу слышать твои крики. А будут они от боли или наслаждения мне плевать.

– Я ничего не делала и никакого Асада не знаю. Это какая-то ошибка.

– Тебя узнали и ты ещё смеешь открывать свой лживый рот? Хочу тебя трахнуть, хочу понять, стоило ли то время, которое тебе... я дал. И я не смею больше ждать, – тон холодный, но на одну октаву выше. Эмоции выходят, контроль трещит по швам. Моим псевдопредательством, он развязал себе руки. – Он тебя трахал?

Ничего не успела сказать, он уже оказался рядом, резко схватив меня и повернув к себе спиной, вжимает в землю, больно прижимая грудью, оттого воздух весь ушёл из лёгких.

– Нет, пожалуйста, не надо. Я ничего не делала, я его даже не знаю, – прошу его, опираясь руками, чтобы развернуться, но это не в моих силах. Зверь добрался до добычи, до свежего мяса, которого так жаждал.

– Пожалуйста, я прошу, не надо. Поверь мне, – но он не слышит. Больно сминает бёдра, переходя болезненными прикосновениями к груди, своими грубыми, мозолистыми руками. Шиплю. Дёргаюсь в его крепком захвате, но ему, видимо, надоели трепыхания бабочки. Приблизившись ещё плотнее, ощущаю эрекцию, которая упирается мне в спину. Слышу его грудное глубокое дыхание, оно обжигает кожу на затылке и шеи.

Чувствую неприятное надавливание на плече, хочет взять как племенную кобылу, сопротивляюсь, что есть силы, но спустя пару секунд, резко давит на недавно образовавшуюся гематому, от чего я вскрикиваю и пытаюсь убраться с болезненного места.

Движение и я уже в коленно-локтевой позе, больно ударяюсь локтем, счесав его до ссадины.

– Иман, не надо. Я говорю правду, – делаю последнюю попытку, задыхаюсь слезами, которые только сейчас замечаю. Вверх от джалабии уже на моей спине, замаявшись заминкой, когда

он развязывает шаровары, вынимает свой готовый член для пытки, я подрываюсь и извернувшись, оперев руки за спину, ударяю ногой. Не знаю, чего я ожидала от этого, но последствия я ощущаю сразу. Смотрит убийственными глазами, грудь взывается, увеличиваясь в размерах. Что сделает со мной арабский шейх за мою выводку? За мою попытку спастись от ... изнасилования.

Дальше всё происходит быстро, максимально резко. Я открыла дверь из ада для сатаны.

Рыкнув, переворачивает снова, зафиксировав мои руки за спиной, надавливает, чтобы уткнулась лицом в землю. Чувствую грубые пальцы на бедрах, грубо сжимает и раскрывает для себя. Ужас сковал меня, замерла, как кролик перед волком, который загнал своё мясо в ловушку.

Пристраивает свой член к входу и пытается протолкнуть внутрь, но там всё сухо и ничего не получается. Сжав бёдра до боли, делает ещё одну попытку, но я уже не могу сдержать хрипы боли. Молю остановится.

– Открой рот, – не поняв, что сказал, ощущая пальцы, которые проталкиваются в мой рот. Размазывает слюной мою промежность и резко входит, вырывая мой крик страданий. Дёргаюсь, чтобы освободиться от этой пытки, но пальцы ещё сильнее вонзаются в мою кожу. Рычит, выдыхая громко воздух из стиснувших зубов.

– Нунна, какая ты узкая... – чудовище что-то говорит, но боль меня сковала, не давая сделать вдоха. Хочу умереть. Хочу сдохнуть, потому что не могу это терпеть, а это только начало.

– Сука, не сжимай меня, – мышцы сжимаются сами, дабы избавиться от чужеродного органа, который как поршень входит и выходит, на невероятной скорости, больно ударяясь о мои бёдра, что я выставляю по обе стороны от лица руки, чтобы ещё и щёку себе не счесать.

Потеряла счёт времени, сколько эта пытка продолжалась я не знаю, горло осипло, глаза болят от бесконечных слёз, низ живота горит огнём и при малейшем вдохе приносит агонию, которая распространяется по телу, причиняя новые мучения. Я поняла, когда он кончил. Мои стенки влагалища были стёрты, а когда попала его сперма, вздрогнула как от кислоты, которую заливали мелкой струйкой, не останавливаясь. Сил не было. Взгляд устремлён в пустоту. Слышу звуки, но не могу их соединить в слова. Прикрываю глаза, чувствуя, как по щеке скатывается слеза, впитываясь в сырую землю, но я это уже не вижу, потому что наконец-таки проваливаюсь в такую долгожданную темноту, которая приносит мнимое облегчение.

Глава 18

Иман

Этому ублюдку стало хуже, пришлось его направить к Ибрагиму. Очень надеюсь на то, что он придёт в сознание, потому что мне нужна информация. Сука, если начну вытягивать информацию привычным мне способом, точно подойдет, а сейчас мне это не нужно. Он залог. Его брат – Хамиль уже дал о себе знать, встретившись с моими людьми. Думал, что ему дорога жизнь брата, но отправив шестёрок, дал понять, что это только обязательства перед семьёй, и если он здесь подойдет, сделает ответный шаг, только из чувства долга перед семьёй, мстя за брата.

– Брат, что будешь делать, если сука раньше времени подойдет? – Подойдя ко мне, спрашивает Камаль, устремляя свой взгляд в даль. Поворачивая голову в ту же сторону. Песчаные дюны... Сколько я живу на этой земле, проливая свою кровь и кровь своих братьев, защищая эти земли? Тридцать один год, а они всё равно меня завораживают. Они меня успокаивают, приводят мои мысли в порядок. Ещё в детстве это понял. И вот сейчас, вдохнув полной грудью песчаный воздух, который обжигает глотку, перевожу взгляд на Камалю. Сколько мы с ним знакомы? Я и не помню, мы были ещё детьми. Брат. Я ему доверяю как себе. Но...

– Не подойдет. А если и так, то на то воля Аллаха. Правда выяснится. Вопрос времени, – говорю на выдохе.

– Брат, ты помнишь, что я через пару дней уезжаю в город.

– Да. Я тебе позже скажу, что ты там сделаешь.

– А ты не едешь? – спрашивает. Возьму Ведьму собой домой. Нужно здесь некоторые вопросы решить.

– Нет, – говорю, ставя в нашем разговоре точку. Он уходит, а меня затягивает воронка недавнего прошлого. Ночь.

Хоть и сказал, что ничего не будет, но не смог устоять перед соблазном. Девичье тело так манило. Кожу на ладони начало покалывать от предвкушения. Член уже в полу-боевой готовности, от одной только мысли, что сейчас я притронусь к её коже, пройду по женским изгибам, которые притягивают взгляд, заставляя плавиться мой мозг от нарисовавшихся моим воспалённым сознанием картин.

Притягиваю такое желанное тело к себе, ложась на бок. Прохожу большой пятернёй по молочной коже. Очень медленно. Дыхание становится чаще, сжимаю грудь. Маленькая. Мини-атюрная. Идеальная для её тела. Для меня. Так и тянет припасть к соскам, которые скрыты одеждой. Острые соски торчат, призывно маня. Скоро, я возьму тебя, Нунна. Очень скоро, хоть и обещал, но это так сложно. Сука. Отравила меня, смертельным ядом. Ведьма. Только она на это способна, иначе я не могу описать то состояния, в котором нахожусь. Те эмоции, которые она вызывает во мне.

Вдыхаю запах и не могу остановиться. Как зверь, которому нравится запах понравившейся самки. Добираюсь до плоского живота, веду руку на талию, слегка сжав. Изменяется дыхание, ей нравится, что я делаю. Возвращаюсь к груди, от которой невозможно оторваться, утыкаюсь в изгиб шеи в желание заклеить, оставить свой след. Секунда и встречаюсь с голубым взглядом, который гипнотизирует. Ещё одна секунда и она уже укутывается в простыню, но туман уступает моему сознанию, и я вспоминаю, что услышал имя Никита или мне показалось?

– Господин, Ваш конь готов, – выдёргивают меня из воспоминаний, хорошо, что на этом моменте. Говоривший сразу удаляться.

Подойдя к своему скакуну, глажу, даря ласку верному другу. Породистый, одинокий. Никто не мог его оседлать. Были случаи, когда копытами забивал до смерти. В тот день он

должен был пойти на праздничный ужин, Аллах распорядился так, что мы встретились утром. Я смог. Сразу меня принял. Ещё долго подставлял свою морду к моей ладони. В чём отличие людей от животных? Последние верны до конца. Никого, кроме меня не подпускает к себе.

Я ошибся. Хамиль потребовал встречу со мной. Мне даже интересно, что он мне предложит за жизнь брата, хотя мы оба знаем, что пленных обычно возвращают мёртвыми. Со мной мои верные войны. Нужно всегда быть начеку. Тем более с такой падалью нужно быть осторожным, потому что нож может прилететь с любой стороны. У этого человека нет ничего святого: ни принципов, ни чести, ни мужского слова. Видимо, пошёл в своего отца. Асада.

Галопом добрался быстро. К вечеру уже был на месте. Как я и думал верить этой суке нельзя. Численность превышает в два раза. Зброшенное здание на границы с моей землёй. На счёт предательства с их стороны, Камаль получил чёткие указания, отправив его раньше, чем планировалось, для регулирования некоторых вопросов.

– Отец сам хотел, но ему не здоровится, – зайдя в помещение без дверей, через пару секунд прилетают слова слева. Стол напротив окна, два стула. Больше в этой стороне ничего нет. Сидит откинувшись на стуле, повернувшись ко мне.

Мне нет разницы с кем вести разговор. Что отец, что сын.

– Что ты хотел? – Задаю вопрос после того как сел на стул.

– У тебя мой брат, хоть и не кровный, но мы друг за друга горой. И ты спрашиваешь, что я хотел? – Ложь. Я её чувствую. Ему плевать на своего брата.

– Он напал первым, по указке твоего отца и позволил себя взять в плен. В моём праве отдавать его по кусочкам, пока вы его полностью не соберёте и только после этого ...сможете захоронить как положено, – говорю спокойным тоном. Мы не придём к соглашению. Не нужно было сюда приходить. Такое ощущение, что меня хотят отвлечь. Оно где-то глубоко внутри. Это чувство начинает шевелиться, словно червь, принося дискомфорт.

– Можно было прийти к соглашению, но ты не хочешь отдавать те земли..., – замолкает на несколько секунд, – на выходных всем нам условиях, – встаю, потому что убеждаюсь второй раз, что что-то не то. Как отвлекающий момент.

– Верни моего брата живым, Иман. Он важен, -встаёт напротив меня.

– Если был бы важен, ты бы не отправил его как пушечное мясо на бойню.

– Информация на жизнь твоего брата. Кто? Кто доносит?

Смех. Как я и думал. Ему плевать на него.

– Не такие мы и с ним и близкие... Да и я могу указать на кого угодно.

– Можешь, но не станешь. Ты дашь слово будущего шейха, – лицо меняется, весёлость разом пропадает. Глаза цепкие, колючие. На меня они не действуют.

– Оооо.... Как мы заговорили. Слово... Будущего шейха... – Молчу, вглядываясь в глаза. Сканируя каждую эмоцию.

– Так ведь не интересно. Хочу видеть твоё лицо, когда ты узнаешь правду... Так что нет. Своего брата я похоронил, когда он попал в плен. Он уже мёртв и мы оба это знаем.

Он может говорить что угодно лишь бы я повёлся. Лишь бы пошёл у него на поводу. Я знаю это схему. Твари только так и делают.

– Ты прав, вернул бы мёртвого.

Разворачиваюсь, в желание выйти на свежий воздух, вдохнуть полной грудью и очистить свои лёгкие от гнили, которая несёт от этой падали.

Мне в спину прилетают слова, но снова эта провокация.

– Что в ней такого? Зная тебя...

Никто не сможет мной манипулировать, никто не будет таким способом выводить меня на эмоции, которых нет. Кроме... Ведьмы. Она может. Ничего не ответив, выхожу спокойным шагом.

Следующий день.

Вернувшись в деревню ближе к обеду, сообщают, что Замин пришёл в себя. Нужна эта крыса, которая слила информацию о нашем местонахождении. Три деревни, в которых мы обычно останавливаемся на длительный срок. Быстро отдав приказ о коне, я направляюсь к Ибрагиму. Зайдя в помещение, направляюсь без промедления к труп, которого Аллах ещё держит на этой Земле.

– Замин, скажи сам, – возвышаюсь над лежащим.

– Не знаю...был приказ, – говорит с остановками. Тяжело ему. Но к этой суке ни сострадания, ни жалости не испытываю. Пустота. Мне нужно только информация.

– Если ты не скажешь, добуду информацию привычным мне способом. Прежде тебя подлатает мой человек, чтобы... дольше продержался. И в итоге, я отправлю тебя по частям, – последнее говорю громче, мне надоедает этот разговор. Он тянет время. Знает, что ему не долго осталось. Чувствует, что жизнь висит на волоске.

– Перед тобой ... бегают предатель, а ты и не видишь, ... думая своей головкой. Так хороша что ли ... эта сучка, что приручила такого зверя ... как ты. Как только смогла, – ему всё сложнее всё говорить, но этому смертнику смешно, что ж ... Я бы ему даровал быструю смерть, но... Приподняв, прямой удар. Сплёвывает на пол.

– Да, твоя... подстилка. Я о ней. Уже все...в курсе, новости быстро по ветру нашему ...распространяются. Она была ... от Асада. Видел её краем глаза, когда... была встреча. Больше... ничего не скажу, – после этого он и не сможет. Открылось кровотечение, изо рта побежала кровь тонкой струйкой.

Да, твоя... подстилка.

... От Асада.

... была встреча.

Слова бьют набатом, затмевая мой мозг мглой. Видимо, это чувство клубилось глубоко во мне. Чувство скорого предательства. Обмана. Убью. Кровь бежит по венам с бешеной скоростью, движения быстрые, резкие. Останавливаюсь рядом с ней в паре шагов, смотрит на меня своими аквамариновыми глазами полными страха. Значит, правда.

– Встань.

– Я его не знаю, в первый раз слышу. Это какая-то ошибка, – пошло по давно написанному сценарию. Понимает это и резко замолкает, не сводя своего взгляда. Отступает назад.

– Ты лживая грязь, к которой противно даже притрагиваться, – столько эмоций. Не дают сконцентрироваться. Эта ведьма проникла глубже, чем я думал. Не хотел, чтобы эта была она. Только не она. Почему? Потому что... от того что не могу сам понять, хочется рвать и крушить, эта сучка глубже, чем я думал, но для всех предателей одна дорога и она не будет исключением. Эта ведьма пожалеет. – Что? Больше нечего сказать? – Говорю спокойно, но внутри всё рвётся, цепи, которые удерживают моего монстра, который никому не прощает такого. Тёмная сторона берёт вверх надо мной. Ещё никогда я не испытывал таких сильных эмоций. Смотрю на неё и не могу поверить в её ложь. Злясь ещё сильнее, что пытаюсь найти оправдания.

– Мне даже противно об тебя руки марать, – последние капли самообладания. А она только подтверждает мои догадки, мои слова. – За это ты будешь страдать, это я тебе обещаю.

Поворачиваюсь полу-боком к своим людям.

Отдаю приказа своим людям.

– Это не я. Я ничего не делала, – сказала последнее, прежде чем её увели.

Мой бесчувственный монстр требует наказать суку, которая кормит своими эмоциями, показывает какая эмоциональная жизнь. Сколько в ней красок. За то короткое время, что она здесь, я не чувствовал себя более живым, чем когда-то. Она делала меня живым. И это всё Ведьма давала мне. Лживая. Подлая. Ведьма.

Ближе к вечеру, идя к ней, был случайным свидетелем разговора войнов, которые спорили кто первым трахнет Асадовскую подстилку и выживет ли она после того как обслужит

всех. Никто к ней не притронется, кроме меня. Никому не позволю, только Я. Выйдя из угла шалаша, останавливаюсь в паре метров от говорившихся, замирают, прекратив разговор.

– Ну, что замолчали? Очень красочно, – не узнаю свой голос.

– Господин, по правилам... – переведя взгляд на смертника, резко замолкает. Да, правильно, потому что ...

– На мои вещи эти правила не распространяются, – подойдя вплотную, смотрю прямо в глаза, еле сдерживаясь, чтобы не показать своим войнам какое влияние у неё на меня, чтобы не поняли, что она что-то значит.

– Господин, мы думали, что попав в яму, она стала общей и может кто угодно её взять, как тому пожелается, так было всегда, – говорит уже другой, слева от нас. Смотрю на него, долго. Да, так и было. Но не своим подарком. Моим был, моим и умрёт.

– Моё останется моим. Идите к шлюхам, караульные больше не понадобятся, – сказав, направляюсь к ней.

Хочу увидеть. Хочу взять её. Хочу попробовать её. Я это сделаю. Имею полное право, тем более за то, что она сделала и могу сделать и не только это и не только я...

Как только оказался с ней, мозг отключился, остались инстинкты. Взять. Наказать. Подчинить. Слышал стоны, слышал рыдания, но не мог остановиться. Если бы остановился, умер. Это чувство, которое я испытал неподвластно описанию. Ощущения от её тесноты буду вспоминать очень часто, не с кем такого не было. Если бы не было крови – подумал, что девственности. Такая тесная, тугая. Вдалбливаясь в её широко разведённые бедра, крутил один и тот же вопрос: «Почему ты?». Уже знал, что не будет казни. Закую её цепями, но никто к ней не притронется, кроме меня. Только я её буду трахать. С лживыми тварями только так и поступают. Долго я не мог кончить, останавливая себя, чтобы продлить это удовольствие. Не хотел выходить. Кончил, переведя свой взгляд на бессознательное тело, но ни какой эмоции я не испытал. Ни удовольствия от разрядки, ни жалости к ней, ни радости, что добрался до такого желанного тела. Ничего. Пустота. Скатившая слеза из её закрывшихся глаз отключила все мои эмоции.

Пять дней спустя...

Приехав к отцу, тем же вечером был накрыт праздничный стол по прибытию. Как всегда.

– Как тебе стол, сын мой? – Спросила старшая жена – Сарима. Змея, возглавляющая гадюшник отца. – Жена твоя постаралась, всю ночь не спала, пытаясь угодить своему мужу.

– Это её задача, угождать мужу... – смотрю в глаза. Сужает свои, злится. Не стоит ей лезть не в своё дело. Но это не про неё...

– Она тебя так ждала, – не унимается.

– Спасибо, мама. Но мне было в радость готовить для своего мужа, – подняв на секунду взгляд, смотрит на меня и тут же опускает его. Не положено.

– Сын, как прошла встреча? Пришли к соглашению? – Прекращает этот абсурд отец.

– Нет, – коротко отвечаю, не вижу смысла при всех вести этот разговор.

– Подойди в мой кабинет после ужина, сын, есть разговор, – говорит спокойным холодным тоном Амир.

– Брат, а это правда, что говорят? – Подал голос Назир – младший брат.

– А что говорят? – спрашиваю спокойно, но зная избалованного брата, можно ожидать чего угодно. Самый младший сын отца, Кадире-третьей жене тяжело далась беременность, чудом выжил младший брат. Ему позволяют вольности с самого рождения, за которые мы бы уже давно были наказаны. И что из это вышло? Избалованный, наглый, беспечный, безответственный подросток. Ни на что не способный.

– Что Асадовская утка ещё жива, – замолкает. Ооо.. как быстро к ним пришли новости. Странна, что Сарима ещё свой яд не выпустила, не спросив про неё. Мелкий засранец, всё делает исподтишка. Отец всё его жалеет, а он и сел ему на шею. С нами он такими не был.

– Жива, – отвечаю спокойно, продолжая трапезу. Этот мальчишка понял, что не стоит продолжать разговор на эту тему, опустив голову в тарелку.

– А где Вахид? – не замечая старшего брата за столом, поинтересовался я.

– Он с женой в больнице. Надеюсь Аллах одарит меня внуком. Ждем его, когда сообщит радостную весть.

– Сын, если бы ты приезжал чаще к своей жене, Аллах бы одарил бы и тебя таким счастьем, – змея снова открывала свой рот, яд у неё смертельный, вонючий.

– Я проливаю свою кровь, чтобы Вы- СаримА были в безопасности... – не даёт закончить, перебивает. Отец слишком многое ей позволяет.

– Да, ты прав, Иман. И я тебе благодарна за это. Каждый раз молюсь Аллаху, чтобы ты вскоре вернулся домой и мои молитвы он слышит. Но было бы лучше, чтобы ты чаще навещал свою жену ночью и чудо обязательно случится, – не унимается она, но отец уже вступает в эту бессмысленный диалог, положив свою ладонь поверх её руки на столе, слегка сжав её, повернув к нему голову, дерзко заглядывая прямо в глаза своему Господину, благоразумие всё же берёт вверх над скверным характером и она опускает взгляд под ноги. После этого она уже не делает попыток мне что-то сказать. Ужин проходит в молчании. А в душе твориться цунами. Внешне спокоен, как удав, но внутри черный клубок, который засосёт, стоит только приблизиться. Не было ни минуты затишья. Периодически накрывают волны непонятного чувства, которые зарождаются глубоко в груди, отдавая глухими ударами о сердце. Что-то грядёт.

В тот же вечер после ужина мы удалились с отцом в его кабинет, переговорив о сложившейся ситуации. Амир Сахим не имеет никакого отношения к тем землям, которыми я владею, но как отец считает необходимым дать совет в том или иной деле. Не вдаваясь в подробности, о которых, я уверен, отец знает, принял решение, что задержусь ещё на пару дней, решив вопросы о перевозке, которая вскоре состоится.

Этим же вечером отправил доверенное лицо в тот посёлок, где лежал в больнице. Он выяснит всё. Я знаю, что была установлена камера в палате, но вида не подал, что понял это. Поэтому была установлена ещё одна камера. никто не знает про неё, кроме двух людей: меня и того верного человека, которого я отправлю. Не думал, что она пригодится, но ...

К вечеру пятого дня, я не смог сидеть на месте, меня всё время куда-то тянуло. Не мог понять, что происходит. На интуитивном уровне ко мне в этот день никто не подходил, от меня всё шарахались стоило только появиться на этаже как слуги покидали это крыло. Да, инстинкт самосохранения хорошо работает, не стоит ко мне и близко подходить сейчас. Уже днём сформировалась мысль, что нужно срочно быть рядом с ней. Нужно срочно добраться до Ведьмы. Я отгонял эту мысль как только мог, но когда решил довериться своим ощущением и взяв коня, скача галопом из города в мою стороны со всей скоростью неся запыхавшийся конь, а на нём мальчишка, который еле как держался за него, а поравнявшись со мной только и успел сказать своим охрипшем уставшем голосом, прежде чем свалиться на землю от бессилия:

– Господин, нападение ... мертвы...

Глава 19.

Сквозь дрему, я слышала чей-то голос, какие-то пошепывания, но не могла определить кому они принадлежат, что конкретно говорят, ощущала приятное прохладное касание к лицу, к ладоням, принося мне облегчения, от которых, мне кажется, я не смогла сдержать даже стон.

– Давай, девочка, просыпайся, ты уже должна проснуться от настоя трав, которым я тебя пою весь день, – такой знакомый голос. Смогла рассмотреть говорившего только после того, как протёрла глаза. Точнее говорившую. Зарма. Как во время, как раз нужно снова выходить подстилку их Господина. Сломанных он отдаёт на съедение своим шакалам, видимо, понравилось, раз решил подлатать испорченный подарок.

– Умница, девочка, теперь всё будет хорошо, – смотрю на неё, а внутри пустота. Ничего нет. Ничего не будет хорошего. Души нет, внутри образовался вакуум. Сейчас у меня болит оболочка: ссадины, образовавшиеся от трения об землю... после будет агония, которая затопит моё тело и сознание в кислоте. Вопрос времени только. Но я выживу. С этим монстром теперь у нас будут «особые отношения», раз он не бросил меня в том яме. Я помню его бешенный взгляд, там не было здравого разума, чёткая цель – наказать. А мой страх перед ним теперь будет постоянный. Я никогда не смогу забыть то, что он со мной сделал. А травница, не прекращая, верещала мне какую-то бредятину.

– Так должно было быть. Всё идёт как должно идти. Так было нужно, девочка.

– Замолчите... пожалуйста... замолчите. Я ничего не делала, я получила незаслуженное наказание... – она обрывает, схватив меня за руку в лёгком захвате, садясь на тахту рядом.

– Знаю я. Но я ничего не могла изменить, так должно было быть. Это должно было случиться, поэтому мне пришлось уйти в пески, чтобы не сделать хуже. Оставшись здесь и попробовав тебя спасти, я навлекла бы на тебя беду и никто не знает что было бы после...

– Вы знали? И не попытались вмешаться? – Услышала только то, что хотела сама услышать, спросив слегка повысив голос, но тут же скривилась от неприятного першения в горле.

– На, попей, сразу станет легче, – протянув ёмкость с жидкостью, жадно припала к ней. Прохлада помогла унять это неприятное ощущение. Поставив на табурет пялу, я уже смотрела в стеклянные глаза Зармы осмыслённым взглядом, не обращая внимания на саднящие ссадины, попыталась облокотиться на стенку.

– Эс..сс, – стиснув зубы, сделала глубокий вдох, пытаюсь привыкнуть к тянущей острой боли внизу живота.

– Сейчас выпьешь чай и станет легче, – проводит успокаивающими движениями вдоль ладони, но это не может. Не та ситуация, чтобы это помогло, когда тело осквернили, а душу изгряднили и ни она вода не смоет теперь это чувство.

– А что мне делать с душой? – Прикладываю руки к сердцу, произношу эмоционально, потому что сознание прорывается, подкидывая мне картинки адской ночи, делая большую трещину, в моей возведённой стене. Лучше сейчас я всё выскажу, чем кому-то и не понятно где. – Вы знаете, что там происходит сейчас? А я вам скажу. Там пусто, ничего нет. Только глядя на свои ссадины, всплывают картинки как он истезал моё тело. Кк.. как... Как изнасиловал меня. А вы со мной говорите как будто он просто со мной воспитательную беседу провёл. Я его ненавижу. Он чудовище. И если он ещё раз ко мне притронется, я сама его убью..., – не в состоянии сдерживать свои эмоции, закрываю рот рукой и беззвучно рыдаю, слёзы уже давно каплют на простыню, оставляя обжигающие дорожки на щеках. Тяжесть наваливается на меня в трёхкратном размере, зажимаю глаза, что есть силы, так легче, никого не хочу видеть.

– Уходите... пожалуйста... я... хочу... побыть одна, – сквозь рыдания пытаюсь выдать мольбу об одиночестве. Мне сейчас это надо. Пожалее себя и пойду дальше. Ложась в позу

эмбриона, обхватываю низ живота. Может так чуть боль утихнет, потому что от плача живот в напряжении и волны боли как острые клинки проникают в самое нутро.

Комкаю простыню, сжав зубами край, пытаюсь всё боль, всю ненависть выплеснуть на эту чёртову тряпку.

После бесконечных минут-часов рыданий мне стало легче, как бывает после выплаканных слёз. Но боль никуда не ушла, она всегда останется внутри. Лежа на спине и смотря на потолок, выводя невидимые узоры, я думала о будущем. Какое оно меня ждёт? Увижу ли я когда-нибудь своих близких, свою дочь? И когда до меня дошёл смысл вопроса, что нет у меня той оптимистичной жилки о том, что выберусь, что я вернусь, я ужаснулась от того, что смирились со всем этим. И на смену этим мыслям, пришло чёткое осознание – Я ВЫЖИВУ. Только куда деть страх, который я буду испытывать при каждой встрече с чудовищем? Не смогу, чересчур эмоциональная, чтобы держать «лицо кирпичом». Он быстро прочтёт всё на моём лице. А хищнику нельзя показывать свой страх. Он им питается. Страх-это слабость. Но как побороть себя? Почему я не пошла на психолога? Вспомнив о чае, который мне оставила Зарма, я привстала и осушила всё до дна. Через несколько минут меня потянуло в сон. Единственное место, где я чувствую себя в безопасности – это объятия Морфея. Мысленно поблагодарив травницу за чудо-чай, я провалилась в темноту.

Прошло пять дней. Целых пять спокойных дня. Благодаря травам и мазям, которые я смазывала ссадины я быстро восстановилась, точнее моё тело, а вот моя душа. Она ... она покрылась льдом страха, обдавая тело неприятными мурашками при любом упоминание о случившемся. Я стараюсь об этом не вспоминать, но ...

– Это тебе ещё повезло, девочка. Ты была не девственницей, можно считать, что это грубым сексом. Зарма, знает, что говорит. Если бы не он, взяли бы тебя по очереди все желающие или разом. Так было бы лучше? Ты бы не выжила после такого. Никто не выживает, как бы я не пыталась их спасти, никто. Не терзай душу и память, – Зарма пыталась ещё со мной поговорить, но у нас разные взгляды на эту ситуацию. Я даже представить боюсь, что было бы со мной будь я девственницей.

– Мне противно от ваших слов, – не посмотрев на неё, отвечаю не сразу. Это правда, я не понимаю как ... как ... Я даже не могу подобрать слов, чтобы описать своих чувств. Мой мозг плавится от мыслей, от постоянных воспоминаний, от не понимания этого мира.

– Потертость быстро сойдёт. Внутренних повреждений нет, – ничего не ответив на это, она вышла.

К вечеру пятого дня, замечаю движение в окне. Подойдя ближе, отодвигаю белую ткань в сторону, чтобы разглядеть по-лучше. Что-то даже удаётся услышать.

– Их много... с двух сторон... суки.. разделяемся.

Больше никто не пробегал.

Для полного счастья не хватало ещё нападения. Я боялась чудовища, но судьба решила всё по-другому. Я не хотела больше его видеть и жизнь подарила мне эту возможность – я его больше не увижу. По обрывкам фраз, я сделала неутешительные выводы и не в нашу пользу. Их больше, они нас окружили. Я не знаю сколько Иман оставил своих людей здесь. Надеюсь достаточно, чтобы отбить удар. От неизвестности начала измерять шагами убежище Зармы, её всё не было. Она приходила вечером, утром рано уходила. Больше разговоров не было у нас. Я не желала ей зла. Не знаю сколько прошло времени прежде чем она пришла, но как только она переступила порог и закрыла за собой дверь, я тут же кинулась к ней, чтобы узнать больше информации. Хотя не понимала, чтобы я смогла с ней сделать.

– Зарма, что происходит? Их слишком много? Я слышала как двое мужчин переговаривались, – её лицо ничего не выражало. Может и мне не стоит волноваться? Но после её слов, я поняла, что ошиблась. Волноваться нужно.

– Успокойся, девочка. Я тебя спрячу. Никто не знает об этом месте.

– Зарма, а ты?

– Если мне суждено встретиться с Аллахом, это случится сегодня. А если нет, то мы ещё увидимся.

Ужас пробрался ко мне. Холодок прошёлся по спине. Я только начала понимать, что она пытается до меня донести.

– Зарма, я не хочу, чтобы ты умирала. Давай со мной, – вцепилась в её сухие руки, но такие мягкие, как пух.

С улицы уже доносятся выстрелы, крики женщин, детей, людей Имана. Вздрагиваю от резкого шума, перевожу взгляд за спину травницы и встречаюсь с тем мужчиной, который меня провожал к Ибрагиму.

– Я задержу их, а вы через окно ползайте, кони с западной стороны, если поторопитесь, то успеете, – у него не было в голове страха, тревожности, нервозности. Он говорил спокойно, но повысив голос. Он не боится смерти. Сказав это, вышел.

– Зарма, я пойду только с тобой, – сжав её руки, говорю дрожащим голосом. Мне страшно.

– Тише, девочка, тише... – сжав в поддержке в ответ, она отпускает и идёт к спальному месту. – С тобой я не могу пойти, а на счёт смерти я уже сказала. Если суждено, противиться не буду, – начала отодвигать тахту. А я стаю истуканом и не могу даже сделать полной грудью вдох.

– У нас мало времени, помощи, – повернув голову ко мне, говорит. Подрываюсь и помогаю. – Ты будешь сидеть здесь, пока он не придёт.

– Зарма, прошу, давай сделаем как сказал он.

– Он предатель. И я не уверена, что там нет ловушки. Здесь я уверена, что ты будешь в безопасности, – параллельно она подковыривает деревяшку и следом поднимает пять половиц, которые соединяются одной дощечкой с внутренней стороны. – А теперь послушай меня внимательно, девочка. Я напишу письмо Иману, если он забудет напомни ему о нём. Если слушаешь старуху, увидишь свою дочь снова.

– Как ты узнала о... – не даёт договорить.

– Не перебивай меня. Ты можешь его поставить на колени, если только захочешь. Он твоё спасение и твоя гибель, запомни это. Только тебе решать. Всё, давай, ползай, – тянет меня вниз, чтобы залезла туда.

– Зарма, давай со мной, здесь хватит места. Говоришь так, как будто прощаешься.

– Живо ползай, кому говорю... – повышает голос. Вспрыгнув, отмечаю, что достаточно большой подвал. Не глубокий, но и на корточках сидеть не придётся. Не успела даже голову поднять, как погружаюсь в мрак, закрыла меня дощечками. По звуку, задвигает на место тахту. Пытаюсь прислушаться, слышимость не такая хорошая, но всё равно слышаться ещё крики, выстрелы. Никакого просвета нет, чтобы подсмотреть, что происходит, но потом, когда наверху всё утихнет, а до меня окончательно дойдёт, что произошло, я буду рада, что не предусмотрен просвет. Я бы не хотела этого видеть. Не смогла бы усидеть на месте, видя как человек умирает...

Глава 20

Автоматная очередь слышится всё сильнее. Руки трясутся, сердце бешено стучит, разнося кровь с невероятной скоростью. Зарму всё также не слышно, от этого становится ещё страшней. Я не хочу, чтобы она умирала. Она прощалась со мной. И письмо, которое должен потом увидеть Иман – это прощание с ним. Но почему? Здесь бы хватило места для нас двоих. Неужели она видела свою смерть. Начинаю читать молитву, чтобы Господь Бог сохранил жизнь травнице. Она не заслужила смерти, она единственная кто ко мне искренне относился. Ещё Ибрагим... Надеюсь он сможет выжить...

От молитвы, которую я с трудом пыталась вспомнить, меня отвлѣк резкий грохот, подпрыгнув на месте, я зажала рот рукой, чтобы не слышали как я дышу, потому что я уверена, что дышу я как загнанная лошадь. Прислонилась к стенке, я подняла голову вверх, но всё также ничего не видно. Из-за того, что пульс отдаѣт в уши, я плохо слышу, что происходит наверху. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Убираю руку со рта, пытаюсь прислушаться к происходящему.

– Где эта подстилка? – Слышу голос того мужчины, но он уже не такой спокойный каким был, а возбужденный, с нотками злости.

– Как ты и сказал, через окна убежала к коням, – спокойный скрипучий тон старухи не пропитан страхом. Она отвечает как и всегда.

– Врёшь, старая. Не могла одна. Куда дела? Отвечай, пока не подстрелил, – рычит он, слышу тяжѣлые шаги, идѣт к ней.

– Чего так переживаешь? Убежала куда сказала...

– Я знаю, что врѣшь, старая.

– Я не боюсь смерти. Особенно от рук шакала, – звук удара и подающего тело. Урод, как можно ударить женщину?

– И что ты этим добился, Узббет? Думаешь, что скажу правду? Нет, не скажу.

– Ей же будет хуже, – всё-таки Зарма была права и он предатель. Нельзя позволить, чтобы меня обнаружили.

– Твоѣ предательство стоило свеч, а? – Спрашивает Зарма с издѣвкой.

– Закрой рот, старуха. Что ты знаешь? Ничего... Я хочу лучшее для свой семьи, – угрожающе тихо произносит он.

– Знаю, я многое знаю. И своим предательством ты не поможешь своей семье, только позор...

Какой-то шум. Выстрел. Крик. Со всем рядом. Зарма только выживи. Только не ты, пожалуйста.

– Где эта сука? – Кто-то громко сказал. Но не рядом.

– Старуха сказала, что сделала всё, что было сказано.

– Тогда где она? Перед отъездом хотел развлечься, оставив Иману потрепанный подарок.

– Выдвигаемся, сама сдохнет, если пошла в пески. Нет времени.

– Узббет, на твой счѣт у нас особое поручение, – слышу тяжелые приближающие шаги. Хрип. Стон. – Твоему новому Господину не нужны предатели. Предал одному- предашь другого.

– Ааа... – приглушѣнный стон.

– А то делать со старухой? – Умоляю, сохраните ей жизнь. Секунды так долго идут, пока я жду ответ и потом...

– Быстро, – это всё, что слышу, а потом только выстрел. Один. И звук падающего тела. Зарма... Нет. Всхлипываю, прикрываю рот рукой со всей силы, потому что кажется, что даже мелкие вдохи, которые я делаю, кажутся очень громкими. От слѣз, всё плывѣт, всё размывается,

ещё и так мрак кругом. Не слышу больше шагов, разговоров, давящая тишина, только один раз был стон боли и скрип двери. Я осталась совершенно одна, тишина давит, чувствую, как воздух сгущается, протяни руку и почувствуешь его. Мне так больно, так горит всё внутри. В груди. Глубоко внутри, хочется разорвать кожу и вырвать то, что приносит боль. Руку от рта не убираю, потому что боюсь, что могут услышать меня и смерть Зармы будет напрасной. Она меня спрятала, защитила. Выходит и правда видела свою смерть. Почему мне ничего не говорила? Я эти два дня так себя с ней вела, хотя она не была виноватой. Поганая натура всех людей, мы не ценим, когда есть, а потерявши начинаем жалеть. Присев на задницу и попытавшись задыхать полной грудью, у меня не сразу получилось, грудь сдавило, кислорода мало, слёзы каплют. Какая несправедливая жизнь.

Просидела я достаточно долго, потому все мышцы затекли. Думаю, уже глубокая ночь, потому что напали на нас вечером. За эти часы одиночества какие только мысли не лезли. Что если он не придёт? Что если никто сюда не зайдёт? Я пыталась выбраться, сбила ребро ладони. Один страх замещает другой страх. Но самый главный. Страх- Неизвестности. Когда мысли о смерти витают противовес этим мыслям возникает стойкое желание жизнь. Выжить. Любой ценой. Так и сейчас, я не хочу, чтобы моя жизнь оборвалась таким образом. Я хочу, чтобы у меня был шанс побороться за неё, а сейчас безвыходная ситуация. Остаётся только ждать.

Пытаюсь размять ноги, но как только это делаю, сразу кривлюсь от неприятных ощущений.

– Цсс... – не могу сдержаться. Чёрт, как же больно.

Постепенно страх накатывает с новой силой. Сколько здесь я уже просидела? Достаточно долго. Никого нет. Больше не слышно было ни криков, ни выстрелов, ни стонов. Оглушающая тишина, от которой волоски встают дыбом на руках. Жутко. Я не знаю сколько прошло времени, за это время я не на секунду не смогла закрыть глаза. Боялась, вдруг кого-то услышу, но пропущу этот момент, потому что опять отдалась в спасительные объятия Морфея. Потом, всё потом. Он придет, Зарма была уверена, что он придёт. Значит, придёт. Как только произнесла её имя у себя в голове, мысли тут же улетучились. Не о чём больше не могла думать. Только о том, что травница мертва. Мои эмоции рвут меня изнутри, они разрывают меня на части. Хочется орать, долго и надрывно.

В работе привыкаешь к смерти, я научилась разделять рабочее от личного. И для меня пациент всегда оставался пациентом, никогда не привязывалась к ним. Но сейчас другая ситуация, всё другое. Другая страна, другой менталитет, другие правила и единственный человек, который мне помогал и был искренне добр в самый ужасный момент в моей жизни – теперь мёртв. Я успела за такой короткий срок к ней привязаться. Слёз нет, но глаза щиплют. Красные, напряжённые.

Спустя бесконечно долгих минут я ощутила, что что-то поменялось, хотя гробовая тишина сохранилась, но шестое чувство говорило об обратном. Вскоре я в этом убедилась, прислушиваясь я уловила как скрипнула дверь. Адреналин подскочил до максимальных показателей, почувствовала лёгкое головокружение, но постаралась взять себя в руки, потому что я осталась одна и не знаю кто мог сюда явиться и какие цели преследует этот человек.

– Тише, Надя, успокойся. Зарма сама говорила, что никто об этом месте не знает, – успокаивала я себя, говоря вслух, но очень тихо, чтобы никто не услышал. Когда слышишь голос – легче. Не так страшно становится. В ушах шумит, не могу сконцентрироваться. Перемещаюсь в дальний угол, оглядываюсь в поисках какого-нибудь тяжёлого предмета, но ничего подходящего не нахожу. По другую сторону – полки, на них мешочки с травами и остро-колющих предметов по близости не наблюдается. Ничего не найдя, поднимаю голову и прислушиваюсь, сердце пропускает болезненный удар. Тяжёлые шаги со всем близко, отвлеклась и не услышала этого.

Я даже уже не знаю, что лучше остаться здесь и умереть от недостатка воздуха, еды и воды или же дать себя обнаружить, но в случае чего бороться за свою жизнь до последнего. От этих мыслей меня вырвал скрип ножки от... Тахты. Чёрт, это точно она, прямо надо мной. Сердце не справляется с работой, от его стука мне физически становится больно в районе грудины, делаю глубокие вдохи, от неизвестности прижимаюсь в угол, занимая оборонительную позу. Крышка поднимается, но из-за того, что я сидела в темноте мне ничего не видно кто именно стоит и возвышается надо мной, только силуэт. Мощное тело, большое. Он делает движение, а я от страха замираю глаза, но вскрикиваю от боли в плече, потому что меня вытаскивают на поверхность.

Меня не отпускают, вглядываюсь в такое знакомое лицо. Никогда бы не подумала, что могу испытать радость и облегчения от присутствия своего мучителя рядом. Облегченный выдох, не обращаю внимание на руку, обвожу взглядом пол. Сразу нахожу мёртвое тело Зармы, задерживаю дыхание, чтобы как-то справиться с нахлынувшими эмоциями, но это плохо удаётся, поэтому закрываю рот рукой. Её тело на боку, голову откинута назад, ручеёк крови от головы ушёл в сторону. Из-за того, что жилище маленькие, кажется, что весь пол испачкан кровью. Она тянется каплями до двери, видимо, это Узбета кровь. Надеюсь, он сдох, как шакал как говорила Зарма.

– Я.. я просила её, ... чтобы она спряталась со мной, – начала я говорить не своим голосом. Он неживой какой-то. Глаза режет, в горле ком, тело в напряжении. Давай, Надя, хватит смотреть на тело. Ничего не изменить, оно не поднимется. Её больше нет.

– Я не хотела её смерти, – говорю тихо-тихо, поднимая голову на чудовище, встречаясь с ним взглядом и ...

Он до сих пор держит моё плечо и не отпускает его, смотрит на меня сверху-вниз, затягивая в чёрную воронку, из которой невозможно выбраться. Я не могу опустить голову, как тому требуют их правила. Вздрагиваю, когда его грубые пальцы касаются моей щеки. Проходит по ней, оставляя дорожки жара, хочется посторониться, потому что ненавижу, когда трогают моё лицо, но не могу, на подсознательном уровне не могу, видимо, моё самосохранение проснулось. Он как будто проверяет, хочет убедиться, что я жива. Глаза смотрят на меня неотрывно, сканирую каждую эмоцию на моём лице, но сейчас ничего нет. Пусто, выдохлась. Слишком много потрясений за последние дни.

– Пошли, – говорит грубым охрипшем голосом. Отстраняется от меня и идёт на выход. Я тут же следую за ним, потому что меня ещё всё трясёт, а в данный момент он для меня, как спасательная шлюпка. Сейчас я чувствую себя рядом с ним в безопасности. Только сейчас.

– Зарма. Её надо похоронить, – говорю в спину, спустя несколько минут, он всё-таки отвечает, хотя думала, что он оставит мой вопрос без ответа. Кто я такая, чтобы от отвечал на них? Не стоит об этом забывать.

– Это не твоя забота.

– Стой, – говорю слишком громко, от чего он приостанавливается и поворачивает голову на бок. – Зарма говорила про какое-то письмо, – сразу поясняю, чтобы он не подумал, что я ему указываю.

Остановившись возле двери, жду, потому что он сразу же пошёл в известном ему направлении за письмом. Слыша голоса за дверью, понимаю, что его люди уже здесь и я не хочу с ними оставаться одна.

Стоя боком, не смея в открытую пялится, отмечаю, что мужчина уже читает послание. Быстро убрав его в карман не сразу направляется к выходу, а поворачивает голову к окну и смотрит в него долгие минуты.

Он мне больше не отдаёт приказы. Как вышли я не заметила, как хвостик следую за ним, опустив голову. Так продолжалось до прибытия во дворец.

Глава 21

От

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.